

Юлия Цытленкова

30 ДНЕЙ

18+

Юлия Цыпленкова

30 дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66050694

SelfPub; 2024

Аннотация

Что могут сотворить несколько капель крови, смешанные с вином для пленника? Игнис Сиел считала – ничего, она желала всего лишь развлечься. Одна шалость, и маховик уже запущен. Его бег не остановить и не замедлить. Всего шаг, и вот уже под ногами змеится трещинами земля, кроша без жалости привычный устоявшийся мир. Господин в гневе, и наказание за проступок следует немедля, но... Даже всемогущий Вечный не в силах предугадать будущего. Его пленник на свободе, а Игнис в плену. Лишенная чар на тридцать дней, она всего лишь простая смертная среди врагов, чья ненависть к слуге Черного безгранична. Но даже человеческая ненависть может оказаться слабей иного врага, который таится в глубинах собственного сознания, и имя его – память. И что скрывается за туманом прошлого, можно познать, лишь опустившись на самое дно разверзшейся пропасти. Что ожидает Игнис в конце установленного срока? Ответ можно узнать только в конце, главное, суметь пережить тридцать дней...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. День первый	24
Глава 2. День второй	48
Глава 3. День пятый	83
Глава 4. День шестой	128
Глава 5. День седьмой	184
Глава 6. День восьмой	227
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Юлия Цыпленкова

30 дней

Пролог

Огонь. Его острые языки вылизывают поленья, сжигают в своей неутомимой страсти и сдыхают, как только поглотить становится нечего. Эту страсть можно разжечь до невероятных размеров, превратить в неутомимый пожар, ужасающий, но прекрасный в своей первозданной силе. А можно затеплить маленький огонек, тихий и незначительный. Он будет мирно светить, не причинив никому вреда, но умрет так же, как буйное пожарище. Огонь смертен, как всё живое, и также вечен, как боги...

Оторвав взгляд от камина, я поднялась с огромного ложа, еще хранившего запах мужского тела, страсть которого полыхала так же отчаянно, как огонь. Правда, в отличие от огня, владелец пьянящего аромата вечен. Впрочем, даже Вечные однажды превращаются в прах. Убить можно и бога, если знать как. Криво усмехнувшись, я накинула на тело полупрозрачное черное одеяние. Прихватила со столика тяжелый золотой кубок, в котором еще оставалось вино, такое же бордовое, как кровь в венах, и такое же густое и тягучее. Новая ухмылка искривила губы, и кубок вернулся на стол.

Острый тонкий клинок вспорол вену, и несколько капель моей крови упали в вино. Забавная идея, ее воплощение еще забавней. Сделав глоток, я легко рассмеялась, предвкушая предстоящее развлечение. Это самая любимая из моих забав. Не знаю почему, наверное, потому что наблюдать чужое падение приятно. А может потому, что наблюдая чужое падение, забываешь о глубине своего собственного.

Покачивая бедрами, я покинула спальню с кубком в руке. Любопытно, почему мне раньше не пришла в голову эта идея? Впрочем, нет, неинтересно. До этого у меня были другие выдумки. У меня вообще богатая фантазия. Завтра я придумаю что-нибудь новое, послезавтра еще что-то. Не люблю повторяться. За это меня любит ОН. За это себя люблю я. Его не люблю, и он это знает. Но ему моя любовь не нужна, только верность, тело и фантазия.

Впрочем, у него такая фантазия, что я вряд ли когда-нибудь смогу сравниться с ним, и вряд ли встречу кого-то лучше. Иногда я думаю, что будет, когда он потеряет ко мне интерес, и в этой спальне появится другая женщина? Не знаю, никогда не могу найти ответ. Он – не смысл моей жизни, он – мой господин и повелитель, и значит, будет пользоваться мной столько, сколько посчитает нужным. А я буду пользоваться его милостью.

Мои выходки забавляют его. Мне прощается то, что не прощается остальным. За это меня ненавидят и ждут падения, но прошло уже бесконечное количество лет, а я всё еще

подле него. Возможно, завтра я стану одной из многих, но сегодня я его любимая игрушка... одна из многих, но единственная, к кому он не теряет интерес. Тогда пусть так будет и дальше. Пусть так будет вечно...

Я прошла мимо молчаливых стражей, опустивших глаза при моем появлении, но провожавших меня долгими пристальными взглядами в спину. Запах их вожделения всегда заполняет полутемный коридор после утех Господина. Удушливый, тяжелый, но пьянящий. Иногда я задерживаюсь рядом с одним из стражей и с упоением втягиваю носом запах похоти, так же жадно, как он вдыхает мой аромат. Я вижу, как трепещут его ноздри, вижу, с какой силой он сжимает кулаки, чтобы устоять и не осмелиться на глупость, последнюю глупость в его жизни. Господин не прощает прикосновений к своей любимой игрушке. И когда кровь из ран от когтей на ладонях стража начинает капать на каменные плиты пола, я отхожу, прислушиваясь к тяжелому дыханию за своей спиной.

– Зачем ты дразнишь воинов? – как-то спросил меня Господин. – Ты знаешь, чем это может закончиться. Хочешь видеть смерть одного из них?

– Мой господин жалеет стражей?

– Твой господин желает знать, зачем ты их дразнишь.

– Скучно...

Да, мне скучно в его огромном и мрачном замке. Скучно в тяжеловесной роскоши покоев. Но на свободу я выхо-

жу редко. Не знаю почему, но Господин не любит надолго отпускать меня. Наверное, ему тоже скучно, и, наверное, его забавляют мои выходки. Он не накричал на меня еще ни разу. Наказывал, когда считал, что я провинилась, но никогда не рычал так, как на остальных обитателей замка и земель, принадлежавших ему.

– Открой.

Громыхнул засов, скрипнула отворяемая решетка, прутья которой были толщиной в мою руку, и я шагнула в леденящую темноту подземелья. Я бываю здесь, но редко. Только в последнее время стала приходить почти каждый день. Мой путь заканчивается у одной и той же двери – тяжелой, пахнувшей ржавчиной. И как всегда я сначала привстаю на цыпочки и заглядываю в маленькое окошко, чтобы разглядеть обитателя сырых замшелых стен каменного мешка.

В темнице нет света, но он и не нужен мне, чтобы увидеть. Несколько мгновений я смотрю на изможденное тело, висящее на цепях. Голова пленника свесилась на грудь. Отросшие волосы падают на лицо, и я не могу рассмотреть его. Впрочем, я знаю каждую его черточку, запомнила. И его губы, и прямой нос, и скулы, и подбородок, и глаза... Его голубые глаза подобны двум озерам, в которых невозможно увидеть дна. Пронзительные, когда-то ироничные. Сейчас нет, сейчас его глаза пусты, как бельма слепца. Они утратили яркость и глубину цвета, словно вылиняли за то время, что он закрыт во тьме своего узилища. Я ломаю его раз за разом,

поглощая его разум, его чувства, его упрямство. Пью своего пленника, как терпкое изысканное вино.

Он пытается противостоять, но слишком измотан для той твердости и насмешки, которыми встретил меня в первый раз. Он ожидал пыток палача, но получил намного хуже – меня. Не знаю, зачем я выпросила себе у Господина эту игрушку. Возможно, из-за прямого взгляда, в котором таилась издевка, возможно, из-за вызова, который был слышен в каждом слове нового пленника. Чтобы ни двигало мной, но с выбором развлечения я угадала.

– Открой.

Страж, ждавший за моей спиной, громыхнул связкой ключей. Забавно, но в замке, где каждый камень пропитан магией, темницы закрываются на обычные замки. Всё просто, в подземелье магия исчезает, любая магия, кроме силы Господина.

– Свободен.

Страж шумно втянул носом воздух, бросил взгляд исподлобья и спешно удалился, оставив меня наедине с моим развлечением. Толкнув тяжелую дверь, я вошла в каменный мешок. Еще мгновение смотрела на мужчину, мало напоминавшего того сильного воина, которым он попал в замок, и сократила между нами расстояние.

– Пришла, – прошелестел его голос. Положение пленника не изменилось. Я молчала, ждала продолжения. Некоторое время царила тишина, затем он все-таки поднял голову и по-

пытался разглядеть меня во тьме. — Я думал о тебе.

— Любопытно, — наконец отозвалась я и отошла к единственному факелу. Любовно огладила его, и факел затрещал, охваченный огнем. Эта сила принадлежит Господину. Он поделился ею когда-то со мной. Неслыханная щедрость, невероятная награда, не знаю чем заслуженная мной.

Обернулась к пленнику, он закрыл глаза, тусклый свет ослепил его, и одинокая слеза скатилась по его щеке. Это боль от света, незначительная и безобидная.

— И что же ты думал? — спросила я, вновь приблизившись. Он осторожно разлепил веки и посмотрел на меня.

— Зачем ты приходишь сюда?

Я пожала плечами.

— Ты был дерзок. — Затем коснулась кончиком пальца его щеки, подбирая соленую каплю. — Прошло столько времени, а ты только задумался об этом?

— Времени нет, — усмехнулся пленник. — Оно остановилось в тот день, когда я попал сюда. Сначала я считал дни по твоим приходам, но усомнился в точности своих подсчетов и больше не считаю.

— На какой цифре ты остановился?

— Сотня, — ответил пленник и, прикрыв глаза, облизал сухие губы. Он был обессилен, и мне подумалось, что стоит вновь подпитать его. — Зачем ты приходишь сюда?

— Я ответила.

Отошла на шаг, изучая взглядом тело, некогда бугривше-

еся мышцами. Сейчас от них ничего не осталось... жаль. Когда-то пленник был красив, теперь и его красота превратилась в воспоминание. Щетина покрывала впалые щеки, нужно распорядиться, чтобы его побрили. И помыли.

– Ты сегодня на редкость разговорчив.

– Если я не буду разговаривать, то превращусь в зверя.

Борется. Всё еще борется за свою сущность. Разум по-прежнему светится в поблекших глазах. Это радует. Если бы он сдался, я бы потеряла к нему интерес.

– Зачем ты приходишь?

– А как ты думаешь?

Мужчина усмехнулся, попытался выпрямиться, но цепи не позволили ему. Впрочем, благодаря цепям он мог стоять хотя бы так. Без них изможденный пленник уже не мог бы подняться на ноги.

– Тебя тянет ко мне, – наконец ответил мужчина. – С первого дня. С той минуты, когда впервые увидела. Тебя злит это, и вся твоя ярость достается мне.

Мои брови взметнулись вверх, а через мгновение я расхохоталась.

– Нет? – он не был смущен. – Тогда что? Ощуаешь свою ничтожность рядом с хозяином и идешь сюда, чтобы почувствовать себя хозяйкой? Ты кажешься себе значительней, когда терзаешь меня?

Мой смех оборвался. Я склонила голову к плечу, вновь рассматривая бывшего воина.

– Угадал?

– Любопытно, – протянула я и, сделав шаг к пленнику, встала с ним лицом к лицу. – Ты уже потерял счет дням, от тебя мало что осталось, жизнь почти покинула тело, но всё еще стараешься зацепить меня. Ты – борец, мы оба это знаем. Но где заканчивается предел твоей прочности? За какой чертой ты перестанешь осознавать себя? – Я подняла руку и провела пальцами по плотно поджатым мужским губам. – Я знаю, о чем ты думал на самом деле. Понял, что пропасть уже близка и решил бороться. Мне это нравится.

– Ты забавляешься, – уверенно произнес пленник. – Я знаю. Всегда знал. Но для любой игры однажды наступает конец. Однако ты продолжаешь приходить, всё еще не пресытившись своим игрищами. Зачем?

Я приблизила к нему лицо настолько, что почти коснулась губ бывшего воина своими губами. Он судорожно вздохнул и попытался отстраниться.

– Ты – борец, – повторила я. – Мне нравится твое сопротивление. Ты... вкусный.

– Что ты принесла сегодня?

– У тебя появился интерес, – отметила я. – Это мне тоже нравится. – Наконец отодвинулась и поднесла кубок к губам пленника. – Вино. Я хочу, чтобы ты его выпил.

– Не просто вино, – он стал настороженным.

– Не просто, – я не стала лгать.

– Что в нем?

– Всего лишь толика меня, – я улыбнулась, вышло издевательски. – Я хочу, чтобы ты его выпил.

– Что там? – в голосе, некогда полном силы, слышалось напряжение.

– Выпей, узнаешь, – ответила я.

Свободная ладонь легла на затылок пленника. Он мотнул головой, звякнули цепи, но я сжала его волосы в кулак, не давая отвернуться. Мужчина замычал, губ он не разомкнул.

– Ты же знаешь, я получу то, что хочу, – произнесла я. – Зачем тебе боль?

Он смотрел мне в глаза, и взгляд пленника полыхал ненавистью. Прижавшись к нему, я с тихим стоном вдохнула пьянящую ярость. Остро, жгуче... приятно. Отстранившись, улыбнулась.

– Так даже лучше. Продолжай сопротивляться, я хочу насладиться тем, что ты чувствуешь.

– Еда, – неожиданно произнес пленник. – Я для тебя еда.

И вновь я приблизила к нему лицо и шепнула в сомкнувшиеся губы:

– Ты мое наслаждение.

Пламя сорвалось с пальцев, скользнуло узким змеиным телом к ногам пленника, обвило их, и он закричал. Запах паленой кожи заполнил темницу и тут же развеялся. Я влила в раскрытый в крике рот вино. Воин захлебнулся, закашлялся, но проглотил большую часть. Теперь я окончательно отошла от мужчины и с интересом наблюдала за ним.

– Что меня ждет? – спросил пленник. Боль от ожогов он перестал замечать быстро. Терпеть бывший воин умел.

Я не ответила. Стояла и наблюдала за капелькой пота, скатившейся с виска. Бледные щеки мужчины покрылись легким румянцем. Он гулко сглотнул, не сводя с меня взгляда, но теперь он смотрел не на лицо.

– Боги, – выдохнул пленник сквозь стиснутые зубы и зажмурился. – Ты...

На моих губах снова заиграла легкая полуулыбка. Новая капля пота скатилась по лицу воина, переползла на шею, на ключицу... Он весь был покрыт испариной. Неожиданно для себя я судорожно вздохнула. Желание, которое должно было терзать только мою игрушку, передалось и мне.

– М-м-м, – он застонал и, распахнув глаза, с жадным вождением заскользил взглядом по моему телу, плохо скрытому полупрозрачной тканью. Веки снова сомкнулись.

Сколько он сможет бороться с собой? Сколько будет сопротивляться охватившей его похоти? Я облизала губы, почти ощущая, как желание разливается в крови пленника, как разгорается огонь в его чреслах. Огонь желания, которое не будет удовлетворено.

– Тварь, – хрипло произнес мужчина. Веки распахнулись. Я сделала шаг к нему, жадно потянула носом и не удержала мучительного стога. Его вождение пахло необычно. Оно не было тяжелым, как похоть стражников, не сводило с ума, как желание Господина, чей терпкий аромат воспа-

менял меня с первого вдоха. Запах воина был пряным с ноткой горчинки, добавленной моей кровью. Он кружил голову, зачаровывал, манил, и я сделала еще один шаг, не удержав ответного стона. Я скользнула по своему телу ладонями, задержала их на груди и застонала громче.

Шаг, еще шаг... Взгляд пленника полыхает подобно костру. Я ощущаю его так ясно, словно по моему телу скользят его руки. Остановилась, мотнула головой, пытаюсь отогнать наваждение. Кажется, это была моя самая неудачная выдумка. Прикрыла глаза, и теперь слушала хрипловатое прерывистое дыхание воина. Его аромат вязал меня путами, притягивал, и не было сил устоять. Последний шаг я сделала, так и не открыв глаз. Кажется, он выругался, а в следующее мгновение мои губы оказались в плену губ воина. Моя ладонь поползла по его телу вниз. Мужчина застонал, не разорвав поцелуя. Его язык протиснулся мне в рот, ответила. Ответила, забыв о запрете Господина. Казалось, еще мгновение, и я отдамся своей игрушке...

Тяжелая железная дверь рухнула с грохотом на пол. Волна огня помчалась в нашу сторону. Зло ужалила меня и захлестнула пленника. Он закричал, а я оказалась прижата спиной к груди своего Хозяина.

– Это было лишним, – спокойно сказал Господин.

Я растерянno смотрела на воина, вновь обвисшего без сознания на цепях. Сгоревшая одежда опала пеплом, кожу покрыли ожоги. Мой взгляд скользнул вниз, от желания ничего

не осталось... жаль.

– Ты больше не придешь сюда, – по-прежнему ровно сказал Господин. – Этот пленник мне больше не нужен.

– Ты убьешь его?

Ответа не последовало. Сильная рука обвила мою талию. Впрочем, я не обманывалась ни спокойствием Господина, ни тем, что ладонь его скользнула с талии на бедро, ласкающим движением огладила его и вернулась на прежнее место. Я нарушила запрет, позволила прикоснуться к себе... Великая Тьма и Бесконечный Хаос! Я сама испытала желание! К другому мужчине... Еще никогда и никого я не желала, только моего Хозяина. Бросила на него короткий острый взгляд.

Расслаблен, спокоен. Ни капли ярости или недовольства. Ответил чуть приподнятой бровью.

– Я провинилась, – сказала я.

– Да, – ответил он, на этом разговор закончился.

Спрашивать о наказании смысла не было. Голову не опустила, о пощаде не молила. Я осознавала свою вину, этого Господину было достаточно.

– Зайди в купальню, – велел Хозяин, как только мы подошли к его покоям. – На тебе запах животного.

– Да, Господин, – я слегка поклонилась и невольно втянула носом, пытаясь уловить ускользающий аромат.

Темно-вишневые глаза сузились. Первая приоткрытая эмоция. Вроде ничего значительного, но теперь я точно зна-

ла, что он в бешенстве. Господин умеет прятать чувства даже от меня, но в этот раз я ощутила тонкую нотку запаха пожара, горечь пепла, и что-то еще. Незнакомое, странное, неожиданное, но отозвавшееся на языке остротой. Я сглотнула, не сводя взгляда с расширяющихся зрачков. Глаза Господина стали почти черными, и он приказал:

– Помойся.

Впервые за наше долгое сосуществование тон Хозяина отдал угрозой. Дольше медлить не стала. Вошла в купальню и замерла перед купелью, исходившей паром. Перед внутренним взором появилось лицо пленника. Вспомнила запах его страсти и отчаянно мотнула головой, я всё еще хотела его. Спешно скинув свое одеяние, я шагнула в купель, выдохнула и опустилась в воду. Наконец смогла расслабиться и прикрыла глаза, раздумывая над тем, что произошло в темнице.

Почему я не устояла? Пресыщенная ласками Господина, я ощутила голод с тем, кто должен был насытить меня своими мучениями. Кровь в вине? Она стала той нитью, что протянулась от воина ко мне? В это мгновение поняла, что про забаву с вином я Хозяину не расскажу. Лишнее.

– Тебе жаль его?

Голос Господина прозвучал неожиданно, я едва сдержала испуганный вскрик. Открыв глаза и обнаружила его рядом с купелью. Он смотрел на меня сверху вниз, и его чувства вновь были скрыты от меня.

– Тебе жаль, если пленник умрет?

– Это была моя забава, – ответила я.

– Тебе жаль его? – в третий раз спросил Господин, и я поняла, что именно он имеет в виду.

– Мне жаль лишиться своей игрушки. Пленник неплохо питал меня, – честно ответила я. – Буду ли я сожалеть о нем? Нет, не буду.

Господин кивнул, принимая ответ. Наши взгляды так и остались переплетены в тугой жгут. Кажется, он что-то искал в моих глазах, и мне отчаянно захотелось, чтобы он отвернулся. Первой отвести глаза я не могла. Не сейчас, иначе он поймет, что мне есть, что скрыть от него.

– Боишься, – утвердительно произнес он. – Иди ко мне.

Покинув купель, я послушно приблизилась и, замерев, снова посмотрела ему в глаза.

– Повернись, – велел Господин. И как только я исполнила приказ, накрыл мои плечи ладонями.

Я вздрогнула от леденящего холода, забравшегося под кожу. Тонкие иглы вонзились в поры, вспороли вены и артерии, проникли в глубины моего существа. Я опустила взгляд. По животу расплзался морозный узор, оплетал бедра, змеился по ногам. Каменный бортик купели покрылся инеем, а вскоре горячая вода стала холодной, подернувшись корочкой льда. В тщетной попытке согреться я воззвала к огню, но он не откликнулся, не смог пробиться сквозь холод, затопивший мое тело. Тот, кто подарил пламя, теперь сковал его безжалостным льдом. Исчезли запахи чужих эмоций, пропал

вкус чувств на языке. Тьма разлетелась рваными клоками, оставив меня пустой и... смертной. Ослепляющая боль взорвала разум. Я закричала, полоснула пальцами по воздуху, словно он мог дать мне опору, и полетела в воду, разбив своим телом стылый лед.

Руки Господина подхватили меня, не дав захлебнуться. Он вытащил меня из купели и вынес из умывальни, так ничего больше не сказав. Меня трясло от холода, боль затухала, словно подернувшиеся пеплом угли. Сознание плыло, и то, что я уже лежу на кровати Хозяина, поняла, когда он навис сверху уже полностью обнаженный. По его коже змеились огненные узоры. Они поднимались от узких бедер, переплетались на животе в причудливые линии, повторяя дорожки вен, ползли по груди, по широким плечам, по шее и, наконец, пламя охватило его целиком. Живой факел смотрел на меня черными провалами глаз.

Его жар согрел меня, но огонь в крови не проснулся. Внутри по-прежнему царил лед, и это вновь принесло боль. Холод внутри, жар снаружи. Я изогнулась, широко раскрыв рот, но ни звука не вырвалось наружу, моя боль осталась скована внутри меня. Живое пламя подалось ко мне, нагнулось еще больше, и его жар стал невыносим. Затрещали волосы, кожа покрылась отвратительными волдырями ожогов, и тогда Господин овладел мной. Наверное, я бы умерла в то же мгновение, но холод скрывшийся внутри моего существа, рванул вперед, словно цепной пес, остужая боль, затягивая ожоги

изморозью, мешая пламени уничтожить меня.

Господин брал, жестко вбиваясь в податливое безучастное тело, а я смотрела, как на месте ожогов появляется чернота. Сначала безобразные кляксы, но вот морозный узор растворяется в черноте, и она распускается цветами на ветках. прекрасными, как сама Тьма. Мое тело превратилось в цветущий сад, Его сад. Он взрастил его для себя через мою боль и бессилие, наполнил терпким благоуханием своей страсти, так знакомой мне. И когда аромат заполнил спальню, пришло наслаждение. Незнакомое, не испытанное мною ни разу. Оно разлилось по жилам стремительным потоком, затянуло в вязкий омут и унесло на дно темной всепоглощающей страсти.

Я изогнулась всем телом, закричала, забилась в путях острейшего удовольствия, а через мгновение глухо застонал Господин. Его огонь вспыхнул особенно сильно и погас. Хозяин прижался к моим губам, забрав возможность сделать хоть один вдох. И когда я забилась в новой агонии, тело его содрогнулось в последний раз. Господин отпрянул. Я жадно втянула воздух и снова опустила на себя взгляд, узора не было. Моя кожа вновь была чистой.

– Что ты сделал со мной? – сипло спросила я.

– Покарал, но одарил, – ответил он и поднялся с ложа.

Сердце постепенно замедляло бег, но дыхание всё еще хриплыми толчками вырывалось из горла. Я приподнялась на локте, не ощутив прежнего бессилия. После села и пере-

вела взгляд на Господина.

– Мое наказание – боль?

– Я сковал твои чары, – ответил он, не глядя на меня. – Ты будешь обычной смертной тридцать дней.

– Я осталась без защиты...

– Да.

Взгляд темных глаз скользнул по мне, вновь став равнодушным. Я приняла наказание. Не было смысла возражать, уговаривать, спорить. Решение, оглашенное один раз, Господин не менял никогда.

– Что означают цветы?

– Их тридцать, – ответил он, отбрасывая пряди огненно-красных волос на спину.

– Мои чары, – поняла я.

– Да.

– И? Чего мне ждать?! Пока они распустятся?

Я вскочила с ложа и устремилась за ним.

– Один день, один цветок. Какой распустится первым, не знаю даже я. Но знаю точно, что последним будет твое бессмертие. – Он остановился перед дверью и усмехнулся. – Помни, цветы могут вянуть.

– Если я расстрою тебя, следующий цветок увянет, не распустившись, и я утрачу одну из своих сил?

– Да.

– А если завянет бессмертие?

– Ты умрешь.

– А если я умру раньше? – вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Господин вернулся ко мне и, обхватив пальцами подбородок, заглянул в глаза.

– Если бы мне нужна была твоя смерть, то не сохранил бы сейчас жизнь.

– Моя жизнь важна для тебя?

Он изогнул бровь, ответив насмешливым взглядом. Затем склонился, почти коснувшись моих губ своими губами, и шепнул:

– В тебе мой огонь. Этот дар ты получила единственная.

– Кто я для тебя?

– В тебе мой огонь, – повторил Господин и неслышно оттолкнул меня.

После этого развернулся и вышел из покоев, оставив меня осмысливать произошедшее. Сразу стало холодно. Мурашки покрыли кожу, и я поняла, что замерзла впервые за несколько сотен лет, которые провела рядом с Господином, если не считать его кары, конечно. Спешно вернулась под одеяло, зачем-то отметив, что Его огонь жег только меня. Всё остальное так и осталось нетронутым.

– Бесконечный Хаос, – прошептала я, забираясь под одеяло с головой.

Нужно было подумать, как выжить эти тридцать дней среди его слуг. Он обещал, что мне не причинят зла, но зависть может лишить здравого смысла, и удар в спину я получу...

Без чар! Великая Тьма, я обычная смертная. И я бы сказала, что такого не могло случиться со мной, однако Хозяин никогда не лжет. Но если цветы – это мои силы, то в чем тогда дар? И невесело усмехнувшись, осознала – моя жизнь. Его дар – моя жизнь. Что ж, это действительно дар, и мне стоит сберечь его. С этой мыслью я провалилась в сон, измотанная произошедшим.

А проснулась от плеска воды в купальне. Некоторое время прислушивалась, думая, что вернулся Господин. Но вскоре поняла, что купальня пуста. Очередной всплеск воды вынудил меня приподняться на локте. Забыв, что мне стоит быть осторожней, я решительно откинула одеяло, поднялась с постели и дошла до умывальни. Тихий плеск повторился.

Поджав губы, я распахнула дверь, но купальня и вправду была пуста, только в купели прошла легкая рябь. Я поджала губы, подошла к ней и задумчиво потерла подбородок, решая, чьи это проделки. Сделала еще пару шагов, глядя на купель, и оказалась в небольшой луже воды. Тихо выругавшись, я уже хотела отойти в сторону...

Вода тонкими струйками скользнула по ногам вверх. Оплела щиколотки, добралась до колен, я вскрикнула и полетела в купель, взметнув тучу брызг.

– Пришло время платить, – прошелестело над ухом, и я увидела глаза своего пленника на лице, сотканном из воды.

– Какого... – взвизгнула я.

Вода хлынула в рот, заполнила легкие, и мое тело вдруг

стало невесомым. Расползлось, как ветхая ткань, растворилась в потоке, подхватившем меня. «Господин будет в бешенстве», – мелькнула последняя связная мысль, и сознание погасло, растекшись прозрачной водой.

Глава 1. День первый

Кап-кап... Кап... Кап... Озноб пробрался под кожу. Неприятный озноб, мерзкий. Я поежилась. Звякнул металл, и глаза наконец открылись. Кап... С волос скатилась капля воды и гулко плюхнулась в натекашую лужицу, в которой я стояла. Мотнув головой, я откинула назад волосы. Они хлестнули плетью по обнаженной спине. Снова звякнул металл. Подняла взгляд на руку, она была закована в железный наруч. Посмотрела на вторую, то же самое. Меня растянули и подвесили на цепях. На ногах колодки, на шее тонкий обруч ошейника. Попыталась повернуться. Суставы обожгло болью, но увидела тонкую цепь, тянущуюся от ошейника к кольцу, вбитому в стену.

Недоумение сменилось воспоминанием о похищении. Я откинула голову и хрипло рассмеялась. Смех перешел в кашель, когда от резкого движения ошейник впился в горло.

– Великая Тьма, – сипло произнесла я и замерла, прислушиваясь к тишине.

До меня донесся приглашенный звук голосов. Слов не разобрала, но поняла, что говорят несколько мужчин и одна женщина. Значит, не подземелье. Тянет теплом и запахом горящего дерева. Камин. Огонь... А следом пришла новая догадка. Мой похититель оставил меня рядом со своими по-
коюми.

Сейчас я поняла, какую ценность имело мое прежнее зрение. Глазами простой смертной я видела темноту... Проклятье! Я ничего не видела, только то, что выхватывал скудный блеклый луч, лившийся откуда-то из-за моей спины. Слепота – отвратительное чувство...

– Господин, – прошептала я, – призываю тебя...

Тишина. Он не слышал. И даже если я назову его имя, он не услышит, потому что забрал и этот дар. Ничего не оставил. Только хрупкую оболочку, которая утратит молодость и красоту даже раньше, чем истечет тридцать дней, потому что их срок вышел несколько сотен лет назад. И только бутон цветка бессмертия согревает надеждой на то, что я не рассыпалась прахом на тридцатый день своего наказания.

О чем я?! Когда придет время, молодость и красота распустятся двумя цветами на моем теле. Но лучше бы открылся бутон, который вернет мне дар имени моего Господина.

«Назови его, и я приду, где бы ты ни была».

Настанет пора, и он придет за мной, но до той поры... Я снова пошевелилась, подергала руками, но разорвать оковы мне было не под силу, пока не под силу. Всему свое время...

«Времени нет. Это мираж, такой же мимолетный, как человеческая жизнь. Время не нужно тому, кто не считает мгновения».

ОН не считает мгновений, для него нет времени, а для меня часы вновь запустили свой бег. Он остановился так давно, что сама я вряд ли вспомню, сколько человеческих жизней

протекло мимо, не затронув потоком незыблемую твердыню трона Вечного, у ног которого я сидела верным зверем. Ручным, но опасным.

«Моя Игнис. Всегда».

Когда-то, еще до начала моего существования, меня звали иначе. Игнис – пламя. Это имя дал мне ОН, когда подобрал среди развалин дома, покрытых копотью. Наверное, это был мой дом. Память о человеческой жизни уже давно покинула меня. Я родилась снова со словами:

«Имя твое – Игнис».

ЕГО огонь вдохнул в меня ускользающую жизнь, соткал тело из ярких всполохов, изгнал холод Смерти. Я шагнула в этот мир из полыхающего пламени, ступила босыми ногами на ледяные камни Вечности. Он говорил, что прекрасней зрелища не видел. Я много раз просила рассказать, как это было, но Господин никогда не делился со мной воспоминаниями, лишь улыбался и отвечал:

«Это только мое».

Что помню я о своем возрождении? Ни-че-го. Сколько это длилось, и длилось ли вообще? Кричала ли я, как все новорожденные, или улыбалась своему Создателю? Встретил ли он меня распростертыми объятьями или же просто приказал следовать за собой? Ничего этого я не знаю. И единственное, что осталось в памяти, это три слова, сказанные в безмолвии притихших реальностей:

– Имя твое – Игнис.

Это были первые дары моего Господина. Жизнь и имя. Он дал мне их, ничего не взяв взамен. Просто подарил. И приготовил еще один дар, от которого я отказалась. Единственный, который не захотела принять... Помню, как застыла на самой высокой башне его замка. Господин стоял за спиной, так близко, что сквозь порывы зимнего ветра я ощущала жар его тела. Красные пряди расцветчивали черноту ночи, рассекали яркими росчерками и сплетались с моими волосами с черно-красные жгуты. Они извивались на ветру, словно разъяренные змеи, жалили кожу хлесткими ударами, когда бросались в лицо.

– Перед тобой целый мир, – говорил он, сжав пальцами мои плечи. – Выбери свой путь.

Я глядела на переливающиеся грани реальностей, ловила отражения будущих событий, которые произойдут в избранной мною жизни. Господин дарил мне Судьбу, какую я захочу. Я видела себя госпожой в высоком замке. Видела жалкой нищенкой в канаве. Видела любимой женой и счастливой матерью. Видела преданной и убитой. Путей было множество, и только одна грань не отражала ничего.

– Что это?

– Эта реальность еще не открыта. Ты можешь выбрать ее, и тогда каждый новый миг станет открытием. Возможно, там твоя жизнь, возможно, смерть. Даже я не могу увидеть того, что еще не предначертано.

– А если там ты?

Господин откинул голову, одним резким движением разорвав переплетенье наших прядей, и рассмеялся. Я молчала, ожидая, когда он ответит.

– Служение мне ты можешь избрать по доброй воле, но тогда иного пути у тебя уже не будет. Ничего из того, что ты увидела. Даже то, что могло свершиться за пустой гранью уже никогда не будет написано в книгу Судеб.

– Я выбираю тебя, – ответила я.

– Я дам тебе возможность подумать, – это всё, что ответил мне Господин.

И когда вновь мы поднялись на башню, и передо мной, подобно воздуху в летний зной, вновь плавилась Грани, я отвернулась от них и произнесла, глядя в темные глаза:

– Я выбираю тебя.

– Ты никогда не познаешь радость материнства.

– Я выбираю тебя.

– Ты не сможешь полюбить и быть любимой.

– Я выбираю тебя.

– У тебя не будет права выбрать иной путь.

– Я выбираю тебя.

– Ты не сможешь покинуть меня.

– Я выбираю тебя.

– Твоя жизнь будет принадлежать мне, и когда я посчитаю, что больше не нуждаюсь в тебе, ты умрешь.

– Я выбираю тебя.

– Ты никогда не станешь равной мне.

– Я выбираю тебя.

– Взгляни еще раз в Грани.

– Я выбираю тебя.

И он больше не отговаривал.

– Отныне твоя жизнь принадлежит мне. Выбор сделан. –

Грани реальностей закрылись в то же мгновение, я отказалась от своей судьбы, избрав служение ЕМУ.

– Мой Господин...

Я опустилась перед ним на колени и склонила голову, повинувшись не столько знанию, как нужно стоять перед ним, сколько внутреннему чутью. Горячая ладонь накрыла мой затылок, пальцы зарылись в волосы:

– Моя Игнис. Всегда.

После этого развернулся и ушел, оставив меня стоять на коленях посреди продуваемой площадки смотровой башни. Наверное, тогда я любила его и, выбрав путь служения Господину, ждала, что он полюбит в ответ. Человеческая сущность не до конца умерла во мне, она заставляла верить в чудо, толкнув сделать выбор, после которого не осталось ничего, кроме Вечного в его огромном черном замке. Чуда не случилось, но я все-таки сумела добиться того, чтобы стать первой в его нескончаемой темной рати. Несколько сотен лет преданности и веры в его могущество. И лишь один проступок, но итогом стало мое пленение...

И всё же я жива! А значит, могу бороться. Со мной дары Господина и нужно лишь дать им время распуститься на

моем теле. Тогда никакие пути меня не удержат, и я смогу вернуться назад.

– Я вернусь к тебе, – прошептала я. – Вернусь.

Тряхнув головой, я заставила себя вернуться в реальность. Голоса всё еще доносились до меня, но теперь я услышала еще один звук – звук приближающихся шагов. Кто-то направлялся к моему узилищу. Я устремила взгляд в ту сторону, где шел невидимый мне человек. Дверь открылась, и мне в глаза ударил свет. На мгновение прикрыла их, но даже так я поняла, кто пришел навестить меня. Женщина.

Приятный цветочный аромат коснулся обоняния. Затем прошелестела ткань, процокали каблучки, приближаясь, и женщина остановилась напротив.

– Темная, – произнесла она с нескрываемым презрением.

Я усмехнулась и приоткрыла глаза. У нее были белые, как снег волосы, и голубые глаза, чистые, словно вода в ледяном источнике. Ее красивые чувственные губы брезгливо кривились. Незнакомка чувствовала свое превосходство. Впрочем, скорей, это была показная бравада, потому что в глубине глаз плескался испуг.

Наконец полностью раскрыв глаза, я приподняла брови, не скрыв насмешки.

– Чему ты радуешься? – воинственно спросила она.

– Представляю, как сожру тебя, когда выберусь отсюда, – ответила я, откровенно развлекаясь. – Выпью всю кровь, до капли. Из твоих костей мне сделают гребень, а из кожи со-

шьют перчатки.

Женщина отпрянула, прикрыв рот тыльной стороной ладони, слабо вскрикнула, но быстро взяла себя в руки. Придала лицу надменное выражение, и мою щеку обожгла пощечина. Мой хохот стал ответом на жалкую выходку беловолосой. Женщина боялась меня, но все-таки пришла посмотреть.

– Ты мерзкая! – выкрикнула она. Так гавкают дворовые шавки при виде скалящегося волка. – Ты – зло! Он должен был убить тебя...

– Эйволин!

Она вздрогнула и обернулась. В дверях стоял мой пленник. Уже отмытый, одетый. От измождения не осталось и следа. Даже удивительно, как быстро восстановился. Светлые длинные пряди срезаны. Вот таким он попал во дворец Господина в первый раз, таким оказался в каменном мешке. Красивый, холодный, высокомерный. Но мы познакомились поближе, и я узнала вкус всех его страхов...

Взгляд воина остановился на беловолосой, затем скользнул ко мне и вернулся к моей незваной гостье.

– Я запретил тебе заходить сюда.

– Я хотела посмотреть...

– Тебе незачем смотреть на нее, – отчеканил мой бывший пленник, перевел взгляд на меня и скривил губы: – Ты слишком чиста, чтобы вдыхать зловоние Тьмы.

Я вновь откинула голову и расхохоталась, резко оборвала хохот, взглянула на Эйволин, опять смотревшую на меня и

повторила:

– Съем, – кляцнула зубами, и глупышка, взвизгнув, опрометью бросилась прочь.

Она убежала, воин остался. Он вошел в мое узилище и закрыл за собой дверь. Я изломила бровь, насмешливо следя за неспешным приближением. Мужчина остановился в двух шагах от меня. Взгляд некоторое время блуждал по моему телу.

– Твое тело и лицо совершенны, – неожиданно сказал он. – Но душа подобна выгребной яме.

Мои губы дрогнули в кривой ухмылке:

– А кто тебе сказал, что у меня есть душа?

– Да, души нет, – согласился воин, развернулся и вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

Светильник, который принесла Эйволин и поставила на пол, пока рассматривала меня, забрать никто не удосужился, и я наконец огляделась. Повертела головой, насколько позволил ошейник, попыталась сдержаться, но все-таки рассмеялась. Это была купальня! Он подвесил меня в своей купальне! Любопытно... Смотреть, как мой похититель будет мыться – это пытка? Все-таки у светлых странные понятия о месте.

Покачав головой, я вспомнила слова Эйволин. Это вызвало новый смешок. Очередной миф, созданный людьми и магами. Они делят мир на добро и зло. Свет и Тьма, извечное противостояние. Господин им непонятен, он сильнее, и это

вселяет страх. Он иной, и это пугает. Мой Хозяин мог бы быть богом, но он не творец. Сила его – разрушение. И потому его считают злом, и каждые сто лет находится тот, кто думает, что разгадал, как можно убить Вечного. Глупцы! Господин забавлялся с каждым «избранным», позволяя подобраться к себе близко... Как воину, похитившему меня. Тот тоже считал, что сможет уничтожить Зло, но стал моей забавой. Теперь его забавой буду я, а Господин так и останется незыблем в своей власти. Мы все лишь песчинки у его ног.

Неожиданно дверь снова открылась, оборвав мои размышления. На пороге стоял похититель. Лицо его было непроницаемым. Он подошел ко мне, поджал губы и некоторое время смотрел в глаза, о чем-то думая. Затем шагнул в сторону, и наруч с левой руки слетел. Затем воин освободил правую руку. Оставшись без поддерживающей растяжки, я полетела на пол. Бывший пленник ловить не стал. Он открыл колодки, освобождая и ноги. На мне остался только ошейник, не позволявший покинуть пределы купальни.

Я села на полу, подтянула колени к груди и растерла запястья. Признаться, была озадачена. Ожидала пыток, издевок... ну хоть чего-нибудь, но из всего возможного арсенала мне оставили лишь ошейник. Воин, ненадолго покидавший купальню, вернулся и кинул в меня кучей тряпья.

– Оденься.

На мой недоуменный взгляд похититель скрестил руки на груди и насмешливо изломил бровь.

– А ты чего ожидала? Я не воюю с женщинами. Даже с такими, как ты.

– А какая я? – спросила не без любопытства, разбираясь в тряпье. – У Эйволин отнял? Не плакала? Ногами не топала?

Он не ответил. Перестал усмехаться, развернулся и снова вышел. Плевать. Я поднялась в полный рост и проковыляла на сухой коврик. Затем оделась. Платье имело свободный крой и стягивалось на груди, так что мне удалось протащить его через ноги. Я оглядела себя и усмехнулась. Нет, Эйволин никто не трогал, одежда была простой, скорей, взятая у кого-то из служанок, но возмущаться я не стала. Главное, сухо и тепло. То, что нужно в моем смертном состоянии. После изучила пальцами ошейник, подергала цепь и отползла к стене, перетаскив за собой коврик. Если бы меня видел бургомистр Темнограда, его бы разорвало на части от смеха.

«Игнис, ты его шавка! Ты всего лишь его верная шавка!»

Так кричал он пред тем, как огненная плеть захлестнула ему шею и оторвала голову. Мне плевать на оскорбления, но бургомистр решил, что может не считаться с Господином. Непростительная глупость. А я действительно верная шавка. Первая сука в ЕГО своре, которая порвет каждого, кто осмелится пойти против воли Хозяина. Мне вдруг отчаянно захотелось свернуться клубком и заскулить от тоски по ласкающей руке. Сильной, властной, обжигающе-горячей, но умевшей дарить ласку и нежность.

Я уперлась затылком в стену, прикрыла глаза и прошеп-

тала:

– Где же ты?

Я не привыкла быть без него. Он всегда где-то рядом, я чувствую его силу. Знаю, что стоит позвать, и он появится. И даже когда я звала ради забавы, он приходил, насмешливо приподнимал брови и укоризненно качал головой, прощая маленькую шалость...

– Забери меня Хаос, – выругалась я, в сердцах ударив ладонью по коврику.

Шаги и негромкий разговор за дверью остановили мою разгорающуюся злость. Села ровно, скрестила ноги и уместила на коленях руки. Глаз не открыла, просто слушала голоса и усмехалась про себя:

– Говорят, она может обратиться в змею, обвить кольцами и переломать все кости...

– А я слышала, что она людей заживо пожирает...

– Зачем господин притащил эту в свой замок...

– Ой, мамочки...

Дверь открылась, но шаги возобновились не сразу. Дурь-служанки стояли на пороге и глазели на меня. Я осталась безучастна.

– Спит?

– Вроде спит.

– А если проснется?

– Ой, мамочки...

Они еще некоторое время толпились в дверях купаль-

ни, наконец кто-то решился войти. Осторожные крадущиеся шаги приблизились и снова замерли.

– Спит она, – более уверенно произнесла самая смелая. – Давайте всё поставим и уберемся поскорей.

– А может ей сырого мяса и крови надо?

– Тихо ты, вдруг услышит и правда захочет.

– Ой, мамочки...

Они вошли. Что-то глухо ударилось о каменный пол. Звякнули приборы. Мне принесли еду, это я поняла не только по звукам, но и по аппетитному запаху тушеного мяса с ароматными приправами. Желудок отозвался урчанием, и в купальне тут же наступила мертвая тишина. Служанки некоторое время смотрели на меня, их напряженные взгляды я ощущала кожей.

– Нет, спит, – выдохнула смелая.

– Точно спит?

– Может ее палкой потыкать?

– Ой, мамочки...

Они снова задвигались, а я решила, что пришло время обнаружить свое бодрствующее состояние.

– С-с-с, – тихонько зашипела я.

– Ой, мамочки! – дружно взвизгнули служанки.

Я посмотрела на них из-под ресниц. Три женщины суетились у низкого маленького столика, четвертая застилала широкую скамью, готовя мне убогое, но все-таки ложе. Н-да... Я не была так добра к своей игрушке.

– С-с-с, – снова зашипела я.

Женщины вздрогнули и дружно обернулись ко мне. Я полностью открыла глаза и растянула губы в широкой ухмылке. Служанки попятились к дверям, не спуская с меня испуганных взглядов.

– Е-э-да-а, – протянула я и бросила тело вперед, громко звякнув цепью.

– А-а-а!!!

Вопль был омерзительным, от него заложило уши. Ошейник впился в горло, придушив меня и откинув назад, когда я рванула за верещавшими служанками. Я упала на спину и расхохоталась. Смех перешел в надсадный кашель. После растянулась на спине, раскинув в стороны руки и ноги, шумно выдохнула и уставилась в потолок.

– Забавляешься?

Надо мной появилось лицо бывшего пленника. Я подмигнула ему и заложила руки за голову.

– Я смотрю, тебя не угнетает то, что ты оказалась в плену, – заметил он, присаживаясь на корточки.

– Нет, – помотала я головой, радостно скалясь, – тут весело. Пожалуй, я задержусь у тебя на денек-другой.

– Думаю, Игнис, ты удержишься здесь намного дольше. Посмотрим, насколько он дорожит тобой.

И вновь я рассмеялась, накрыв лицо ладонями. Воин остался невозмутим.

– Он пришел за тобой в темницу. Его ярость едва не под-

жарила меня, – продолжал мой похититель.

Перестав смеяться, я села, и воин чуть отпрянул в сторону, чтобы не удариться со мной лбом. Наши взгляды встретились, и я невольно вспомнила причину, по которой Господин оказался в каменном мешке. Подавшись к воину, втянула носом его запах, но того головокружительного аромата, конечно, не уловила. Я пока не ощущала вкуса чужих чувств, да и бывший пленник не был возбужден. И все-таки дыхание прервалось, слишком ярким оказалось воспоминание о его страсти. На губах вспыхнул вкус поцелуя, и я, поднявшись на колени, приблизила лицо к лицу мужчины.

Он не отвел взгляда и не отстранился, лишь судорожно сглотнул и... принялся, совсем как я, пока этот дар не был скован волей моего Господина.

– Как странно, – тихо произнес воин. – Ты пахнешь... необычно.

Я облизала губы и протянула руку к его лицу. Вновь не отпрянул, лишь глубже втянул воздух. Мой взгляд не отрывался от плотно сжатых губ похитителя, а в памяти звучал глухой мужской стон, когда его язык ласкал мой...

– Проклятая Тьма! – вдруг выругался воин и резко поднялся на ноги. – Что ты творишь, Игнис? Твои чары не действуют... – и осекся. Его взгляд уперся в меня, подобно острию меча, готового вспороть грудь. – У тебя нет чар! Я ведь прав?

Я снова села. Тряхнула головой, проясняя ее, скрестила

ноги и с интересом смотрела на него, ничего не отвечая.

– Мне бы не удалось украсть тебя, если бы в тебе оставалась сила, – уверенно продолжал бывший пленник. – Это его наказание за то, что ты готова была отдаться мне, да? Снова будешь смеяться? Скажешь, что не имеешь для него ценности? Пришел за тобой, едва не сжег меня, после приказал убить, а тебя лишил чар. Что это если не ревность?

Вот теперь я не просто хохотала. Меня сотрясало от беззвучного смеха, на глазах выступили слезы, но я всё никак не могла успокоиться. Ревность! Моему Господину не знакомы человеческие чувства! Он не знает ни любви, ни ревности, ни боли, ни ненависти, ни презрения. Он никогда не лжет, даже если в этом будет для него польза. Пожалуй, мне впервые пришлось испытать на себе всю силу его ярости, если это было яростью. Скорей, сильное недовольство...

– Почему ты смеешься?

– Потому что ты не угадал, – ответила я, вытирая слезы. – Всё дело в том, что я принадлежу ему и лишь ему. Никто не смеет прикасаться ко мне. И я не могу прикасаться к кому-то, кроме него.

– Но это лишь доказывает...

– Что он не терпит, когда его женщин трогают чужие руки, ничего больше. Я одна из многих, глупец!

– И все-таки его сила лишь у тебя, – сухо ответил воин.

– Награда за преданность, – отмахнулась я. – Ни разу за все годы служения ему я не нарушала его правил и законов.

Мой похититель прошелся по купальне, присел на бортик каменного бассейна и рассеянно провел ладонью по водной глади. Проследив за его движением, я поднялась на ноги. Ткань платья скользнула по бедру, и оно отозвалось легким зудом. Я незаметно почесалась и шагнула в сторону воина. Он обернулся на звук звякнувшей цепи.

– Как ты смог освободиться? – спросила я, но бывший пленник лишь пожал плечами. Однако я не желала отставать. – Ты не мог выбраться сам. Дверь...

– Лежала там, куда ее отбросил Темный, – усмехнулся воин.

– Господин сказал, что ты больше ему не нужен и умрешь.

– Я слышал. Стража решила, что я обессилен и никуда не денусь. Они кинули меня на тюфяк и ушли, не озаботившись ни тем, что я еще жив, ни тем, что дверь так и валяется на полу, – он развернулся ко мне лицом и теперь с явным интересом рассматривал. – Что было в том вине?

– Понравилось? – ухмыльнулась я.

– Что бы ты ни подмешала, но оно помогло мне, – уверенно ответил бывший пленник. – Я столько раз призывал свою силу, но она не отзывалась. Я пытался освободить себя, потом просто исцелиться, хотел защититься от тебя, но у меня ни разу это не вышло. А когда стражники переговаривались, что я даже выползти из темницы не смогу, я ощутил приток силы. Как только они ушли, сел и осмотрел себя. Следы от ожогов исчезали на глазах. Попытался встать на ноги и это

вышло. Я призвал свою силу, но она вновь молчала. Тогда я вышел из темницы и пошел в противоположную сторону той, откуда слышал голоса стражи. Шел наугад, пока не услышал шум воды. Оказалось, что на улице идет дождь. Знаешь, Игнис, я никогда не слышал лучшего звука, чем дробь капель по пыльному стеклу. Попытался открыть окно, и оно поддалось и...

– Твоя сила.

– Да, она отозвалась на звук родной стихии, – усмехнулся водник.

– Но как нашел меня?

И ответ пришел сам. Моя кровь. Она привела его, словно пса на запах. Я сама указала ему путь к себе.

– Я был зол на тебя, безумно зол. Просто в бешенстве. Особенно за твою последнюю выходку. Ты окунала меня в мои страхи, испытывала твердость духа, обманывала лживыми видениями, я даже не могу вспомнить всего, через что ты провела меня. Но то, что почувствовал в последний раз... Это было гадко.

– Неужели? – усмехнулась я. – Желать меня было гадко?

– Я не хотел этого желания! – неожиданно зло воскликнул мужчина, и вода взметнулась над бассейном прозрачным куполом, но тут же вновь опала, обдав меня и водника ворохом брызг. – Не хотел мечтать о том, как я тебя... – он выдохнул и взял себя в руки. – Мне хотелось отплатить тебе за все унижения, через которые я прошел ради твоей забавы.

В то же мгновение я ощутил тебя. Почувствовал отчетливо, словно ты сама зовешь меня. Ярость захлестнула сознание, родовая сила тело, и я очутился в купели. Вышел из купальни, увидел тебя спящей и хотел сразу забрать, но вдруг подумал – что я делаю? Зачем я потащу тебя с собой? Хотел свернуть шею, удавить, утопить, что угодно, лишь бы выплеснуть ярость, а потом остановился и задумался. Зачем убивать наживку? Твой хозяин слишком ясно дал понять, что ты важна для него. Сразу вспомнилось, что именно ты всегда выступаешь от его имени. И я вернулся в купальню. Если бы появился он, я бы исчез.

– И заманил меня, – кивнула я. – Хорошо. Вот я здесь, что дальше?

– Посмотрим, – пожал плечами воин и, кивнув на стол: – Поешь, – направился к двери.

– Подожди, – я сделала несколько шагов следом, но ошейник впился в горло, и я остановилась. – Почему купальня?

Он остановился и с нескрываемой иронией посмотрел на меня.

– Это ведь лучше, чем темница, не так ли? Длины твоей цепи хватит, чтобы помыться. Кормят в моих покоях лучше, чем в подземелье. На лавке ты можешь спать. Почти гостя, мне посчастливилось меньше.

– И ошейник.

– Ты все-таки пленница.

– Но однажды я выберусь отсюда, – фыркнула я, когда

дверь за воином закрылась, и снова почесала бедро.

Спустя некоторое время, когда я сытая уже лежала на своей лавке и раздумывала над глупой идеей с кровью в вине, бедро начало зудеть так, что я готова была лезть на стену. Задрав подол платья, я уже намеревалась разодрать собственную кожу, но избавиться от раздражающего жжения, однако... Однако стоило опустить взгляд на место, изводившее меня, как я охнула и гулко сглотнула. Бутон, похожий сейчас на большую уродливую родинку, набухал, наливался спелостью и продолжал дико зудеть.

Сколько времени я провела, вот так сидя с задранным подолом, и наблюдала за бутоном? Мне это неизвестно. Но каждую секунду я молилась лишь об одном, чтобы это был дар имени моего Господина, чтобы он услышал мой зов и пришел. Меня мало волновало, что будет с водником и его замком, но хотелось до зубного скрежета вернуться в родные стены. Пусть даже придется выдержать еще одно наказание за то, что дала свою кровь пленнику. Да! Даже в этом я готова была покаяться, лишь бы вновь ощутить заботу и близость Господина.

Кажется, спустя вечность, раздался тихий щелчок, и бутон начал раскрываться. Он разворачивался у меня на глазах, медленно и завораживающе. Черный цветок выпускал лепестки, змеился тонким стеблем по ноге вниз, покрывался листочками, тонкими и нежными. Знакомый аромат силы Господина заполнил обоняние, и я закинула голову назад, с

наслаждением вдохнув ускользящий запах. А когда он растворился во влажном воздухе купальни, цветок поблек и начал таять, вновь скрываясь под кожей, вместе со стеблем и листьями. Одна из моих сил была вновь со мной, но какая...

Осторожно опустив подол, словно он мог повредить цветку, я прижала руки к груди и позвала:

– Вайторис.

Ничего. Не расползлась клубами тень в углу, пропуская Вечного. Не отозвался сумрак эхом его шагов. Дар его имени не проснулся.

– Вайтор, – в отчаянии позвала я снова, сократив имя. – Ну, услышь же меня!

Не услышал. Зарывав со злостью, я схватилась за цепь, потрянула ее и...

– Бесконечный Хаос! Это издевка, да?!

Цепь растянулась, оставшись незыблемо прочной. Дар влиять на структуру предметов. Отлично! Просто отлично! То, что надо!!! Я задыхалась от бешенства. Абсолютно бесполезная сила, подаренная мне Господином ради забавы во время наших постельных утех. Тогда ему взбрело в голову сковать меня. Нет, не делал больно, но ласкал до изнеможения, когда я даже сипела через силу. Вот тогда я произнесла:

– Если бы я могла дотянуться до тебя!

– Дотянись, – рассмеялся он.

Я подергала скованными над головой руками:

– Ах, если бы я могла растянуть эти проклятые цепи!

– Всё, что пожелаешь, мое пламя, – ответил он, сверкнув глазами.

Я снова дернулась, и цепи растянулись. Господин встал с кровати и направился к двери.

– Вайтор!

– Ты ведь теперь можешь до меня дотянуться, – хмыкнул он, и Тьма оплела его, скрывая наготу подобно одежде. После этого Господин вышел из спальни. Я тогда растянула не только цепи, но и кольцо, через которое были пропущены оковы, и даже балку. Господина я нашла в трапезной. Там же на длинном столе и мстила...

Судорожно вздохнув от несвоевременных воспоминаний, помотала головой, отгоняя мысли о Господине, и поднялась с лавки. Криво усмехнувшись, я поддела двумя пальцами ошейник и стянула его через голову. После встряхнулась и направилась к двери. Раз уж я обрела свободу, поглядим, куда меня занесло. Я могла бы сказать, что сразу задумалась о побеге, и не солгала бы, но! Я сразу откинула эту идею. Знали меня многие... очень многие, но любить как-то не спешили.

Впрочем, это было понятно. Мой похититель был совершенно прав, я чаще других несла волю Господина в народ. Народ после этого на меня сильно обижался. Так что единственное, что сейчас может проложить мне путь до земель Хозяина – это застарелый человеческий страх, однако если станет известно, что я безобидней младенца, вряд ли я вооб-

ще далеко уйду. В общем, мысли о побеге я пока отложила. Прислушавшись к звукам за дверью, я вышла в пустую спальню. Или же мой похититель еще не ложился, или у меня нет близких соседей. Скорей, второе. Ему нужна купальня, а там я. Судя по тому, что я уже узнала о своем бывшем пленнике, он не будет пользоваться купальней, в которой появился жилец. А я бы воспользовалась. Это было бы... забавно. Но пока мечты остались мечтами, и я вышла из дверей спальни, постояла, пытаюсь угадать, что и где находится. Наконец услышала какой-то звук и пошла на него, но уже через мгновение хмыкнула и остановилась. Это был женский стон и отнюдь не боли.

Не удержалась. Приблизилась к дверям, за которыми слышались стоны, чуть приоткрыла и заглянула внутрь. На кровати лежал мой похититель. Не скажу, что я ожидала увидеть кого-то другого. На нем, оседлав его бедра, извивалась Эйволин, ее я узнала по белоснежным волосам, спадавшим ей на спину серебристым водопадом. Свет огня в камине играл бликами на светлой коже, делая ее смуглей. Высокая полная грудь вздрагивала в такт движений женщины. Воин поднял руки и накрыл груди Эйволин ладонями. Она застонала громче, и хозяин покоев рывком сел, прижался губами к шее... Чужая страсть завораживает, и я некоторое время любовалась ею, пока их губы не встретились, и мне вновь не вспомнился поцелуй пленника.

Сердито мотнув головой, я отпрянула от двери. Еще

немного побродив по покоям, я вернулась в свою купальню, снова натянула ошейник и, усевшись на коврик, прижалась затылком к прохладной стене. Перед глазами встала картина чужих утех.

– Проклятый водник, – проворчала я и вздохнула: – Что же ты меня не слышишь, Вайтор?

Разумеется, он не ответил. Я перебралась на лавку, закуталась в одеяло и закрыла глаза. Спустя некоторое время, уже сквозь сон, я услышала, как дверь купальни открылась. Кто-то приблизился к лавке, некоторое время стоял рядом. Затем звякнула цепь, кажется, ее осторожно подергали, и до меня донесся голос бывшего пленника:

– Готов поклясться, что чувствовал ее в моей спальне.

– Вы, светлые, все с придурью, – сонно ответила я, зевнула и отвернулась на другой бок, скрыв ухмылку.

– Пожелания добрых снов от тебя точно не услышишь, – усмехнулся воин.

Я промолчала, и он покинул купальню. Вздохнув, я с чистой совестью провалилась в сон, надеясь, что завтра распуститесь что-нибудь более полезное. Огонь, например...

Глава 2. День второй

Это был странный сон. Мне снился черный замок, объятый огнем. Пламя ревело, словно обезумевший зверь, бесновалось, металось, прорезая тьму заревом. На воротах и на стенах не было стражи, на башнях лишь дозорные птицы, чья суть – огонь. Они равнодушно взирали на смертоносные языки, лизавшие древние стены. Мне вдруг пришло в голову, что они почернели однажды от такого же точно пожара.

Шагнув к границе, рядом с которой начинали потрескивать волосы, грозя вот-вот вспыхнуть факелом, я остановилась, и огонь вдруг опал, пополз к ногам, словно истосковавшийся пес. Языки пламени преданно лизали руки, лицо, босые ноги, не причиняя вреда. Я шагнула в черный зев ворот. Прошла знакомым двором, пустым и безжизненным. Зашла в проход, когда-то скрытый тяжелыми дверями, ныне лежавшими пеплом под ногами. Я вошла в замок и не узнала его. Великолепное убранство было выжжено дотла. Все пространство заполнилось запахом гари, от которого запершило в горле. Глаза защищало от едкого дыма, но я упрямо прошла дальше, сопровождаемая ластящимся огнем.

Поднялась к зале, где стоял каменный трон, пролезла сквозь покосившиеся двери и остановилась. Сам воздух показался мне густым и тяжелым. Судорожно вздохнув, я осторожно прошла дальше, с затаенным страхом поглядывая по

сторонам.

– Вайторис, – шепотом позвала я.

Неожиданно послышался шорох, и из-за перевернутой глыбы трона поднялся тот, к кому я взывала. Он развернулся ко мне, и я вскрикнула, прикрыв ладонью рот. Никогда он еще не выглядел таким... смертным. Бледный, распущенные пряди спутались, даже на вечно гладком лице появилась щетина. Он приблизился ко мне. И каждый шаг моего Господина отдавался в груди гулкими ударами сердца. Казалось, если он остановится, то остановится и сердце.

– Игнис.

Нависнув сверху, он взгляделся в мое лицо с неожиданной жадностью. Вишневые глаза почернели, став провалами, в которых бесновалась Тьма. Голодная, ждущая, манящая. Я сглотнула и покачнулась. Ладони накрыли плечи Вайтора, пальцы сжались, комкая рубашку в кулаках.

– Что здесь произошло? – сипло спросила я. – Где все?

– Здесь нет никого, кроме меня, – ответил он, чуть помедлил и, мазнув губами по моему виску, царапнул слух хрипотцой в голосе: – И тебя.

Я облизала вмиг пересохшие губы, ладони скользнули на широкую грудь Вечного.

– Они все... сгорели?

– Здесь нет никого. Только я и мое пламя, – с нажимом повторил Господин, и я вдруг поняла:

– Это другая реальность!

– Можно сказать и так... – кривовато усмехнулся Вайторис, накрывая мою талию горячей ладонь, притянул к себе, зарылся пальцами второй руки мне в волосы, и наши губы встретились.

Что-то изменилось. Я распахнула глаза и увидела, как одна реальность сменяется другой, стекая вокруг нас, словно расплавленный воск по свече. Стены складывались, открывая звездное небо, безмятежный луг, прохладу летней ночи. На смену ревущему пламени-убийце пришло умиротворение ночного луга. Стопы обожгло холодной влагой, покрывшей траву алмазными капельками. Короткий вдох, когда уста разомкнулись, и вновь воск реальности потек, меняя ночной луг на знакомые стены.

– Вайторис, – простонала я и откинула голову, подставляя шею под горячие мужские губы.

Он целовал меня, рисовал губами незримые узоры на коже, обжигал касаниями языка. Я смотрела сквозь ресницы на завораживающую игру пламени в разверстой пасти чудовищного зверя – камине, стоявшего в спальне Господина, нашей с ним спальне. Огонь... Он горел неправильно, не так, как обычно. Тягуче, медленно. Языки пламени переплетались, касались друг друга, ласкались... совокуплялись.

– Вайтор, – хрипло выдохнула я, когда серое платье служанки слетело с меня клоками пепла.

– Мое пламя, – шептал он, укладывая меня на ложе.

Я вслушивалась в его шепот, не понимая слов. Кажется,

Вайторис говорил на незнакомом мне языке. Красные пряди скользнули по плечу, сорвав с моих губ новый протяжный стон. Я выгнулась ему навстречу, подставляя тело под ласкающие губы, и всё слушала незнакомые слова, лишь иногда узнавая свое имя.

– Игнис...

Я порывисто села, толкнула Господина на спину и нависла сверху, вглядываясь в голодную черную бездну его глаз.

– Верни мне мою силу, Вайтор, – взмолилась я, отмечая краем сознания, что он больше не выглядит потерянным. Вновь безупречный, прекрасный и... родной.

Он скинул меня с себя и навалился сверху. Губы заскользили по моему лицу, и я разобрала срывающийся от тяжелого дыхания голос:

– Не могу... Цепь предначертанных событий... Разорвана на изначальном витке... Всё изменилось... У меня нет... власти... повернуть вспять.

– Но я хочу вернуться!

– Хочу вернуть... Нужна... Моя Игнис...

Всё это он говорил, не прекращая ласкать меня, и последние слова я едва ли поняла верно, погруженная в омут желаний. Неожиданно ласки прервались, и Вайторис вновь навис сверху и произнес:

– Покажи мне.

В этот раз реальность сменилась так стремительно, что я едва успела заметить, только вдруг оказалась в теплой, по-

чти горячей воде. Резкий рывок, и Вайтор развернул меня к себе спиной, прижал к каменному бортику. Я закусила губу и глухо застонала, ощутив, как возбужденная мужская плоть прижалась к ягодицам. Он откинул с моей спины волосы, провел ладонями до бедер, словно заново изучая мое тело. И, вновь развернув, впился в губы.

Я обняла его за шею, так и не открыв глаз. Оттолкнулась от дна и оплела талию ногами. Огонь? Что вы знаете об огне? Вы ничего о нем не знаете, если не становились им. А я была огнем, полыхавшим в объятьях воды, показавшейся едва ли не ледяной, когда кожа горела от испепеляющих ласк, и хотелось лишь одного:

– Возьми меня...

– Игнис! – оглушающий рык Господина обрушился на меня, словно ледяная глыба. – Нет, Игнис! Не смей!

Веки дрогнули, и я уставилась в полубезумные, хмельные от вожделения синие глаза водника. Потемневшие от воды пряди прилипли ко лбу и скулам. С приоткрытых губ срывалось тяжелое частое дыхание. Он сделал шаг, вновь прижал к каменному бортику. Еще мгновение...

– Не смей!!!

– Ах, – задохнулась я, когда опустилась на возбужденную мужскую плоть...

Я дернулась и... скатилась с лавки на пол, ошалело озираясь вокруг себя. Бедро обожгло огнем боли, и я, зашипев, скривилась. После уселась на скамью, продолжая мор-

щиться. Боль не проходила, она продолжала разъедать бедро, вгрызалась в плоть, царапала клыками кость. Не выдержав, я задрала подол, чтобы взглянуть на место удара...

– Нет! – вскрикнула я, глядя на то, что творилось на моем теле.

Цветок, еще прекрасный и свежий вчера, вновь появился на поверхности кожи. Но он больше не цвел. Лепестки сохли и скручивались у меня на глазах. Стебель уродливо изогнулся, листики скользнули по ноге. Еще мгновение и цветок разлетелся хлопьями Тьмы, оставляя леденящий осадок в душе. Схватила за цепь, дернула и вскрикнула, когда ошейник впился в кожу.

– За что?! – воскликнула я. – Что я сделала?!

И тут же в ушах зазвучал рык Вайториса, и низ живота скрутило от жара, когда воспоминания принесли миг единения с водником, которому я... отдалась?

– Бесконечный Хаос! Но это же сон! – заорала я, с силой ударив кулаками по скамейке. – Это всего лишь проклятый сон! Я была с тобой! Я думала, что я с тобой, Вайторис! Тьма! Тьма! Тьма! Несправедливо!!! Да какого...

Вскочив, я пнула скамью, перевернула ее, добежала до столика и пнула его тоже. Купальня наполнилась моей ожесточенной бранью и грохотом. Я металась, насколько позволяла цепь, рычала, взвизгивала, не зная, как еще выплеснуть ярость. Наконец остановилась и снова заорала в потолок:

– Значит, забрать меня ты не можешь, вернуть свои дары

не можешь, а проследить и отнять то, что вернулось, запросто?! За что?! Разве я не служила тебе верой и правдой? Разве у тебя есть более преданный слуга, чем я?! Разве я предала тебя? За что ты так со мной? А-а-а!!!

Мой визг стал завершающей точкой, и я упала на каменный бортик бассейна, в котором отдалась своему похитителю... Во сне, Вайторис! В сердцах ударив ладонью по теплой воде, я, наконец перестала буйствовать. Подтянула колени к животу, обняла их руками и прижалась щекой. Проклятый водник, как он-то оказался в моем сне? И почему сменил Господина, только что ласкавшего меня... Стоп!

Я перевела взгляд на бассейн, после огляделась по сторонам и мотнула головой. Очень захотелось разобраться со своим сном. Задумалась, глядя на водную гладь, исходившую слабым парком. За что же все-таки меня наказал Господин? Чем была последняя часть моего сна? Еще одной фальшивой реальностью, сотканной затаенными мыслями, или...

– Хватит, – буркнула я сердито. – Какие еще затаенные мысли?

У меня была лишь одна мысль – вернуться в черный замок. Потребность воссоединиться с Вайторисом уже начинала ощущаться, и сон лишь вновь раскалил тлеющие угли. Тоска всколыхнула душу, и я, подняв лицо к потолку, тихо всхлипнула...

– Что? – возглас был полон неподдельного изумления.

Что я сделала?! С неверием потрогала щеки, но они бы-

ли сухи. Выдохнула шумно, с облегчением. Глупость какая! Я не плачу, никогда не плачу. Слезы – это боль, печаль, любовь, тоска. Ничего подобного я не чувствую уже несколько сотен лет. Гнев, страсть – то, что созвучно огню, вот мои эмоции. А нехватку остальных, я восполняю, поглощая их. Этот дар Вайторис сделал на мой день возрождения.

«Тебе скучно, Игнис», – отметил он, наблюдая, как я верчу в пальцах кубок.

В день возрождения никто не смеет мешать нам с Господином. Он и я – его создание, остаемся вдвоем. В этот день Вайторис позволяет себе и мне немного больше, чем обычно. Иногда мы, прикрывшись иллюзией, появляемся на землях светлых, там, где есть праздник. Развлекаемся среди магов и простых смертных, ничем не выдавая своей сущности. Иногда гуляем по землям Господина, просто бредем, взявшись за руки и молчим, потому что слова оказываются лишними. А бывает, что путешествуем в Гранях, наблюдая иные вариации реальности. Это бывает забавным, бывает скучным, когда как повезет.

В тот день возрождения не повезло и ничего любопытного нам не попало. Впрочем, ложе с лихвой восполнило пустой день, здесь скучно не бывает, но вот после... После я крутила в пальцах кубок и смотрела в окно, за которым сгустилась ночь.

«Тебе скучно, Игнис».

«Да».

«Тебе не понравились мои подарки?»

«Они великолепны, Господин. Каждый твой дар бесценен».

«Тогда я сделаю тебе еще один. Чего бы тебе хотелось, Игнис?»

Я пожала плечами, у меня не было желаний.

«Тогда я сделаю тебе дар на свое усмотрение».

Его губы дрогнули в едва заметной улыбке. Взгляд темно-вишневых глаз остановился на мне, и расширившийся зрачок отразил всполохи огня в камине. Я уже не могла отвести глаз, зачарованно наблюдая, как разгорается пламя. Следила за игрой извивающихся лепестков, наполненных обжигающей силой. Невольно подалась вперед и уловила странный аромат. Потянула носом сильнее и захлебнулась в сплетении терпкого, с изысканной горчинкой запаха силы Господина. Вдохнула полной грудью, и разум взорвался. Кажется, я потеряла сознание на короткое мгновение, или это реальность сжалась вдруг вокруг меня, окончательно погрузив в мир Вайториса. А пришла в себя сидя у него на коленях, когда слизывала этот запах с кожи. Рвала на нем одежду, чтобы добраться до тела. Пила его и никак не могла насытиться.

Вино? Какое вино? Я забыла о нем, пьяная от аромата Вайтора, сгустившегося от желания, уже бежавшего по его венам. Не помню, когда закончилась та ночь, она растворилась в столах и бессвязном шепоте, в томных ласках и жестких толчках любовника внутри моего тела. Я плавала в его

аромате, тонула в нем, жадно вдыхала и боялась упустить хоть каплю. И когда, полностью обессиленная, лежала на его груди, пытаясь восстановить дыхание, единственное, что я смогла произнести хриплым полусшепотом, было:

«Спасибо».

Это действительно был бесценный дар, после которого жизнь заиграла новыми красками. Я научилась различать запахи силы, чувств, улавливать оттенки и нюансы, а после и использовать их. Даже когда дар различать правду и ложь подводил, затаенный запах страха и волнения выводил лжеца на чистую воду. Отныне для меня не было тайн. Правда, с того момента меня всё чаще называли шавкой, ищейкой, гончей... сукой – всё зависело от обстоятельств. Я не обижалась. Мне вообще не свойственна обида, особенно на тех, кто брызжет ядовитой слюной у моих ног. Это вызывает усмешку. Моя преданность Господину неоспорима, и всё, что делаю, я делаю во имя его.

– Во имя твое, Вайторис, – прошептала я, прикрыв глаза. Затем распахнула их и с новым приливом ярости воскликнула: – Тогда почему ты отнимаешь то, что сам подарил?!

– Г-г-г... гос... госп-п-п-п...

Я резко обернулась к дверям, но успела лишь заметить выпученные от страха глаза служанки. Она пискнула, и дверь захлопнулась. Зло усмехнувшись, я полностью развернулась к входу в купальню и велела:

– Войди.

За дверью зашуршали, завозились, словно мыши в норе, почуявшие кота, сидящего снаружи. Невнятные голоса бормотали, кажется, спорили.

– Живо! – рявкнула я и, странное дело, но дверь открылась, и три служанки, влетев в купальню, посмотрели на меня огромными испуганными глазами.

Я уже порадовалась, что властность моего голоса осталась прежней, но...

– За какой Тьмой ты разгромила мою купальню?

Ко мне пожаловал сам хозяин замка. Сразу стало понятно, кто на самом деле загнал трех дурех в мои «покои». А еще было заметно, что водник зол, как сама бушующая Тьма.

– Привести в порядок, – чеканно велел он служанкам.

Женщины были бледны и явно собирались упасть в обморок немедленно, но...

– Живо! – гаркнул воин, невольно повторив мой недавний приказ. От его тона вздрогнула даже я. Голос водника оказался наполнен силой. Признаться, не ожидала...

Он повернул голову в мою сторону, одарил хмурым взглядом. После посмотрел на бассейн, тяжело сглотнул и рявкнул:

– Уйди отсюда.

Я изумленно приподняла брови, хмыкнула и не смогла не полюбопытствовать:

– С чего вдруг? Разве не для того я сижу в этой купальне, чтобы могла пользоваться водой? Помыться...

– Ты больше не будешь сидеть в купальне, – ледяным тоном произнес водник.

– А где я буду сидеть? В твоей спальне?

Честно, хотела договорить про то, что мне придется любоваться на его утехы, но глаза моего похитителя вдруг сверкнули ярким бликом, словно речная гладь, отразившая всполох света. Затем синева стремительно потемнела до черноты, и вода, только что мирно заполнявшая бассейн, взметнулась вверх, закрутилась толстым жгутом и ринулась ко мне. Обвила кольцами, подобно змее, сдавила так, что затрещали ребра. Я вскинула на водника ошеломленный взгляд, он ответил тем же. Похоже, мы оба были удивлены его возможностью придавать воде форму и плотность. Обычно водники такого не делали. Бесконечный Хаос! Он создал существо из воды, которое паялось на меня белесыми голодными глазами!

И все-таки первой в себя пришла я, скрыв оторопь за насмешкой:

– Что дальше?

Глаза воина вновь сверкнули уже знакомым мне бликом, и он рублено произнес:

– Прочь!

Не могу сказать точно, что произошло в следующее мгновение, но водяной змей мгновенно раздулся, скрыв меня в огромном пузыре. Я уставилась на водника сквозь толщу воды, осознавая, что воздуха здесь нет. Сколько я продержусь?

И продержусь ли? Вода давила на меня со всех сторон, подобно прессу. Прикрыла глаза и начала отсчет до своей смерти: «Один, два, три...».

Пузырь лопнул, вода хлынула в разные стороны, а я, повалившись на холодные камни, умудрилась извернуться и встала на четвереньки, а после отчаянно закашлялась. Колени и ладони, конечно, отбила, но боль ощутила не сразу. Некоторое время ушло на то, чтобы прийти в себя. После уселась в лужу, покривилась от ссадин, но усмехнулась:

– Заодно и помылась.

После огляделась. Великая Тьма, темница! Настоящая! Соломенный тюфяк в углу, кособокий стол у стены и один грубый стул, на котором восседала крыса.

– Брысь.

Крыса спрыгнула со стула и деловито удалилась, всем своим видом показывая, что место хозяйки уже занято, и я всего лишь временный гость в ее жилище. Хотелось ответить, что мы еще посмотрим, кто тут гость, а кто хозяин, но как-то вовремя опомнилась и спорить с крысой не стала. Ну ее, лучше уж она, чем я. А меня бы лучше на свободу.

Я поднялась на ноги, доковыляла до отвоеванного стула и уселась на него. Неожиданно вспомнила об одной немаловажной детали. Пощупала шею, но ошейник был на месте, а вот цепь болталась. Я с любопытством осмотрела последнее звено. Его словно разрезали пополам. Похоже так и случилось, когда пузырь сомкнулся, поймав меня в ловушку. Хо-

рошо еще, что я не додумалась высунуть руку или ногу. Еще неизвестно, что стало бы с ними... Передернув плечами, я задрала подол, осмотрела разбитые колени и, подняв лицо к потолку, от души пожелала:

– Чтоб тебя перекорежило, изверг.

Изверг появился спустя четверть часа... наверное. Громыкнул засов, дверь открылась, и вошел мрачный водник.

– Живая? – спросил он, заметил мой задранный подол, разбитые колени и поморщился: – Прости, я... не хотел. Не знаю, как это вышло.

– И что дальше? – спросила я, немного забыв, чем в прошлый раз закончилось мое любопытство. – В чем вообще я провинилась? Лавки и стола стало жалко?

– Нет, – хмуро ответил он, а мне вдруг пришла в голову забавная мысль.

После этой ночи меня как-то многого лишили разом. Вайторис забрал свой дар назад, воин отправил из купальни в темницу. И что, спрашивается, я такого сделала, что не угодила сразу двум мужчинам? Ну ладно Господин, он видел, как я позволяю...

– Бесконечный Хаос, – выдохнула я, тут же помотала головой и протянула: – Не-ет... Не может быть... Нет!

– Что – нет? – насторожился бывший пленник.

И я растерялась. Поняла, что не знаю, что сказать. Спросить, что ему снилось, или прямо: «Дорогой, не совокуплялся ли ты со мной этой ночью?» Да нет... Как?! Одно дело

Вайтор. Во мне его кровь, его огонь, я принадлежу ему... Кровь? Нет, ну, нет же! Если его затащило в мой сон на самом деле, тогда Вайторис взбесился, выходит, не зря, а значит, я и водник... Великая Тьма, нет, нет и нет! Ничего не было. Не было!

– Ты плакать собралась?

– Обойдешься, – буркнула я, перестав страдальчески кричиться. – Меня будут кормить? Я уже чистая, можешь пощупать.

– Пощупать, – эхом отозвался водник, вдруг зло сплюнул и стремительно покинул темницу, бросив на ходу: – Сейчас накормят.

– Пощупать, – повторила я и замотала головой: – Ну уж нет, никаких щупать.

Вскоре к раздражению и злости на свой необдуманный поступок прибавился холод. В моей темнице было сыро, холодно и мрачно. И даже маленькое окошко под потолком не радовало скудным дневным светом, проникавшим внутрь, потому что кроме решетки на этом окошке ничего не было, и прохладный воздух гулял мерзким сквозняком, обещая мне скорую простуду.

Какой дар я ждала теперь? О нет! Не дар имени Господина, с ним встречаться мне как раз резко расхотелось. Оказаться рядом с ним, зная, что он увидел в странной реальности, сотворенной сном или им самим, мне совсем не хотелось. Испытать силу его гнева, будучи смертной? Вот уж нет,

увольте. Пусть сначала перебесится. А если умирать, то хотя бы с гордо поднятой головой, а не стоя на коленях. Так что пересижу бурю у водника, целей буду.

А вот дар огня мне бы совсем не помешал. Зубы уже выбивали дробь, меня трясло, как в лихорадке, и согреться не удавалось, сколько я не прыгала по своему узилищу то на одной ноге, то на второй. Да и прыгала я босая, потому что обувью меня снабдить вчера забыли, а каменный пол, и без того ледяной, был еще и покрыт водой из лопнувшего пузыря. Убирать ее никто не спешил, а иначе исчезнуть воде было некуда. Ни стока, ни тепла.

– Н-н-ненавижу в-вод-д-дника, – отстучала я зубами и забралась на стол с ногами, чтобы хоть так сбежать от воды.

Протяжно вздохнув, я прислушалась к себе. Нигде пока не зудело, не кололо, не жгло. Только холод. На злость и размышления сил уже не осталось, все мысли сосредоточились вокруг одного желания – согреться. Ничего так не хотелось, как сменить одежду, завернуться в теплое покрывало и усесться подле камина с кружкой горячего травяного настоя.

Ш-ш-ш. Я вскинула голову и взгляделась в сумрак. Вода на полу шла рябью, больше ничего подозрительного не наблюдалось. Но рябь могла появиться от ветра, врывавшегося в окошко, и особо значения этому я не придала. Подняла колени к груди, натянула сверху подол, обняла их руками и сжалась в комочек, ища хоть какого-нибудь тепла. Перед глазами стояла спальня Вайториса и огромный камин в виде

головы чудовища с беснующимся пламенем в распахнутой в
оскале пасти...

– Ш-ш-ш...

– Покажись! – громко произнесла я. Постаралась, чтобы
окрик казался властным и угрожающим, но мне всего лишь
хотелось скрыть неприятный испуг, скользнувший по позво-
ночнику стайкой мурашек.

Вода заволновалась сильней...

– Бесконечный Хаос! – вскрикнула я, отползая к самой
стене, у которой стоял стол.

Волнение воды продолжалось, оно становилось сильнее и
сильней, пока не появилось течение. Всё ускоряясь, оно дви-
нулось по кругу. Вода, отделилась от стен, поднялась в воз-
дух, задела меня, и я едва не слетела со стола от неожиданной
силы. А вскоре посреди темницы кружил настоящий вихрь,
закручиваясь в спираль. Уплотнился, сузился, и вот уже по
стенам, по потолку, по полу хлещет жгут воды. Он метался,
словно объятый агонией, и мне пришлось скатиться со сто-
ла, чтобы не попасть под мощный удар. Жгут задел стол, и
он отлетел, грохнул об стену и рассыпался на части. Я заби-
лась в угол, не в силах даже пискнуть. Слишком давно я не
ощущала паники и даже сразу не поняла, что трясет меня
уже от нее, а не от холода. О последнем я забыла, как только
поняла, что в любое мгновение меня может расплющить и
изломать, как убогий стол.

Я видела, как на верхнем конце жгута вытягивается морда

с уже знакомыми белесыми глазами. Наконец водяной змей шлепнулся на пол и уставился на меня, приоткрыв прозрачную пасть, а в его чреве отчаянно билась захваченная в ловушку крыса. Это было жуткое зрелище. И, несмотря на всю мою толстокожесть, равнодушие и цинизм, я вдруг ощутила забытое – жалость.

Сделала осторожный шаг из своего угла, змей остался неподвижен, только, не отрываясь, смотрел на меня. Я выдохнула, поджала губы и боком протиснулась к стулу, упавшему, но чудом выжившему в том безумии, что недавно творилось в темнице. Перехватив свое оружие, я выставила его перед собой ножками вперед. Змей, поворачивая голову, следил за мной, но по-прежнему ничего не делал.

– Что смотришь, тварь? – спросила я.

Змеиный хвост, дернувшись, зашуршал по полу, но вновь создание водника не пыталось напасть. Лишь следило, не отводя глаз. Я перевела взгляд на тело змея. Крыса уже почти не боролась. Зверек вяло шевелил лапками, наконец совсем замер и медленно поплыл по прозрачному телу. Загнав страх поглубже, одарила водяное чудище надменным взглядом, он не шевельнулся, и я бросилась к тому месту, где виднелась несчастная крыса. Размахнулась, насколько позволили силы смертной, умноженные испугом и гневом, который вновь вспыхнул во мне. На Вайториса, на воина, на проклятое порождение, на себя, в конце концов.

– Сдохни! – заорала я и опустила стул на тело змея.

Белоглазая голова взметнулась вверх, издав булькающий звук, а затем я услышала рев. Кажется, ему стало больно от того, что тяжелый стул перерубил водяное тело. Крысу вынесло потоком к моим ногам. Я подхватила зверька и бросилась назад в свой угол. Прижала крысу к себе не столько желая согреть, сколько от страха, потому что тварь вновь бесновалась, мотаясь от стенки к стенке.

И пока голова билась в агонии боли, вода, разлившаяся из разорванного тела, начала стягиваться ручейками, латая образовавшуюся прореху, вновь собирая змея в единое целое. Я оступело смотрела на происходящее, осознавая невероятное – водник создал сущность. Не морок, не тварь, наполненную магией на время, пока от нее что-то требуется, и которая исчезнет, как только выполнит свою задачу. Нет, водяной змей не был кратковременным порождением, он был именно сущностью, способной ощущать боль, восстанавливаться и воссоздавать себя из бесформенной лужи. Только, похоже, мой похититель создал эту сущность неосознанно, слишком красноречив был его ошеломленный взгляд. Вновь шалости крови Вайториса, наполнявшей меня? Но... Но! Бесконечный Хаос, кровь Разрушителя не создает жизнь, она ее отнимает! Уж не знаю, как ему удалось вернуть меня к жизни, и это то, о чем он говорить отказывается, но все его создания, за исключением меня, такие же временные, как и у обычных магов.

Змей полностью восстановился и, шлепнувшись на камен-

ный пол, как-то устало взглянув на меня. Я сильнее прижала к себе крысу и сузила глаза, готовая дать отпор, если он бросится. Не знаю как, но сдаваться без боя я не собиралась. Однако тварь вновь смотрела на меня, но не двигалась с места. Только издала обиженный бульк и замерла. Я осторожно выдохнула. Опустила взгляд на тельце крысы и встретила взглядом с черными бусинками-глазами. Выжила. Все-таки выжила. Я опустила зверька на пол, но крыса проковыляла мне за спину и там осталась, спрятавшись от змея. Кажется, она посчитала меня своей защитой.

– Великая Тьма! – воскликнула я, вдруг поняв, что рада тому, что крыса не сдохла. Захотелось свернуть ей шею, или откусить голову, чтобы ощутить на языке вкус горячей крови и вспомнить, что я не знаю жалости и не радуюсь чужому спасению, и уж тем более никогда и никого не спасаю, но вместо этого стиснула кулаки и чуть сдвинулась, давая крысе устроиться поудобней. Это вызвало нервный смешок. – Я сплю, Бесконечный Хаос, я точно еще сплю!

Змей шевельнул хвостом и сдвинулся с места. Только не в мою сторону. Он повернулся в сторону двери. Я тоже перевела туда взгляд, а через несколько мгновений громыхнул засов, и в темницу вошел водник. Водяная тварь метнулась к нему, обвила ноги и забулькала что-то жалобное. Мой похититель опустил на него взгляд, протянул ладонь и погладил по гладкой змеиной голове. А затем произнес:

– Обидела? Эта может.

То есть змей еще и жаловался на меня?! Мне показалось, что за моей спиной возмущенно завозила крыса. Впрочем, мы обе промолчали. Я вглядывалась в лицо водника цепким взглядом, отмечая его растерянность. Кажется, что-то его изумляло, и отчего-то мне думалось, что оторопь бывшего пленника была того же рода, что и у меня и сейчас ластилась к хозяину, продолжая булькать, то ли радуясь, то ли ябедничая на меня, то ли всё вместе.

– Что было в том вине? – спросил водник, продолжая поглаживать водяную тушу, жмурившую белесые глаза. На меня он не смотрел. Точней, бросил один взгляд и больше не поворачивал головы.

– Моя кровь, – машинально ответила я, наблюдая за мужчиной.

– Я никогда не делал ничего подобного, – вдруг сказал воин. – И... я вижу его глазами. Ты спасла крысу. Неожиданно. – Видишь? – переспросила я.

Он кивнул и все-таки повернулся ко мне. Взгляд синих глаз скользнул по моему лицу, опустился ниже, и я увидела, как дернулся его кадык. Водник облизал губы, но мотнул головой и поглядел уже сердито:

– Прекрати, – велел он. – И затяни шнуровку.

– Что? – не поняла я, проследила за мужским взглядом и хмыкнула.

Шнуровка расплзлась, открыв грудь. Не полностью, но простор для фантазии появился.

– Прекрати гладить себя, – в его голос вернулась та сила, которая удивила меня еще в купальне.

– Я глажу? – переспросила я и поняла. Да, поглаживаю правую грудь, потому что...

Нет, шнуровку я не затянула, я рванула ворот в стороны, окончательно ослабляя его, после стянула платье с плеч, не обращая внимания на свою наготу, ее я стесняться перестала с того момента, как укоренилась в спальне Господина. Кстати, там я всегда была единственной. Остальных своих женщин Вайторис навещал в их покоях, а после уходил, никогда не оставаясь ни с кем до утра. Но не об этом. Я с жадностью осматривала себя, потому что, занятая змеем и его хозяином совсем не заметила, что почесываю себя. Зуд был пока ненавязчивым, едва ощутимым, потому не встревожилась.

– Ты ударилась, – бесцветно произнес воин, глядя на темное пятно, сейчас напоминавшее синяк на правой груди. – Я позову целителя...

– Обойдусь, – грубо оборвала я. – Мне бы сухую одежду и горячую еду. Ты обещал.

– Обещал, – кивнул мужчина.

Он поджал губы, отвел глаза, и я с неожиданной ясностью поняла, что меня оставят в темнице. Даже если мой перенос сюда произошел в порыве гнева водника, то теперь сиюминутное решение укрепилось, потому что... потому что его голодный взгляд был слишком красноречив, а желание, которое почему-то так и не исчезло, мужчина изо всех сил ста-

рался подавить. Это тоже было понятно по тому, какими злыми стали его глаза. Плевать. Совокупление с ним в мои планы тоже не входило. Подобная глупость могла мне слишком дорого стоить.

– Долго будешь тут торчать? – раздраженно спросила я.

– Я хотел понять... – Водник снова мотнул головой, повернулся в мою сторону и одарил тяжелым прямым взглядом. – Ты получишь всё необходимое. Тебе подготовили комнату, но я передумал, ты останешься здесь. Скоро одежду и еду принесут сюда. На этом пока всё.

Он развернулся и направился к двери, змей остался на месте, и я вскочила на ноги:

– Эй!

Тварь, сотворенная из воды, бросилась мне наперерез, не позволив приблизиться к хозяину. Пасть угрожающе распахнулась, обнажив воронку в его горле.

– Эй! Ты!

– Чего тебе, Игнис? – воин обернулся.

– Забери свою тварь, – потребовала я. – Здесь и так слишком мало места...

– Змей тебе не помешает, – ровно ответил мужчина.

– Эй!

Он сделал шаг к двери, но резко обернулся и отчеканил ледяным тоном:

– Меня зовут Скайрен из рода Аквеев. Понимаю, что такая мелочь как мое имя тебя никогда не интересовала, но

оно у меня все-таки есть.

– Я запомню, Скайрен Аквей, – с усмешкой ответила я.

– Ты невероятно мила, Игнис Сиел, – с издевкой произнес водник и покинул темницу.

Его змей отполз к дальнему углу, я вернулась в свой. Присела на корточки, и мне на колени вскарабкалась крыса. Я опустила взгляд на обнаженную грудь, «синяк» еще налился чернотой. Вздохнув, натянула обратно платье и закрыла глаза, чтобы не видеть взгляд змея, вновь пялившегося на меня. Правда, когда я приподняла веки, он уложил голову на пол и теперь глядел на стену. Я вздохнула с облегчением.

Прислуга явилась не менее чем через полчаса после того, как ушел Скайрен Аквей. На меня косились с опаской, кривились при виде крысы, сидевшей на моих коленях. Зверек расставаться со мной не желал ни в какую, а я не гнала. Животное сейчас было единственным, кто, кажется, решил не оставлять меня в одиночестве. Змей не в счет, его я старалась не замечать, поняв, что атаковать меня он не будет. Но его взгляд, устремленный на меня с того мгновения, как появилась прислуга, нервировал. Аквей следил за мной глазами своей твари, должно быть, опасаясь, что я могу навредить его людям. И я обязательно наврежу, когда ко мне вернуться силы, потому что после выходки водника что-то изменилось.

Опаска осталась, но прежнего животного страха не наблюдалось. Наверное, увидев, с какой легкостью их господин справился со мной, служанки уже успели потрепать языка-

ми, потому что на змея смотрели с заметным уважением и восхищением. Ничего, когда проснется огонь, мы еще поглядим, сможет ли устоять замок...

Мысли об огне подстегнули зуд в правой груди. Стиснула зубы, чтобы не чесаться на глазах челяди, как блохастая дворняжка, но зуд нарастал, и терпеть становилось всё сложнее. Мерзавцы, прислуживавшие Аквею, словно чувствуя мое нетерпение, шевелились еле-еле, убирая останки старого слова, разбитого змеем, ставили новый. Потом накрывали его, потом сменили тюфяк на узкую жесткую кровать, застелили ее. Затем притащили лохань, наполнили ее горячей водой, положили на кровать сухую одежду. Шептались, изумляясь щедрости господина. Бросали на меня взгляды украдкой, снова шептались. До меня долетали слова: проклятая, поганая сука, злобная тварь, убийца...

Их эпитеты мало волновали меня, тем более подтвердить их я собиралась, как только вернуться мои силы. Но цветок продолжал пробиваться, и зуд уже сводил с ума. Я повернула голову к змею, тарашившему на меня свои бельма, и сказала, обращаясь к его хозяину:

– Убери их. Бесят.

Змей повернул голову в сторону замершей прислуги, после посмотрел на меня и замер. Прислуга, застывшая извращениями под взглядом водяной твари, вдруг встрепенулась, расправила плечи. Их взгляды, осторожные, но уже таящие насмешки, обратились ко мне. Я склонила голову к плечу,

посмотрела в глаза худенькой женщины с ярко-рыжими волосами, и та, охнув, спряталась за широкой спиной борода-того мужика.

– Что вытаращи-лась, тварь? – с вызовом спросил он.

– Запоминаю, – ответила я.

– Ты ничего не можешь нам сделать, – чуть визгливо воскликнула черноволосая служанка. – Наш господин защитит нас.

– Уверена? – спросила я, чуть приподняв брови.

Женщина замолчала, бородатый сделал шаг в мою сторону, сжав кулаки. Крыса прыгнула с моих колен, юркнула под подол, я осталась неподвижна.

– У меня давно чешутся руки, свернуть твою шею, – произнес бородач.

– Не выйдет, – усмехнулась я.

– Мне все только спасибо скажут, – ответил мужик, подступая еще ближе.

– Давай, Тернес! – взвизгнула черноволосая женщина. – Если бы могла, она бы уже испепелила нас!

– Точно! – оживилась рыжая. – Ее господин отвернулся от нее. Где ее огонь? Где ее черная сила? Наш господин пленил эту тварь и бросил в темницу.

– Два дня уже здесь. Темный повелитель не идет за ней, и сама сбежать не может, – подхватил белесый детина.

Дураки, но ума все-таки хватило осознать очевидное. Кажется, моя жизнь осложняется... И все-таки я осталась си-

деть, переводя насмешливый взгляд с одного говорящего на другого, уже не обращая внимания на зуд и на шевеления моего подола, под которым возилась крыса. Зато бородач окончательно воспрянул духом и устремился ко мне подстрекаемый остальной челядью.

– Ты не сможешь добраться до меня, – произнесла я с улыбкой.

– Посмотрим, – мрачно ответил тот, засучивая рукава, и...

Змей метнулся мужику наперерез. Движение это оказалось столь стремительным, что я невольно отпрянула, несильно приложившись затылком к стене. Голова твари нависла над бородачом, и он шарахнулся в сторону, избегая встречи с раскрытой пастью создания водника. Неожиданно завизжала рыжая. Мой взгляд оторвался от змея и устремился к служанке.

– Уберите! – визжала она. – Уберите эту мерзость!

Моя крыса стремительно подбежала к ней, оттолкнулась от пола и прыгнула на грудь. Рыжая открыла рот, вереща во всё горло, и крыса вцепилась ей в губу. Кровь потекла по подбородку, по шее, запачкала платье, и черноволосая наконец отмерла. Схватив веник, она бросилась на помощь подруге, размахнулась... но крыса уже спрыгнула на пол, и удар веником пришелся по лицу заходящейся в крике рыжей.

Я протянула руку, и мой зверек забрался на ладонь, пробежался по руке и спрыгнул снова на колени. Змей стреми-

тельно развернул голову в мою сторону. Пожала плечами:

– А я просила их убрать.

Змей булькнул что-то в ответ, обернулся к челяди и неспешно пополз на них, выпроваживая из темницы. В глазах людей, пятившихся к дверям, сплелись ненависть и страх – моя любимая смесь. Вот так они всегда смотрят на меня, пусть так остается и впредь. А мое время еще придет. Не стоять этому замку. И назовут место, где останутся обугленные развалины, проклятым. Да, именно так.

Выпроводив прислугу, змей развернулся ко мне, угрожающе качнулся, но я отмахнулась:

– Можешь не пугать. Я нужна тебе целой и невредимой. Будешь охранять меня, как верный пес. Охранять и... – я посмотрела в глаза змея, потянула шнуровку, и платье расползлось, приоткрыв грудь, – и желать. Ты ведь думаешь об этом, Скайрен Аквей? – тварь снова качнулась и уползла в свой угол. Там змей свернулся клубком, опустил голову на пол и замер, уже не глядя в мою сторону.

Положив крысу на ладонь, я поднялась с пола и направилась в первую очередь к лохани. Вода остывала быстро, сейчас пар, шедший от нее, был едва заметен.

– Последи, чтобы этот, – кивок на змея, – не подглядывал.

Крыса прыгнула с ладони на пол и, поднявшись на задние лапки, не спускала со змея глаз. Усики ее забавно топорщились, и я хмыкнула, глядя на своего бдительного стража. Водяная тварь из угла что-то пробулькала и свернулась еще

больше, демонстративно отвернувшись от меня. Я скинула мокрое платье и залезла в лохань. Конечно, о том, чтобы вытянуться в ней в полный рост, речи не шло, пришлось сидеть, подтянув колени к груди, но теплая вода все-таки была невероятно приятна.

Я поплескала на себя, прикрыла глаза, наслаждаясь маленьким удовольствием. Купель в купальне Господина я постаралась не вспоминать. Немного согрелась, и волнение, все-таки накрывшее меня во время всплеска злости у слуг, немного отпустило, а пальцы вновь заскребли по груди. Зуд, словно решив, что о нем забыли незаслуженно, резко усилился. Я заскребла сильнее, зашипела. Тут же запищала крыса. Я обернулась и встретила взглядом со змеем.

– Не подсматривай! – рявкнула я.

– Брль-буль, – ответил змей, отворачиваясь.

– Умница, – похвалила я крысу. – За верную службу нарекаю тебя Искрой.

Зверек пискнул и вновь замер столбиком. Я опустила взгляд на свою грудь, бутон уже имел четкие очертания, от него змеился наметок стебля. Он соскальзывал с груди и прятался где-то под ребрами. Похоже, скоро...

– Хоть бы огонь, – шепнула я и вновь почесала цветок.

Крыса пискнула, змей булькнул. Мой верный страж зорко следил за глазами Скайрена Аквея. Я потянулась к Искре, осторожно провела пальцем между ушей, грызун чуть дернулся, но своего поста не покинул. Это вызвало невольную

улыбку, а вслед за этим...

– Бесконечный Хаос, – пробормотала я, наконец отвлекаясь от цветка и своей мольбы.

Почему она слушается меня? Хорошо, после того, как я не дала крысе погибнуть, умный зверек остался рядом, решив, что рядом со мной безопасно, но всё остальное? Нападение на рыжую, слежка за змеем... Дара говорить со зверьем у меня никогда не было, как-то в голову не приходило, что их можно использовать, справлялась своими силами. Или это...

– Вайторис, – шепнула я в отчаянной надежде, что он, как и водник, нашел себе соглядатая.

Искра никак не отреагировала, похоже, имя Господина для нее было пустым звуком.

– Водник? – с сомнением спросила я у пустоты.

Крыса оповестила писком, что змей снова смотрит на меня. Похоже, уловил, что я помянула его хозяина... Интересно, а Аквей как-то слышит происходящее здесь? Не может же он постоянно следить за мной, все-таки владелец обширных земель, дел у него и без меня немало. А если я позову через его порождение, водник явится? Только зачем он мне? Впрочем, узнать о том, что происходит с ним, любопытно, но на разговор я не настроена, да и не время. Цветок вот-вот раскроется.

Закончив плескаться и оттирать кожу, я выбралась из логгера, стараясь не поворачиваться к змею передом. Нет, не строила из себя скромницу, и целомудренность во мне тоже

не проснулась, просто не хотелось посвящать его в свою маленькую тайну. Пусть думает, что я совсем лишена сил, если, конечно, он так думает. Потом будет «приятная» неожиданность.

Вытерлась холстиной, лежавшей вместе с одеждой. побыстрее оделась, потому что холод вновь накинудся на меня, как только я вышла из воды. В этот раз мне принесли сорочку из простой ткани, кофту из шерсти и юбку. Про обувь вновь забыли, поэтому по полу я пробежалась на цыпочках, залезла на стул с ногами и принялась за еду. Разумеется, она уже успела остыть, но голод был безумным, несмотря на холод, темницу и зуд.

– Искра, – позвала я.

Крыса, принюхивающаяся к запаху еды, наполнившему темницу, как только я сняла крышку с тарелки, наконец опустилась на все четыре лапки и поспешила ко мне. Запрыгнула на стол после моего кивка, и я выделила ей кусочек от птицы, приготовленной на вертеле. О слугах нужно заботиться, особенно о верных. В углу заворочался змей. Он несколько раз булькнул и как-то несмело подполз ближе. Взгляд белесых глаз мазнул по столу, по мне, по Искре, опять по мне, и змей... гулко сглотнул.

– То есть тебя еще и кормить надо? – возмущенно спросила я.

Змей сглотнул повторно. Я с сомнением оглядела его прозрачное тело в поисках хоть чего-нибудь, что напоминало бы

органы, не нашла, пожала плечами и вновь вернулась к еде.

– Буль, – напомнил о себе змей.

– А не пойти ли тебе к твоему хозяину? – проворчала я, откусывая мясо с ножки.

– Буль... брль-буль.

Искра ухватила свой кусок и отбежала на другой край стола. Там, усевшись спиной ко мне и водяному созданию, возобновила трапезу. Я хотела последовать ее примеру, но... Но! Наглая морда с бельмами вместо глаз несильно толкнула меня в плечо, не позволяя забыть о себе. Я фыркнула, поднесла ко рту следующий кусочек, и толчок повторился. Да такой, что я едва не свалилась со стула.

– Великая Тьма! – взъярилась я и заорала, глядя в глаза змею: – Аквей!

Змей обиженно заморгал и отполз назад в свой угол, однако взгляд его так и не отрывался от меня, мешая сосредоточиться на еде. Мне кусок в глотку не лез под этим укоризненным взглядом! Выругавшись, я развернулась к наглой твари и вонзила зубы в крылышко... змей сглотнул. Я зарычала от злости и швырнула в водяное чудище куском с блюда. Он ловко поймал подачку на лету, и я теперь наблюдала, как кусок неспешно плывет по змеиному телу, но вскоре водяное брюхо подернулось туманом, и кусок птицы исчез. Водяной мерзавец снова подполз ближе.

Свирепо швырнув надзирателю остатки еды, я злая и голодная перебралась на постель, забралась под теплое одеяло

и отвернулась к стенке. В это мгновение счет к хозяину замка значительно вырос, его я собиралась убить собственными руками, даже если Вайторис вознамериться сделать это лично. Ох, Вайторис...

Мысли о Господине вернули тоску, обиду и негодование. Увидеть его хотелось и не хотелось одновременно. А еще было страшно снова попасть к нему во сне. Гнев Господина, наверное, еще кипит, и получить наказание не хотелось до зубовного скрежета.

Я сдвинула ткань на груди, и посмотрела на бутон. Его чашечка еще была сомкнута. Зуд перешел в жжение, и я стиснула зубы и закрыла глаза, выжидая, когда всё закончится. Жжение всё усиливалось, заставляя меня шипеть в подушку. Искра крутилась на полу, ее писк был похож на тревогу. Змей ворочался в своем углу, несколько раз подползал и снова отползал, стоило крысе на него броситься. Мой страж продолжал охранять меня. Только мне сейчас было не до верной крысы, и не до водяной твари, время от времени булькавшей из угла.

– Ну же, – простонала я, откинув одеяло, и порывисто села на своем жестком ложе. – Ну, давай же, давай!

Не выдержала и, содрав с себя кофту, я упала животом на холодный пол. Прижалась грудью, почти блаженно застонав, когда жжение немного отступило.

– Что это, Вайтор? – прошептала я. – Еще один виток наказания за неосмотрительный поступок с пленником, или

наказание за то, что произошло ночью? Но если ты можешь и дальше наказывать меня, почему не можешь вернуть? Что означают твои слова про разорванную цепь предначертанных событий? Почему не можешь почувствовать меня? Ты же говорил, что мой огонь приведет тебя даже под землю, если я буду там... Бесконечный Хаос! У меня нет огня, ты лишил меня его...

В это мгновение я почти ненавидела своего Господина. Злилась на него и не понимала. Просто совсем ничего не понимала. Что мешает всемогущему Вечному отыскать меня? Где его ищейки? Почему бездействует, если я ему нужна? Разве не знает, где находится замок Скайрена Аквея? Я вскинула голову и встретила взглядом с Искрой, застывшей напротив меня. Но изумление от очередной ошеломляющей мысли так и не успело захватить меня, потому что бутон щелкнул, и цветок начал выпускать лепестки. Один за другим, совсем как вчерашний. Жжение прошло, сменившись невероятным облегчением, и я вернулась на кровать.

Сил на то, чтобы рыться во всех дарах Господина у меня уже не было. Измотанная болью, я мгновенно уснула. А проснулась от жара, охватившего всё тело. Это не было огнем. Мои глаза слезились, нос хлюпал, горло нещадно драло. Я откинула одеяло, и меня мгновенно затрясло, укуталась, трясоти не перестало, но тело пылало всё сильнее.

– Что со мной? – сипло спросила я.

– Всего лишь обычная человеческая лихорадка, – неожи-

данно ответил знакомый голос. – Ты слишком хрупкая для Мирового Зла.

– Скайрен Аквей, – пробормотала я.

– Он самый, Игнис Сиел, – усмехнулся водник и поднял меня с кровати.

– Я тебя потом всё равно убью, – сказала я, проваливаясь в забытие, и где-то на границе реальности услышала:

– Спорное утверждение.

Больше я не слышала ничего, и какой дар проснулся, так и не успела понять.

Глава 3. День пятый

Я бы рада что-то рассказать про третий и четвертый день, которые я прожила вдали от своего Господина, но... рассказывать оказалось нечего, потому что эти два дня сплелись в череду бредовых образов, сменявших друг друга, не давая ни мгновения отдыха. Я ныряла из одной реальности в другую, пыталась зацепиться хоть где-то, но поток жара уносил меня, не давая толком запомнить, где я находилась только что, и что вообще было настоящим, а что навеянным горячкой.

Время от времени я попадала в черный замок, объятый пожарищем. Только огонь больше не ластился ко мне, он жалил, кусал, хлестал наотмашь, пока я бежала по коридорам замка, пытаюсь... спрятаться от Вайториса, чьи шаги грохотали где-то за спиной, и голос, подобно разъяренному грому, обрушивался на меня взбешенным:

– Игнис! Игнис, не беси меня!

А я не могла остановиться. Мчалась по коридорам, шипела от каждого соприкосновения с огнем и мечтала поскорей сбежать из этого странного, пугающего, но отчего-то притягательного места. Наконец огонь встал стеной, не пропуская меня дальше. Шаги Господина слышались совсем близко, и я зажмурилась и бросилась в пылающую бездну. Огонь принял меня в смертоносные объятия, воспламенив в одно мгновение. Крик разорвал грудь, увяз в языках пламени и

развеялся, не оставив даже пепла.

– Она вся горит, Скай. Не могу согнать жар...

– Тогда придумай что-нибудь. Ты лучший целитель во всей округе.

– Почему я вообще должен спасти суку Темного?

– Потому что я тебя прошу об этом.

– Зачем она тебе? Однажды он придет за ней.

– Я буду готов к встрече. А теперь вывернись на изнанку, но она должна очнуться. Она нужна мне живой.

– Скай, у меня руки не поднимаются. Это же Игнис Сиел – ядовитая гадина. Она столько погубила...

– Тьма, Рейф! Исцели ее! Я так часто тебя о чем-то прошу?

– Хочешь, исцеляй сам.

– Ты же знаешь, мне не дано такого дара.

– Скай, прости...

– Рейф, кажется, мы были друзьями? Вроде бы мой отец приговорил твою жену к смерти за то, что она хотела отравить свою сестру...

– Не думал, что ты напомнишь о своей помощи.

– Я тоже не думал, что ты скажешь мне «нет».

– Хорошо, я верну тебе эту гадюку. Но ты еще пожалеешь.

Она сейчас там, где ей самое место – во Тьме.

– Приступай.

– Хорошо, Скай. Ох... Она очнулась, смотрит.

– Игнис?

Я встретила взглядом с потемневшими синими глазами Аквея, второго мужчину я толком не могла разглядеть. Реальность расплывалась перед глазами, а вот Скайрен Аквей – нет. Его я видела четко... Наверное, дело в том, что его лицо я знала до мельчайшей черточки. Он второй после Господина, кого я разглядывала во всех подробностях, и с кем проводила много времени рядом.

– Ты меня слышишь? – Я разлепила пересохшие губы, судорожно вздохнула и снова уплыла в испепеляющий жар.

И вновь я стояла под черными стенами древней твердыни. Пламя бросилось мне навстречу, пугая неизбежной мучительной смертью, но вдруг отступило и разошлось, пропуская в замок. Обернулась, чтобы увидеть, что находится за моей спиной, но не увидела ничего, там была чернота, словно замок был в этом мире единственным островком обитания. Впрочем, наверное, так оно и было. Наполнив грудь воздухом, как перед прыжком в воду, я шагнула в ворота замка.

Вошла в жилую часть, начала подъем по лестнице и вдруг остановилась, задумавшись, почему мое появление здесь всегда начинается одинаково? Почему я не появляюсь сразу там, где ждет меня Вайторис? Почему прохожу весь путь?

– Всё имеет свое начало, Игнис, – услышала я усталый голос и подняла голову.

Он стоял на верхней ступени и смотрел на меня. Его глаза – черная бездна. Такая же притягательная и отталкивающая, как весь этот замок в огне. Почему у него здесь всегда такие

глаза? Почему замок горит? Почему...

– Слишком много вопросов. Это отдает человечинной.

– Ты сам сделал меня человеком, – ответила я и поднялась еще на несколько ступеней, но так и не дошла до Господина.

– Теперь я жалею об этом, – сказал он и сам сделал шаг навстречу.

– Так измени!

– Не могу, – Вайторис мотнул головой. – Нет власти.

– Но ты же забрал первый из вернувшихся даров!

– Всего лишь изначальное условие, – усмехнулся Господин, делая еще один шаг ко мне.

Я присела на ступеньку и обхватила руками голову.

– Не понимаю, Вайторис, я не понимаю!

Он спустился ко мне и присел рядом, широко разведя колени. Мы некоторое время смотрели на ревущее пламя, вновь скрывшее выход из замка. Господин вздохнул и уткнулся лбом мне в плечо.

– Мне тебя не хватает.

– Забери меня, – ответила я, не отводя взгляда от огня.

– Грани сместились, Игнис. Что-то произошло еще. Судьбоносное событие, оно преумножило Грани.

Вайторис поднялся на ноги и протянул мне руку. Я вложила в его ладонь свою, встала со ступеньки и заглянула в глаза.

– Я испепелил три реальности, пытаюсь найти тебя, – негромко произнес Господин, и мы зашагали по лестнице

вниз. – Даже мне не всё дозволено, Игнис. Нарушение равновесия ведет к увеличению Граней, и тогда их поглотит Хаос. Непоправимо и опасно. Тогда я уже никогда не найду тебя.

– Почему я так важна для тебя? – спросила я, останавливаясь.

– В тебе мое пламя, – усмехнулся Вайторис.

– Во мне его нет ни искры, Вайтор, – зло бросила я, устремляясь вперед. – Ты забрал его.

– Невозможно забрать то, что живет в крови.

Я снова остановилась и развернулась к нему. То есть огонь по-прежнему со мной, и мне лишь нужно его разбудить?

– Изначальные условия были заданы. Изменить невозможно, – ответил вслух Господин и снова приблизился ко мне. Затем обнял мое лицо ладонями и спросил: – Что разорвало цепь, Игнис? Что сместило Грани? Дай ответ, и, возможно, я смогу вернуться к изначальной точке.

– Не знаю, – прошептала я, не в силах оторвать взгляда от его почерневших глаз.

– Ты мне лжешь, Игнис, лжешь, – произнес Вайтор так спокойно, что я вздрогнула от мгновенно проснувшегося страха.

– Я не лгу! – заорала я, чтобы скрыть за злостью испуг, и...

Вода захлестнула рот, нос, попала в легкие. Распахнула глаза, надо мной склонился Скайрен Аквей, только видела я его сквозь водяную толщу. Глаза водника сверкали бликами, но я не чувствовала его взгляда. Я чувствовала только одно,

что меня топят. Удерживают под водой, и вырваться из хватки мне не хватает сил. Я забилась, задергалась изо всех сил, и когда весь мир слился в яркий свет где-то далеко впереди, и рванула к нему. Вынырнув, я вцепилась в первую попавшуюся опору и закричала так громко, как только смогла.

– Тьма! – рявкнули над ухом. – Теперь ты решила оглушить меня?

Я ошалело уставилась на Аквея, к которому прижалась грудью, намочив его белоснежную тонкую рубашку насквозь. Он насмешливо изломил бровь:

– Добро пожаловать в мир добра, злая Игнис. Будешь драться, оскорблять, попытаешься выцарапать мне глаза?

– Обязательно, – кивнула я.

– А я так и знал, – хмыкнул необычайно довольный водник. – Ты до отвращения предсказуема.

Я обиделась, по-настоящему, обиделась. Оттолкнула от себя руки Аквея и попыталась выбраться из бассейна, в который снова свалилась, как только опора исчезла. Скайрен некоторое время наблюдал за моими тщетными попытками с бортика бассейна, на котором стоял на коленях, потому что вылезти мне сил не хватило. После хохотнул и протянул руку, чтобы помочь выбраться. Я уцепилась за его ладонь, и тогда водник произнес, сверкая неприкрытой иронией в синих глазах:

– Там были ступени. Но ты ведь упорная, да, Игнис? Лучше свернешь себе шею, чем оглянешься и пойдешь на ком-

промисс, ведь так?

– Так, – мрачновато кивнула я и рывком стянула спасителя вниз. Жгучий прилив злости придал сил, и Скайрен Аквей рыбкой скользнул в воду.

Я навалилась сверху, топя его, сжала слабыми пальцами шею, но ощутила лишь воду. Аквей исчез. Растворился подо мной, сам став водой. Лишь одежда пошла ко дну бассейна.

– Скользкий гад! – выкрикнула я, вскочив на ноги. Ударил кулаками по водной поверхности и вскрикнула, когда оказалась прижата животом к бортику.

Тут же вспыхнуло воспоминание – сон, приснившийся мне в первую ночь после пленения. Я замерла, вдруг остро ощутив все неровности каменного бортика. Осознала, что на мне надета лишь сорочка, промокшая насквозь и больше отрывающая мое тело, чем скрывавшая его. И то, как напряженно замер за моей спиной водник, я тоже почувствовала, как и его затвердевшую плоть, упиравшуюся мне в ягодицы, обтянутые мокрой тканью.

Нужно было что-то сказать, что-то сделать. Наверное, высмеять Аквея и оттолкнуть его, но я продолжала лежать животом на бортике, прислушиваясь к учатившемуся дыханию мужчины, стоявшего за моей спиной, и едва сдерживала тихий стон... предвкушения. Внутри поднимался жгучий протест и угасал под наплывом воспоминаний о поцелуе моего пленника, уже настоящего поцелуя, который я украла у него в каменном мешке в замке Господина.

Вайторис... Разум ухватился за это имя, пытаюсь выдернуть безвольное тело из-под водника, но вот Скайрен отводит мои волосы, перекидывает вперед, открывая спину, и я закусываю губу, чтобы не вскрикнуть, настолько остро я чувствую тепло его ладоней, через мокрую ткань. Они скользят по моему телу, изучают, ощупывают. Рывок, и я уже смотрю ему в глаза, затуманенные пеленой желаний. Совсем как в том сне. Взгляд водника скользит по моему лицу, и я ощущаю его, как прикосновения кончиков пальцев, легкие, едва ощутимые, но до безумия волнительные...

– Проклятая Тьма, – хрипло выдохнул Скайрен.

– Бесконечный Хаос, – севшим голосом согласилась я.

Его ладонь накрыла мне затылок, я обвила руками шею своего похитителя, оттолкнулась от дна, подпрыгнула и обвила ногами узкую мужскую талию. Его глаза всё ближе, я теряюсь в этом голодном взгляде, таю, словно кусочек льда в горячей ладони, кажется, готовая...

«Игнис! Не смей!»

Крик Вайториса прогремел в моей голове очередным воспоминанием. Я замерла, когда губы водника почти коснулись моих губ, и он тоже замер. Мышцы мужчины напряглись, словно он проснулся одновременно со мной. Мы еще мгновение мерялись взглядами... И я полетела в воду, отброшенная руками, которые только что были готовы дарить наслаждение.

– Зачем ты это делаешь? – с яростью спросил Аквей. – Я

исцелил тебя, а ты пытаешься отравить мне жизнь, толкаешь к измене! Такова твоя благодарность?

– Ты действительно думаешь, что я соблазняла тебя? – спросила я, стирая с лица воду.

Он одарил меня тяжелым взглядом, уперся ладонями в бортик и легко выпрыгнул из воды. Я прыгать не стала, решив воспользоваться ступенями. Признаться, я была оглушена произошедшим. Слишком откровенные сцены рисовало воображение, слишком близка я была к падению, и слишком слабым оказалось раскаяние за едва несовершенное преступление.

– Сколько прошло времени? – спросила я вдруг осипшим голосом. – Сколько я в твоём замке?

«Изначальные условия», – так сказал в моем бреду Вайторис. Так сколько вернувшихся даров я проспала, сколько могла утратить сейчас?

– Ты пятый день в моем замке, – хмуро ответил водник, уже намотавший на бедра кусок мягкого полотна. Его одежда так и осталась в бассейне.

– Пятый день, – эхом повторила я и вскинула взгляд на Аквея, задав еще один вопрос, мучавший меня, пока Скайрен не сбежал. – Где находится твой замок? Почему я не могу вспомнить?

– Судя по тому, что ты всё еще здесь, даже вечная тварь не знает этого. Оказывается, он не такой уж и всесильный. Удивительно, правда, Игнис? – с издевкой сказал водник, так

и не ответив мне, и покинул купальню.

– И это прискорбно, – буркнула я, поднимая со скамьи второй кусок полотна.

Итак, я здесь пятый день. Решительно откинула мысли о едва не случившейся близости, думать нужно о важном. А с этим притяжением я разберусь после. Теперь мои размышления потекли по иному руслу.

Проспала два дара из оставшихся двадцати девяти. Впрочем, я так ничего и не знаю о том, что принес с собой цветок второго дня... Изначальные условия. Теперь хотя бы ясно, как увядают цветы. От Вайтора тут действительно уже ничего не зависит, он вплел условия лишения дара в основу своего наказания, которые разворачивают цветение вспять. Любопытно, куда он спрятал это плетение? Стебли? Листья? Чашечки – это дары. Чтобы цветок расцвел или увял необходимы условия. Сорви его, лиши влаги, и красота умрет... Да, должно быть, стебли. Но что дает питание для цветка, где семя, из которого произрастает дар?

– Кровь, – уверенно кивнула я сама себе.

И тут же вспомнила еще одну фразу моего Господина: «Невозможно забрать то, что живет в крови». Его сила – огонь, моя сила – огонь. Во мне его кровь, во мне его пламя, его сила...

– Великая Тьма! – воскликнула я, озаренная неожиданной догадкой.

Огонь был во мне с момента возрождения! Вайторис все-

го лишь пробудил его и научил, как подчинить изначальную силу Мироздания. Каждый его дар не пришел извне – это пробуждение! Конечно, никто не получает подобных даров, потому что в них нет крови Вайториса. И его милость – это не подарок, это пробуждение силы! И это означает, что первый дар я не потеряла, он лишь вновь уснул, и тогда я могу его вернуть. И даже бессмертие... наверное.

– Стоп, – остановила я саму себя и вышла из купальни, попав в уже знакомую мне спальню.

Снова вернувшись в купальню, я заметила кольцо, вбитое в стену, с которого свисала оборванная цепь, и усмехнулась. Меня вернули назад. Ошейник сняли, устроили с удобствами... Неплохо. Осталось выяснить, какие силы я заполучила, и тогда можно будет уложить хаос в голове и уже хорошенько обдумать всё, что со мной произошло. И в первую очередь, что мне говорить Вайтору. Если хочу вернуться, а я хочу и очень, только жутковато, но за это меня сложно судить. Не у каждого хозяином становится Вечный. Но об этом я подумаю после того, как приведу мысли в порядок.

Внимательно оглядевшись, я заметила свежую одежду. Это значительно повысило настроение. Я здорова, и вылечил меня, кажется, сам Скайрен Аквей, а еще у меня есть сухое платье.

– И даже туфельки, – хмыкнула я, разглядывая обувь.

Не самые дорогие, но удобные, а главное, новые. То есть хозяин замка даже расщедрился для меня на обувь? А че-

рез пару мгновений поняла, что не только на обувь. Конечно, не богатые наряды Эйволин, но уже нечто более приличное, чем платья служанок. Нашла я и гребень, и пару лент, и шпильки. Очень неплохо.

Остановившись перед зеркалом, я оглядела свое отражение, затем нахмурилась, вглядываясь в стеклянную поверхность, и охнула. После раздвинула смоляные, всё еще мокрые, пряди, выудила единственный седой волосок и без жалости выдернула... не ощутив боли. А затем пришло осознание, что я вижу слишком остро для обычного человеческого зрения.

— Два из трех вернувшихся, — потрясенно прошептала я. — Что третье?

То есть дары вернулись, пока я была в беспамятстве, и остались, несмотря на то, что я вновь желала другого мужчину. Любопытно... Тогда что в изначальных условиях, что стоит в основе подавления проснувшейся силы? Ах, как бы проверить...

— Нужно сначала узнать, чего я готова лишиться за маленький опыт, — вслух решила я.

Итак, я вижу так же хорошо, как Вайторис, таково было мое желание, когда взбесилась оттого, что не могу найти какую-то мелочь. Жаль, что это не относится к возможности видеть в темноте, это был отдельный дар после того, как я едва не свалилась в древнюю ловушку в заброшенной части замка Господина, где царит вечная темнота.

Второе – я не чувствую боль. Не совсем, но вырванный волос точно не замечу. Это желание пригодились после того, когда я захотела чувствовать еще ярче и едва не сдохла от боли, прищемив палец. Чувственность мне нужна была для другого. После воплощения этих обоих желаний, мои ощущения уравнились, и стало совсем здорово. Что третье? Слух? Быстрота реакции? Ловкость, гибкость? Что?

Но точно не огонь, не красота и не молодость. Седой волос тому доказательство, это я про красоту и молодость. Огонь я чувствую, даже не призвав его. Я по-прежнему пустая.

– Так что же третье?

И выносливость я отбросила в сторону, вспомнив, как барахталась в бассейне. Тогда что третье? Чары вожеления? Может, поэтому водник не устоял? Вспомнился его взгляд в первый и во второй дни моего пребывания в плену, и я усмехнулась. Хотя, может, тогда еще его влекла моя кровь. Искажение реальности? И ведь никак не проверишь без подопытного.

Устав мучиться догадками, я покинула спальню и удивленно присвистнула, меня не охраняли. Ну, почти. За дверями я обнаружила старого приятеля – водяного змея. Он вскинул голову, посмотрел на меня и булькнул, как-то очень уж жизнерадостно. Кажется, это чудище было мне радо. Я протянула руку и провела ладонью по его голове. Она оказалась гладкой и прохладной, но змей зажмурился и даже потерся о мое бедро носом.

– А где Искра? – спросила я.

Змей булькнул. Вздохнув, я развернулась и задумалась, где я могу найти Аквея. Тут же сознание отозвалось ответом на вопрос. Я уверенно зашагала в ту сторону огромных покоев, куда не заходила во время своей ночной прогулки, когда сняла ошейник. Сделала несколько шагов и остановилась, шлепнув себя ладонью по лбу. Точно! Поисковик. Не заклинание-ищейка, а внутреннее чувство, которое подсказывало мне верный путь. Я всегда точно знала, куда идти, сколько, и где найти нужного мне человека или мага. Даже с Вайторисом срабатывало. Правда, когда я была в черном замке. За его пределами эта связь становилась более призрачной, но у меня оставался дар имени Господина, и он мог сам найти меня, если был очень нужен.

– Острое зрение, нечувствительность к боли, поисковик. Уже неплохо.

Змей полз следом за мной, не останавливая и не преграждая дорогу. Должно быть, попытайся я покинуть покои, и он встал бы на пути. Но Аквей был в своих комнатах, и этого мне вполне хватало. Я добралась до дверей маленького кабинета, причем, точно знала, что он маленький. Всё та же внутренняя уверенность. Остановилась, даже хотела для разнообразия постучать, а не входить, выбив дверь ударом ноги, но остановилась, услышав жалобные голосок Эйволин:

– Скай, после возвращения, ты стал слишком ненасытен.

– Соскучился, – ответил Аквей, но мне показалось, что я

услышала нотку раздражения.

– Я тоже соскучилась, – жарко воскликнула Эйволин, – но я теперь так редко занимаюсь любимыми делами. Ты призывает меня столь часто, что я не успеваю вновь почувствовать желание. И ты стал такой... грубый. Порывистый. Я совсем не узнаю тебя.

– В этом ты не одинока, я тоже мало узнаю себя, – ровно ответил водник и повысил голос: – Что тебе надо?

– Мне? Скай!

Я усмехнулась, слушая лепет опешившей женщины, тут же распахнула дверь и с любопытством посмотрела на взлохмаченную и помятую Эйволин. Мелькнула мысль, что страсти Господина эта мышка не выдержала бы и одного раза, на этом интерес к беловолосой женщине я потеряла.

– Мне нужно поговорить с тобой, – вежливо произнесла я, теперь глядя только на Аквея.

– Эйви, выйди, – велел водник, тоже не сводя с меня взгляда.

– Скай...

– Эйви, – он наконец обернулся к Эйволин, – милая, я скоро подойду... если ты уже готова продолжить нашу беседу.

– Ох, – судорожно вздохнула женщина, прижав ладони к груди. – Пожалуй, проведу тетюшку.

Она бросила на меня взгляд украдкой и прошмыгнула мимо. У меня дико чесался язык съязвить что-нибудь этакое о

подслушанном, но многозначительный взгляд водника растрогал меня до глубины души, и я решила промолчать, чтобы не разругаться раньше времени. Тем более нам как раз предстоял милый скандалчик после моей самоотверженной затеи. Но мне было жизненно необходимо выяснить границы дозволенного, точнее, не наказуемого.

– Что ты хотела? – равнодушно спросил Аквей, как только его блеклая подружка помчалась прятаться от возросших appetитов любовника под юбкой какой-то тетушки. И снова у меня зачесался язык, но рука водника взметнулась вверх, и он предупреждающе произнес: – Лучше молчи.

Я закатила глаза. После скрестила руки на груди и криво ухмыльнулась.

– Ну? – с раздражением спросил Скайрен.

Я показала, что мои уста замкнуты на ключ. Теперь глаза закатил Аквей.

– Говори, что хотела и убирайся обратно во Тьму, – рявкнул он.

– Отпускаешь? – с надеждой спросила я.

– Нет.

– Все-таки ты и вправду странный, – вздохнула я, – сам не знаешь, чего хочешь. – После вскинула на него глаза и закончила, чувственно понизив голос: – Или знаешь? А, Скай?

Поджав губы, он ожег меня злым взглядом.

– Что ты хотела, Игнис?

– А если хотела? – я прошла к столу и забралась на сто-

лешницу. – Что если я кое-что знаю...

– Что? – водник вновь стал хмурым.

Я сочувственно вздохнула:

– Жалеешь, что притащил меня?

– Потерплю, – усмехнулся Скайрен и наконец повернул ко мне голову. Я заметила, как его взгляд скользнул по моей скуле, опустился до уголка губ, затем ниже на шею, остановился на впадинке между ключицами, и водник произнес неожиданно хрипло: – Это твоя кровь, Игнис. Твоя проклятая кровь. Эйви права, я стал похож на похотливое животное. Неутолимое желание...

– А может всё дело в том, с кем его утолять?

– Я не изменяю своей невесте, – отчеканил Аквей.

– А я своему Господину, – ответила я и вновь позволила голосу звучать мягко, словно ласкающий бархат. – Я никогда не знала иного мужчину, только он... Кроме одного случая. В бассейне, во сне. В той самой купальне, в которой провела первые день и первую ночь в твоём замке.

– Что?

Скайрен, смотревший на мои губы, пока я говорила, вскинул вверх глаза, и наши взгляды встретились.

– Я тоже видела этот сон, – ответила я. – Чувствовала твои ласки, сходила с ума от поцелуев, совсем как сегодня. И также ждала, когда...

– Хватит, – глухо оборвал меня водник. – Это был не сон?

Я пожала плечами и вновь поймала его взгляд:

– Или наше желание создало временную реальность, где мы...

– Хватит! – Аквей ударил ладонью по столу. – Чего ты добиваешься?

– Не могу забыть твой поцелуй, – и вот тут я была совершенно честна.

Завела руку за спину и вонзила ногти себе в ладонь, боли не было. Подумав о Эйволин, я сразу поняла, где находятся покои некой тетушки, и на спине мушки, ползущей в дальнем углу, разглядела белые крапинки. Пока дары были со мной. Нигде ни зудело, ни болело, и не жгло. Идем дальше.

Водник отвернулся от меня, сделал шаг к двери, но я соскочила со стола, опустила руку ему на плечо, но он скинул мою ладонь, распахнул дверь и указал мне:

– Пошла прочь.

Вот это было неприятно, но не смертельно. Я дошла до двери, но все-таки не пересекла порога, а остановилась напротив мужчины.

– Кстати, – начала я, словно ничего не произошло, – почему меня охраняет только змей?

– Тебе его мало? – не глядя на меня, спросил, Аквей.

– И всё же? – я оперлась ладонью в дверной косяк.

Водник проследил за моим движением, кривовато усмехнулся и с заметной неохотой ответил:

– Змей сожрал стражника. Заглотил всего разом. Еле уговорил его выплюнуть несчастного. С тех пор стража не вы-

держивает соседства с моим созданием.

– Он ведь сущность, – я пожала плечами. – Живая, хоть и из воды.

– Вот это-то и удивительно, – Скайрен посмотрел на меня, – ничего подобного я раньше делать не умел. Всегда был сильнейшим. Никто, кроме меня, не может обращаться в воду, но змей – это за пределами даже моих возможностей. Я потом снова пробовал, у меня ничего не вышло.

– Тогда ты был зол. Если захочешь, обращайся, я тебя снова чем-нибудь достану.

– Ты невероятно мила, – заметно расслабившись, хмыкнул водник.

Я сделала шаг к нему, решив, что можно возобновить прерванный опыт, приблизилась вплотную, но Аквей посторонился и негромко велел:

– Уходи.

Я скользнула взглядом по его губам, посмотрела в глаза и... послушно кивнула. Уже когда шла в сторону своей спальни, несколько раз ущипнула себя. Больно мне не было, а хотелось, чтобы очнуться. Меня выгнали, и я ушла?! Вот так просто? Послушно? Я?! С ума сойти! Я точно еще в бреду. Что за мягкость? Что за покладистость? У меня в голове теперь желе? «Отдает человечиной». Бр-р... Еще пару шагов, и я резко остановилась. Нет, не могу я так уйти. Развернулась...

– Вот это помнишь? – зло спросил Скайрен, вдруг оказав-

шийся позади меня. Сжал в кулаке мне волосы на затылке, оттянул назад голову и впился в губы.

Нет, это был совсем не тот поцелуй, полный желания и чувственности, и все-таки пол ушел у меня из-под ног. Вцепившись пальцами ему в плечи, я не удержала полустон-полувсхлип. Реальность поплыла, и то, что всё зашло дальше поцелуя, я поняла только тогда, когда Скайрен, подхватив меня под ягодицы, поднял вверх. Я с готовностью обхватила его бедра ногами и лишь коротко вскрикнула, когда он вдавил меня в холодную поверхность стены.

– Ненавижу тебя, – выдохнул он мне в губы. – Но хочу до одури.

Ответить я не смогла, потому что Аквей вновь целовал меня. Я откинула голову назад, и горячие влажные губы заскользили по моей шее, покрывая ее быстрыми смазанными поцелуями. Мой новый хрипловатый стон унесся к высокому потолку, а потом...

– Скай...

Дрожащий голосок прилетел откуда-то издалека и остался не услышан, Скайрен жадно целовал меня...

– Скай!

Он повернул голову, кажется, не сразу понял, что его невеста стоит недалеко от нас и смотрит, как ее жених собирается овладеть другой.

– Эйви, – все-таки отозвался водник. Мотнул головой, стремительно обернулся ко мне, и туман желания в его гла-

зах начал таять, оставляя осознание происходящего.

Я увидела изумление, недоверие, потрясение, гнев и отчаяние. Всё это так быстро пронеслось в синих глазах, что я только успела сильнее сжать руки вокруг его шеи:

– Только посмей бросить меня на пол, – зашипела я, глядя ему в глаза. – Если помнишь, я ушла. Ты догнал меня.

Не бросил, поставил на ноги почти аккуратно. После этого поправил свою одежду и ледяным тоном ответил:

– Больше не догоню.

– Я опять переезжаю?

– Да, – бросил он и поспешил за рыдающей Эйволин, умчавшейся прочь из покоев.

Бежит в сад, поняла я. Отлично, поисковый дар всё еще со мной. Неплохо. Я прошла мимо змея, он пополз за мной, как-то укоризненно булькая.

– Помолчал бы, – отмахнулась я. – Даже я стражников не жрала.

– Брль-буль, – весомо ответил змей.

– Ты прав, с голодухи какую только дрянь в рот не потащишь, – согласилась я и снова посмотрела на него. – И где все-таки моя Искра?

Змей философски промолчал. Я одарила его подозрительным взглядом, но на морде водяного создания царил невозмутимость. В спальню я его не пропустила, закрыв перед носом дверь. Сделала несколько шагов и обернулась на шум льющейся воды. Наглец просочился в щель под дверью

бесформенным потоком, вновь собрался в знакомую форму змея, и я поняла – хвастается.

– Ты научился менять форму по желанию, – с уверенностью произнесла я.

Змей качнул головой, свернулся в клубок и замер, прикрыв глаза. Уже хотела возмутиться и прогнать его, но промолчала, сообразив, что бедолаге просто скучно. Аквею не до своего создания. Он вечно занят: то решает, как спасти мир, то терзает страстью свою невесту. А змей, обнаруживший немалый аппетит и неприязнательность в еде, может, и рад бы ползать за создателем, но оставлен им охранять меня. И думаю, не просто так. Люди готовы меня порвать, особенно узнав, что опасная Игнис Сиел сейчас безобидней малого дитя. И пусть это временно, но свернуть мне шею могут в любую минуту, несмотря на запрет своего господина. Слишком сильны страх и ненависть, чтобы сдержаться, когда можно прослыть героем, раздавившим гадину. Однако Аквей, пусть и из собственных соображений, позаботился о моей безопасности, и теперь никто не осмелится сунуться ко мне. И это замечательно.

– Иди сюда, – велела я.

Змей открыл глаза и с готовностью приблизился. Что ж, охранник может стать защитником, а в ситуации, когда создатель мало заботится о своем создании, узник имеет возможность сделать врага союзником. Этим я и собиралась заняться.

– Тебе дали имя?

Змей печально булькнул. Впрочем, когда Аквею было заниматься созданной им тварью, он ублажал Эйволин. Неожиданно вспомнила, как она стонала, извиваясь на Скае, и ощутила жгучую неприязнь к бесцветной невесте своего похитителя. Настолько острую, что захотелось свернуть ее тонкую шейку.

– Этого еще не хватало, – проворчала я, машинально поглаживая гладкую голову нового приятеля. Всплеск эмоций был непонятен и неприемлем. Мое вечное равнодушие давало сбой за сбоем, это начинало напрягать. Затем опустила взгляд на водяное создание и тряхнула головой, отгоняя невероятно приятное видение, как я вырываю живое горячее сердце из груди светлой мямли. После этого вернулась к насущному: – Итак, имени у тебя нет. Но всё живое должно иметь имя. Оно определяет местоположение сущности в книге Судеб, и, стало быть, тебя нужно именовать. – Змей слушал меня, не спуская глаз с лица. – Нарекаю тебя именем Венн, что означает друг.

Тело змея вдруг сверкнуло бликом, таким же, какой я видела в глазах Аквея, и от хвоста потекла белесая муть. Венн взвился, завыл, словно ощутил боль, а затем упал к моим ногам, замер и слабо булькнул. Только бульк этот был похож на вздох. Я оглядела его и присвистнула. Венн больше не был прозрачным, муть затянула все его тело, более всего напоминая... кожу.

– Венн, кажется, ты обретаешь плоть, – задумчиво произнесла я. – Любопытно...

Любопытно, как я смогла дать толчок к новому обращению? Или виной всему снова стала наша странная связь с Аквеем? Заломило в висках. Слишком много вопросов, слишком мало на них ответов. От бесконечного «почему» голова шла кругом. И в это мгновение я ощутила дикую тоску по Вайторису, рядом с которым было всё просто и понятно. А что я не понимала, он объяснял, и вопросов не оставалось.

Теперь же отвечать было некому. Вряд ли Скайрен понимал больше моего, да и мало верилось, что он снизойдет до разговора со мной, особенно после того, как чуть не взял меня, забыв обо всем на свете. О том, что я пленник и враг, о невесте, о змее, торчавшем неподалеку, о том, что нас может застать тот, кто входит в покои хозяина замка. И самое поганое, что в этом мы были похожи. И, несмотря на то, что мной изначально двигал исследовательский интерес, ответное желание оказалось слишком сильным, чтобы назвать это потребностью изголодавшегося тела. Кажется, нам и вправду стоит держаться друг от друга подальше. По крайней мере, пока я не пойму, как разорвать связь, зародившуюся в тот момент, когда я опоила изможденного пленника вином со своей кровью. Уж лучше мне дождаться в тишине и покое, когда распустятся все цветы на моем теле, после этого сравнять замок Аквея с землей и вернуться к Господину, чтобы вновь всё стало простым и понятным.

– Бесконечный Хаос, – судорожно вздохнула я, вспоминая, с какой жадностью Скайрен ласкал меня всего несколько минут назад.

Вот теперь мне хотелось свернуть шею не только Эйволин, но и самому Аквею. Возможно, уничтожь я его, исчезнет и наша связь. Я освобожусь от проклятого притяжения, и Господин не узнает того, что я сотворила.

– Какая замечательная идея... Очень хорошая идея.

Венн поднял на меня взгляд, но я лишь улыбнулась ему, ощутив, как тело расслабляется. У меня появилась хоть какая-то определенность и цель. Я даже задумалась, как повернуть свою затею, но душевный подъем тут же сменился унынием. Если я смогу убить Аквея сейчас, то не продержусь и часа, как меня разорвут на части его люди. И далеко, опять же, не уйду, потому что даже не представляю, где нахожусь, и как далеко отсюда замок моего Господина. Нет, пока я вынуждена набраться терпения.

Вот только терпения не было. Меня распирало, и что именно, понять было сложно. Хотелось крушить, хотелось убивать, хотелось хоть как-то выплеснуть свою ярость... Или хотя бы понять ее причину. Бесило всё: от собственного бессилия, к которому я не привыкла, до мыслей о том, что сейчас где-то в неведомом мне саду водник утешает свою невесту.

– Стоп!

Я уселась прямо на пол, протянула руку и прижала голову

Венна к своим коленям. После прикрыла глаза и выдохнула. Ладонь скользила по макушке змея, и это нехитрое повторяющееся движение принесло некоторое успокоение. Мысли упорядочились, и я наконец смогла откинуть в сторону Аквея с его белесой Эйволин.

– Вайторис, – шепнула я. – Вайторис... Вайторис. Тридцать дней наказания. Цепь измененных событий...

Да! Всё верно! Нужно определить событий, произошедших после похищения... Нет, первое звено – день наказания. Причина наказания, если быть совсем точной. Итак. Я смешала вино со своей кровью – первое звено. Напоила пленника и связала себя с ним, не подозревая этого – второе звено. Наказание, лишение силы – третье. Похищение – четвертое. Одно событие цепляется за другое. Неразрывные кольца свершившегося. Изменить можно будущее, прошлое уже оставило след в книге Судеб.

– Стоп! – вновь оборвала я себя. Венн подняла на меня глаза, но я не обратила на него внимания.

Что меня дернуло? Где странность? Где то несоответствие, что не позволяет думать дальше? Мучительно поморщилась, потерла лоб и вскрикнула:

– Цепь предначертанных событий разорвана на изначальном витке...

Но первый виток, первое звено, от которого начал считать Господин, было после наказания. То есть начало цепи – наказание. Значит, я неверно поняла, и изначальный виток не то

мгновение, когда я разрежала вену ножом... Взгляд невольно остановился на руке, где был порез, но он затянулся и исчез сразу же после того, как капли крови упали в вино. Вновь скривилась и перестала об этом думать, возвращаясь к упорядочиванию сумбура, творившегося в голове и в жизни.

Значит, то, что изменило ход событий, случилось после наказания... или во время него. Что происходило в тот момент, когда Вайторис, едва не испепелил меня? И ответ пришел сам. Пленника вынули из оков, швырнули на тюфяк и ушли, решив, что он никуда не денется. Но он делся. «Как только они ушли, сел и осмотрел себя. Следы от ожогов исчезали на глазах. Попытался встать на ноги, и это вышло», – прозвучал в моей голове голос Ская. «Чем бы ты меня не опоила...». Моя кровь усилила пленника, исцелила... усилила, поэтому понадобился лишь толчок, чтобы родовая сила откликнулась в том месте, где молчит любая магия, кроме силы Господина. Дождь. Он стал тем последним толчком... И что же у нас выходит?

А выходит...

– Бесконечный Хаос! – воскликнула я, и змей дернулся, испуганный моим вскриком.

Выходит, что толчком к умножению и смещению Граней послужило усиление Аквея. То есть я своими руками изменила существующую реальность. Сделала то, чего не должно было произойти. Изменила предопределенность событий. Что видел Вайторис? Как в одной из своих забав я убиваю

пленника? Или же он просто должен был надоесть мне? Но от скуки и пресыщенности я решила сделать то, чего никогда не делала – поделиться своей кровью. Вайтор этого не предвидел, иначе не позволил бы мне посещать свою игрушку. Это было сиюминутное решение. Мое похищение стало всего лишь следствием, а не причиной. А значит, изменения ждут не только меня, но и весь мир, в котором мы живем, потому что меняется сама реальность. «Грани преумножились». Естественно...

– Вайтор меня убьет, – с кривой усмешкой сообщила я змею. – Удавит своими руками.

И это не преувеличение, потому что теперь и его судьба могла измениться. Контроль над существующей реальностью был утрачен.

– Может самой из окна выпрыгнуть? Это будет даже не так больно.

Венн смотрел на меня осмысленным взором, и я отметила, что и глаза его теперь немного изменились, в них появилась легкая голубизна. Белый змей с голубыми глазами. И длина такая, что смог проглотить взрослого мужчину. Забавную сущность сотворил Аквей.

– Ты – следствие изменившейся реальности, и своим рождением обязан мне, так-то, – сказала я и ткнула пальцем в округлый нос змея.

Он фыркнул и... чихнул.

– Очень хорошо, – усмехнулась я, вытирая лицо.

Неожиданный звук заставил нас с Венном одновременно обернуться в сторону купальни. Мы переглянулись со змеем, и я поднялась на ноги, чтобы посмотреть, что там шуршит, но вдруг замерла, вспоминая, чем закончилось для меня подобное любопытство еще в Черном замке. Однако Скайрен сказал, что он единственный мог обращаться водой... Впрочем, реальность меняется, и неизвестно, у кого и какой дар может проснуться теперь.

– Игнис, ты просто умница, – не без сарказма произнесла я. Затем указала на дверь купальни змею: – Проверь.

Венн величаво подполз к двери и остановился, не имея возможности открыть ее.

– Не притворяйся, – отмахнулась я. – Ты можешь пролезть и под дверью.

Он булькнул нечто невразумительное, но остался недвижим. Сердито сдвинув брови, я погрозила притворе пальцем и хотела сама открыть дверь, но сумасшедший змей вдруг угрожающе зашипел, не позволяя мне сделать это.

– Ополоумел? – возмутилась я, но попятилась. Кто его знает, что там за дверью? Возможно, Венн чувствует опасность...

Душераздирающий писк прервал мои мысли. Змей воровато оглянулся на купальню и усилил запугивающее давление. Только не вышло. Я уперла кулаки в бока и насмешливо взглянула на него.

– То есть ты еще и ревнивец.

Венн издал невнятный звук, и я отвела в сторону его голову, перешагнула тело и все-таки открыла дверь купальни. Искра стремительно выскочила оттуда, запищала и несколько раз наскочила на моего стража. Змей забулькал в ответ. И чем бы этот скандал закончился еще неизвестно, но я подхватила Искру на руки и укоризненно покачала головой:

– А врал, что ничего про нее знаешь. Лжец.

– Буль.

– Отстань, – отмахнулась я.

Змей заискивающе зашаркал хвостом по полу, но я сделала вид, что не замечаю его и уселась на кровать. Крыса, выпущенная мною из рук, забегала кругами по кровати, то заскакивая мне на колени и пища без умолку, то вновь начинала носиться, очень эмоционально что-то рассказывая мне. Венн терся головой о мои ноги, булькал и пытался поймать взгляд. Наконец Искра уgomонилась, придавленная моей ладонью к постели, пискнула в последний раз и затихла, а снова вернулась к своим размышлениям.

Так. Первое звено мы нащупали, идем дальше. А дальше похищение и плен. Потом сон... Что в нем было, кроме того, что он закончился лишением первого из даров? И я вновь замерла, зацепившись за окончание сна. Только уже не думала об объятьях водника. В голове звучал голос Вайториса: «Покажи мне». Он хотел увидеть, где я нахожусь, это понятно хотя бы уже потому, что я вернулась в купальню, где тогда сидела на цепи. Но этого Господину явно было мало. Наде-

ялся, что у меня перед глазами есть окно, и я могу показать ему то, что увижу из него?

Я резко поднялась на ноги, спугнув змея и встревожив Искру. Крыса, взбежав по моей руке, забралась на плечо и там замерла. Я направилась к окну, змей полз рядом, нарочито задевая мою ладонь.

– Подожди, – отмахнулась я. Мне уже было не до воспитательных мер. Весь мой интерес сосредоточился на оконном проеме.

Но каково же было мое разочарование, когда я увидела двор. Всего лишь замковый двор, и ничего, что могло быть дать зацепку. Но мой разум, вырвавшись из сумбура происходящего, начал размышлять и подкинул новую идею. Я должна выбраться отсюда и найти что-то более существенное, чем двор своего узилища. Подумала об Аквее и сразу поняла, что он далеко от своих покоев. Отлично. Больше никто не осмелится меня остановить. Даже Венн. Хотя бы потому, что он сущность, а любой сущностью можно управлять. И шантаж по-прежнему один из лучших рычагов давления на упрямцев.

Я отошла от окна и направилась к выходу из спальни. Искра сидела на моем плече, цепко держась коготками, змей полз по пятам, но выйти ему я не позволила, вновь захлопнув дверь перед его носом. И дело было не только в том, что я хотела, чтобы Венн поверил в то, что я продолжаю злиться на него за Искру, но и в том, что мне хотелось проверить,

сможет ли змей после нового изменения в облике также стать водой и выбраться из спальни.

Отойдя на несколько шагов, я остановилась, чтобы понаблюдать за действиями Венна. Поначалу он побился о дверь, немного повыл, давя на жалость. Но я чесала Искру за ушком и внимания на выходки змея не обращала. Потом за дверью всё стихло, а еще через мгновение послышался плеск воды. Удовлетворенно хмыкнув, я дождалась, пока хитрец соберется воедино, подмигнула ему и вновь направилась к выходу из покоев.

Недалеко до резных дверей из темного дерева Венн занервничал. Прополз вперед и, закрыв мне дорогу, виновато заглянул в глаза.

– Можешь больше не подходить ко мне, – ледяным тоном сказала я. – Пусть тебя развлекает твой хозяин. Для меня ты больше не друг.

Змей подполз ко мне, ткнулся носом в ладонь, но я отдернула ее. Сняла с плеча Искру и повернулась спиной к Венну, поглаживая крысу.

– Она пришла за мной. Защищала, оберегала, искала, добилась того, чтобы ее заметили. Искра мой настоящий друг, а ты лжец. Скользкий и холодный. Не хочу знать тебя. Впрочем, твой хозяин не слишком-то заботится о тебе. Значит, теперь ты останешься один. Ни я, ни Искра не будем замечать тебя.

Наше противостояние продолжалось еще некоторое вре-

мя, и змей отступил. Страх одиночества, как и шантаж, еще один рычаг давления. Для змея, который оказался не обласкан своим создателем, нелюбим окружающими и нашел лишь в моем лице того, кто готов уделять ему внимание, боязнь лишиться своего единственного друга стала последней каплей. Он отодвинулся с прохода, больше не мешая мне. Я вернула Искру на плечо и подошла к двери. Короткое мгновение боролась с неожиданной растерянностью, но отмахнулась от нее и решительно распахнула ее.

Стражники повернули головы и застыли с раскрытыми ртами, глядя расширившимися глазами на нашу маленькую процессию. Я вышла в коридор, гордо вздернув подбородок. На моем плече восседала крыса, за плечом возвышалась змеиная голова, остановить нас охотников не нашлось. Я прислушалась к себе и уверенно направилась в сторону лестницы, ведущей к переходу на крепостную стену. Выход из замка мне был не нужен. Только посмотреть окрестности.

Это была забавная прогулка. Во-первых, такой страх в человеческих глазах я давно не видела. Сейчас было отчаянно жаль, что я не могу уловить вкус эмоций, он был бы превосходен в своей густоте и насыщенности. Невольно облизнувшись, я сглотнула, вспоминая аромат чужих чувств. Пожилая женщина в богатых одеждах, шагнувшая из-за поворота мне навстречу, испуганно вскрикнула и отступила к стене, размазавшись по ней чернильным пятном. Аналогия была сильнее из-за ее темно-фиолетового платья. Она прикрыла

рот ладонью, и я заметила на среднем пальце большой тяжелый перстень с камнем того же фиолетового цвета. Украшение мне не понравилось. Не люблю массивных вещей. Глаза женщины показались мне чем-то знакомыми, но в сходстве я разобралась быстро. Она глядела на меня глазами Ская. Тетушка? Плевать. Я миновала ее, лишь скользнув взглядом по старухе, увешенной громоздкими драгоценностями.

Во-вторых, было приятно пройтись. Сидение в четырех стенах надоело до зубовного скрежета, пусть я и не помню два дня из пяти. Но, лишённая свободы передвижения, я изнывала от скуки, даже больше, чем в чертогах моего Господина. Да уж, получила приключение, хоть и не просила его. Ничего. Придет время, и всё вернется на круги своя. Возможно, еще можно остановить перемены. «Нет власти». Или сейчас даже смерть Аквея ничего не остановит? Вайторис могущественен, он может вернуть себе власть над событиями. Лишь бы не сильно мучил...

Я так задумалась, что не сразу ощутила перемены, когда вышла на стену. Здесь я вдохнула полной грудью прохладный влажный воздух и схватилась за кого-то, ощутив головокружение. Легкое, но этого хватило, чтобы пошатнуться. Сильные пальцы сжались на моем локте и гневный голос отчеканил:

– За какой Тьмой ты притащилась сюда, Игнис?

Порывисто развернувшись, я встретила взглядом со Скайреном Аквеем. Попыталась отдернуть руку, но хватка

оказалась слишком сильной. Искра пискнула и бросилась на моего тюремщика. Бросок... и крыса оказалась сжата во второй ладони водника.

– Ненадежная защита, – язвительно произнес Аквей и поднял руку, рассматривая трепыхающуюся крысу. Скривился: – Мерзость какая.

– Посимпатичней здешних обитателей, – с вызовом ответила я и вцепилась в руку водника, в которой была зажата Искра, прошипев: – Обидишь, отомщу.

– Угрожаешь? – насмешливо спросил Скай.

– Предупреждаю, – ответила я, глядя ему в глаза.

Бесконечный Хаос, не глаза, а два синих озера. Чистые, прозрачные, глубокие настолько, что голова кружится, когда пытаешься разглядеть дно. Синие озера вдруг потемнели, водник как-то рвано вздохнул и облизал губы. Невольно подалась к нему, и пальцы, сжимавшие мужское запястье, ослабли, скользнули на кулак, державший крысу. Хватка Аквея исчезла, и Искра, вывернувшись, упала на каменный выступ. Но это я отметила краем сознания, потому что в голове не осталось ни одной мысли, все они разлетелись куда-то, пока я всматривалась в глаза водника. Наши пальцы вдруг переплелись, и вторая ладонь Скай, державшая меня за локоть, оказалась на моей талии. И время растянулось, подобно густой карамели. В ней увязли все прочие звуки, кроме взволнованно участвовавшего дыхания мужчины и гулких ударов моего сердца, отдававшихся гулом в ушах.

– Скай, – выдохнула я.

– Что? – в его голосе появилась хрипотца, задевшая что-то потаенное во мне, и низ живота отозвался истомой...

– Что происходит? – спросила я полупшепотом.

– Не знаю, – ответил он, сильнее сжимая мою ладонь.

Его лицо оказалось совсем близко, и я ощутила, что прижата к телу водника.

– Это всё моя кровь, да?

– Да, – глухо ответил мужчина, уже почти касаясь моих губ своими губами.

– Других причин быть не может.

– Не может, – эхом откликнулся Аквей.

– С этим надо что-то делать.

– Да.

– Сейчас...

– Прямо сейчас...

– Скай...

– Игнис...

Я уже ощущала его дыхание, теплое, ласкающее кожу...

– Тьма! – неожиданно рявкнул Аквей и резко отпрянул, глядя куда-то себе под ноги.

Я опустила рассеянный взгляд. Моя крыса, затаившая обиду, дождалась, когда мужчина потеряет бдительность, и укусила его за ногу, повиснув на штанине. Скайрен топнул ногой, пытаясь скинуть Искру, но она уже сама спрыгнула и юркнула мне под подол, спрятавшись от гнева хозяина зам-

ка. Он вскинул на меня взгляд, и я увидела злость.

– Достала! – слово прозвучало хлестко, словно удар хлыста.

– Я... – в горле вдруг пересохло, и я так и не смогла договорить.

Аквей ожесточенно потер лицо ладонями, взлохматил себе волосы и велел:

– Убирайся.

– Куда? – растерянно спросила я.

Водник обернулся к змею, притихшему за нашими спинами.

– За какой Тьмой ты ее выпустил? – осекся и склонил голову к плечу: – Что с моим змеем?

– Взрослеет, – усмехнулась я, наконец придя в себя. Затем обошла Аквея и полуобернулась к нему: – Проводишь?

– Что?

– Доверишь одной пройти по твоему замку? – вот теперь нотка издевки все-таки проскользнула в голос.

– Нет, – рублено ответил водник. Он сжал мой локоть и потащил прочь со стены, выговаривая на ходу: – Мое терпение лопнуло, Игнис. Ты не ценишь ни удобств, ни доброты. Вытворяешь, что хочешь, рушишь всё, к чему прикоснешься. Осложняешь мне жизнь...

– Так верни меня назад и конец мучениям, – раздраженно сказала я. – Я не просила ни твоих удобств, ни доброты. У меня было всё, что мне нужно.

– Правда? – с откровенной издевкой произнес Аквей, стремительно вышагивая по коридорам собственного замка. – Всё-всё? Тогда за какой Тьмой ты вцепилась в меня клещом? Зачем тебе понадобилась живая игрушка? Тоска заела? Скучно сидеть у ног своего господина?

– Мне всего лишь нравился вкус твоих эмоций, – ответила я, едва успевая за ним. Я запыхалась и начинала откровенно злиться. А еще вдруг ощутила обиду. Меня можно было обвинить во многом, и это было бы правдой, но сейчас я кожей ощущала, что на мои плечи перекладывают собственную растерянность и бессилие перед происходящими переменами.

– Вкус эмоций? – водник неожиданно остановился, и я врезалась лбом ему в плечо. – Как так, Игнис? Ты жила рядом с Вечным, могущественным и великим. Его сущность – огонь, а тебе нужны были эмоции безымянного пленника? Я оказался вкусней твоего хозяина? Как такое возможно?

Я открыла рот, чтобы ответить, но вдруг с ужасом поняла, что у меня нет ответа. Наверное, всё дело в том, что Вайторис не часто делился своими чувствами, только на ложе, распалая меня до размеров пожара, а водник не мог защититься... Или дело в том, что мне просто нравилось приходить к нему и заставлять отдавать мне свои чувства до капли?

– Так в чем дело, Игнис? Твой господин оказался слишком пресным? Тьма! Любое блюдо приедается, если употреб-

лять его часто, но ты вновь и вновь приходила ко мне, зачем?

– Я... не знаю, – сипло ответила я, снова чувствуя слабость и головокружение. Низ живота заныл, отдаваясь болезненной истомой, и я сжала ноги, испытав резкий прилив возбуждения. А затем пришло легкое жжение. И догадка вырвалась стоном сквозь стиснутые зубы: – Цвето-ок.

– Что? – переспросил Скайрен. – Какой цветок?

– Пятый, – выдохнула я и первая устремилась назад к его покоям.

– Не понял, – мотнул головой Аквей. – Игнис!

Но я не слушала. Я спешила скрыться от чужих глаз, пока боль не скрутила меня на радость обитателям замка. Только боли не было. Было усиливающееся возбуждение, и жжение сейчас казалось, скорей, приятным, чем болезненным. Что за дар ко мне возвращается, я, кажется, уже догадывалась. Моя чувственность. Просто отлично! Именно ее мне и не хватало со всем этим притяжением к воднику. И когда Скайрен вновь отловил меня, сжав ладонями плечи, я прохрипела, борясь с искушением развернуться и впиться ему в губы:

– Отпусти. Убери руки.

– Что происходит, Игнис? – не внял мне водник. – Я хочу знать.

– Не отпустишь, узнаешь, – нервно усмехнулась я. – И, боюсь, тебе это понравится. Тогда твоя блеклая Эйволин может вырвать себе волосы, но ты вряд ли сохранишь ей верность.

– Не смей... – заносчиво начал Аквей и вдруг резко от-

ступил назад, шумно втянув носом воздух. Затем отступил еще дальше, также шумно выдохнул и глухо произнес: – Я думал, что перестал остро чувствовать запахи.

– Я потом разберусь в том, что ты говоришь, – буркнула я, – а сейчас мне надо... спешить.

И помчалась вперед, безошибочно угадывая направление к покоем водника. Змей бесшумно полз за мной, шагов Аквея я не слышала. Кажется, он решил благоразумно переждать бурю, если, конечно, понял, что она уже близко. А она была невероятно близко. Вожделение перерастало в откровенную похоть, и теперь я боялась не боли, а накинуться на первую попавшуюся мужскую особь.

– Не подпускай меня ни к кому, – велела я змею. – И если буду угрожать, не слушай.

Венн пробурчал что-то по-своему, но я не вслушивалась. Шаги мои всё больше замедлялись, дыхание хриплыми судорожными толчками вырывалось из горла. Горячая волна прошла по телу, и меня откинуло на стену, ожегшую холодом камня. Я прижалась к ней всем телом, прильнула щекой, надеясь хоть немного охладиться. Приближающиеся шаги слышала сквозь собственное тяжелое дыхание, развернулась и уставилась на водника, застывшего в нескольких шагах от меня. Уперлась затылком в стену и криво усмехнулась:

– Зря догнал.

– Тебе подготовили другие комнаты, – ответил он, настороженно следя за мной.

– Твои ближе.

– Нет, – Аквей мотнул головой. – Туда ты не пойдешь.

– Исчезни, – посоветовала я, пропустив его слова мимо ушей. – Лучше исчезни, Скай.

– Ты мне приказываешь? – изумился водник.

– Стараюсь не разрушить то, что ты готов разрушить сам, – ответила я и отлепилась от стены. – Исчезни, Скай, исчезни.

И снова устремилась в сторону его покоев.

– Игнис, стой! – голос Аквея прогремел под сводами его замка. – Не смей входить туда!

Я остановилась и, развернувшись в его сторону, оглядела мужчину голодным взглядом. Великая Тьма, до чего же он... хорош. Сделала шаг в его сторону, и Аквей наконец, осознал чем может закончиться очередное противостояние.

– Делай, что хочешь... пока, – махнул он рукой. – Только я первым зайду в покои, там Эйволин. Я обещал...

Он оборвал сам себя, стремительно обошел меня по широкой дуге, кажется, даже затаив дыхание, и также стремительно умчался вперед. Я ослабилась, вдруг ощутив себя охотником, загоняющим дичь, хмыкнула и тут же мучительно застонала, борясь с очередным витком возбуждения. После собрала волю в кулак и продолжила свое бегство, мечтая о холодной воде и одиночестве, чтобы возвращение дара прошло незамеченным.

Но так и не дошла. Вновь привалилась к стене, а потом

опять услышала приближающиеся шаги. Это был незнакомец. Высокий, худощавый, синеглазый и светловолосый, как все водники. Не могу сказать, был ли он привлекателен, мой взгляд как-то миновал лицо, оценив статью и фигуру, красноречиво остановился на мужском пахе, и я облизала пересохшие губы.

Он остановился, глядя на меня немного ошеломленным взглядом. Понимаю, неожиданная встреча. Я подняла руку и поманила к себе незнакомца. Он несколько мгновений колебался, но после все-таки приблизился, коротко склонил голову и произнес:

– Мое имя...

– Плевать на твое имя, – прохрипела я, ухватила его за грудки, дернула на себя и, обняв одной рукой за шею, а второй надавив на затылок, со стоном впилась в губы.

Мужчина опешил, но в замешательстве находился недолго. Одна его ладонь уперлась в стену рядом с моей головой, вторая легла на талию, но долго там не задержалась – скользнула ниже, я не возражала.

– Что бы это значило? – чуть насмешливо спросил он, отрываясь от моих губ.

– Не то, что ты возомнил, – неожиданно громыхнул голос Аквея за спиной незнакомца.

Он легко оторвал от меня второго водника и оттолкнул в сторону. Затем перевел на меня взгляд полный ярости:

– За какой Тьмой ты творишь? – гневно спросил он.

– Скай, если дама хочет... – донесся до меня насмешливый голос незнакомца.

– Дама не в себе, – ледяным тоном ответил Аквей. – Кажется, тебе было чем заняться?

Мой водник на мгновение обернулся к незнакомцу, и тот, склонив голову, быстро удалился.

– Ска-ай, – его имя сорвалось новым стоном с моих губ. – Не могу...

Больше не говоря ни слова, водник поднял меня на руки и понес к своим покоям. Я обернулась назад. Венн тряхнул головой и пополз за нами.

– Ты смотрел глазами змея, – поняла я.

– Смотрел, – буркнул Скайрен.

– Тогда понятно, – ответила я своим мыслям.

– Что тебе понятно?

– Ты отвлек его, Венн не должен был подпустить...

– Венн? Ты дала ему имя?

– Но ты ведь не удосужился... Скай...

Закончить я не успела. Стража распахнула перед ним дверь, и мы оказались в покоях. И первая, кого я увидела, была Эйволин. Она была бледней, чем тогда, когда я видела ее в первый раз. Губы водницы поджались в тонкую линию, кулаки сжались, и в глазах застыла такая ненависть, что если бы это был нож, то меня бы уже нашинковало на мелкие части.

– Скай, – дрожащим голосом начала Эйволин, – почему

ты ее...

– Эйви, не сейчас, – раздраженно ответил водник и стремительно прошел к выделенной мне спальне. Открыл дверь ногой, прошел спальню насквозь, остановился у бассейна и сердито произнес: – Охладись.

И я полетела в воду. Она оказалась ледяной, но вместо того, чтобы остудить, контраст между жаром внутри и холодом снаружи взвинтил мое желание настолько, что я едва не захлебнулась, когда меня сбilo с ног. Но выручил меня всё тот же водник. Он прыгнул следом в бассейн, ухватил меня за шиворот и вытянул на поверхность.

– Да что с тобой?! – воскликнул он.

Мокрая ткань раздражала, мешала, давила на кожу, и я потянула ее с плеч вниз. Скай понаблюдал за мной, после выругался и забрался на бортик, сохраняя между нами расстояние. Я не смотрела на него. Холодная вода, наконец, немного остудила мой жар, и я хотела увидеть цветок. Справилась с одеждой, но водная рябь мешала рассмотреть бутон, проступивший внизу живота. Я вылезла из бассейна, наплевав на свою наготу, и взглянула на распускающуюся чашечку.

– Что это? – негромко спросил Аквей, подходя ближе.

Подняв на него взгляд, я закусила губу и мотнула головой, так и не ответив.

– Он... живой?

– Да, – прошептала я.

Рука водника протянулась ко мне, но, кажется, он это да-

же не осознал, замороженный распускающимися лепестками. Кончик пальца обрисовал цветок по контуру, так и не задев его, и я охнула от захлестнувшей меня волны наслаждения от одного-единственного касания.

– Игнис... – наши взгляды встретились, и меня снова потащило на самое дно потемневших глаз водника.

– Скай! Ты обещал, Скай! – высокий голос с визгливой ноткой полоснул острым ножом по слуху. Я и Аквей одновременно поморщились. – Скай, почему эта дрянь голая?!

– Тьма, – выдохнул сквозь зубы водник. – Как же всё не вовремя. – И, мазнув последний раз взглядом по цветку, развернулся к невесте. – Эйви, успокойся. Ничего такого, что ты себе вообразила...

– Я не слепая, Скай, – в ее голосе слышались слезы, и Эйволин вновь бросилась в бег.

– Тебя переведут... когда будешь готова, – буркнул Аквей и сорвался снова догонять свою невесту.

Проводив его взглядом, я вернулась в воду. Закрyla глаза и постаралась ни о чем не думать. Стоило цветку распуститься, и мое желание пошло на убыль. Все-таки Вайторис ко всему подходит с фантазией... будь она не ладна. Ладно, со мной моя чувственность, надеюсь, завтра появится что-то более необходимое мне сейчас. Я открыла глаза и посмотрела на бортик. Искра деловито терла мордочку, Венн застыл, не сводя с меня взгляда. Кажется, он вновь не принадлежал себе...

Глава 4. День шестой

Черный замок встретил меня уже привычным пожарищем. Сегодня огонь не бросался на меня и не ластился. Пламя разошлось, пропуская меня внутрь, и тут же вновь сомкнулось, захлопнув ловушку. Невольно усмехнулась пришедшему в голову сравнению. Ловушка... Да, пожалуй. Силок, который Вайторис накинул мне на шею в тот день, когда нашел в развалинах дома...

Я остановилась, впервые задумываясь над тем, что же случилось в тот день? Кем были мои родители? Почему они погибли, и почему Вечный пожалел меня? Чем я привлекла его внимание?

– И снова рой вопросов.

Я подняла голову и встретила взглядом с Вечным. Вайторис вышел во двор замка встретить меня.

– Что с тобой происходит? – спросил Господин, привлекая меня к себе.

Закусила губу, не зная, что ответить. О воднике старалась не думать, понимая, что Вайтор легко уловит мои мысли. Вместо этого вспомнила Искру. Вспомнила темницу и слуг, и то, как крыса отомстила за меня.

– Забавно, – усмехнулся Господин. – У тебя появился друг.

– Она сама привязалась ко мне, – я пожала плечами.

– Ты помнишь, кому ты принадлежишь?

– Да, господин, – покорно ответила я и опустилась перед ним на колени. – Моя душа и мое тело принадлежат тебе, Вайторис.

– Рад, что ты всё еще не забыла об этом, – ладонь моего хозяина и любовника легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, но вдруг сжались в кулак, и Вайтор рывком оттянул мою голову назад. – Ты позволила себе чувствовать, Игнис. Недопустимо. Мне не нравятся перемены, которые происходят с тобой. Мне не нравится, что ты прячешь от меня свои мысли. Что ты скрываешь?

– Я не смею что-то скрывать от моего Господина, – ответила я, пытаюсь не кривиться от боли, которую причиняла мне ладонь Вайтора.

– И лгать ты тоже не смеешь, но лжешь.

Он оттолкнул меня, отвернулся и сделал пару шагов прочь. Я следила за ним исподлобья. Как всегда прекрасен. Безукоризненно прекрасен. Белоснежная рубаха обтягивает широкие плечи, черные штаны подчеркивают узкие бедра. Длинные, мускулистые, стройные ноги обуты в сапоги из мягкой кожи. По голенищу змеится орнамент – языки пламени. Почти как настоящие, их вышивали лучшие мастера, никакой магии. Подняла взгляд выше. Сегодня огненно-красные волосы Вечного были собраны в хвост, и он струился между лопаток раскаленной лавой, отражавшей отсветы бушующего пламени.

– Тебя обижают?

– Нет, – ответив, я осмелилась подняться на ноги без дозволения и подойти ближе.

Вайторис, конечно же, слышал мои шаги. Он не обернулся, но и не остановил, не отогнал. Я несмело прижала ладони к спине Господина, замерла, ожидая, что он скажет, но Вайторис вновь промолчал, и я решилась обнять его. Прижалась щекой к спине, накрыла ладонями плоский живот Вечного и выдохнула с удовлетворением. Вот так было правильно, именно так, а не...

– Как? – услышала негромкий вопрос Вайтора. – Как неправильно?

– Только так правильно, Господин, – ответила я, на мгновение вспомнив глаза-озера.

Он стремительно развернулся, сжал мои плечи и испытующе заглянул в глаза:

– Это Аквей, верно? Игнис!

– Никто не сравнится с моим Господином, – прошептала я.

– Ты позволила ему осквернить свое тело? Отвечай!

– Нет, – я мотнула головой. – Аквей любит свою невесту, он верен ей. А я верна моему господину. Мое тело –местилище его страсти. Только его ласки услаждают меня. Нет никого, кто бы мог сравниться...

– Хватит! – неожиданно заорал Вайторис и с силой оттолкнул меня.

Я отлетела от него, напоролась спиной на каменную стену одной из построек, покрытой копотью. Удар вышиб воздух из моих легких, тело отозвалось болью, из глаз посыпались искры, готовые поспорить яркостью с пламенем Господина, и я, вскрикнув, упала на землю. Языки огня бросились ко мне, закружились, словно стайка причитающих нянек. Заскользили по телу, гладили, ласкали, успокаивали. И разлетелись по сторонам, как только Вайторис подошел ко мне. Он остановился рядом, глядя сверху вниз пустым взглядом бездушной бездны, затем опустился на одно колено и провел тыльной стороной ладони по моей щеке.

– Я создал это лицо, – сказал он. – Я подарил тебе это тело. Совершенная красота, гармония в каждой черте, безупречность в каждом движении. Я сотворил тебя. В тебе мое пламя, моя кровь и часть меня самого. От прежней тебя не осталось ничего. Всё, что зовется Игнис Сиел, принадлежит мне и только мне. Не смей забывать об этом, Игнис.

– Я помню, Вайторис, – сипло ответила я, преодолевая боль. – Ты оказал мне честь, обратив на меня свой взор. Ты подарил мне жизнь и позволил быть рядом. Ты и только ты владеешь моим телом и моей душой. Только ты решаешь жить мне или умереть. Ты мой создатель и господин.

– Повторяй это каждый день, пока я ни приду и ни забережу тебя в свой замок, – холодно велел Вечный. – И когда ты займешь положенное тебе место, мы исправим все ошибки, свершенные за время нашей разлуки. Ты вновь станешь той,

кем была. И в этот раз я не оставлю тебе ничего человеческого. Не для того я столетия создавал подобие себя, чтобы лишиться в одно мгновение.

И я неожиданно поняла – у меня никогда не было выбора, лишь его видимость. И в тот день, когда стояла перед Гранями, я всего лишь прошла одно из испытаний моей преданности. Он не отпустил бы меня...

– Отпустил бы, – ответил Вечный.

– И я бы сама вскоре попросилась назад, да?

– Да.

– Зачем ты создал меня?

Вайторис промолчал. Он осторожно приподнял меня и накрыл ладонью затылок.

– Прости меня, Игнис, – сказал Господин, рассматривая ладонь, которую только что прижимал к моей голове, ладонь была в крови. – Я не хотел причинять тебе боль, но твоя ложь разозлила меня.

Боль оставляла меня медленно и неохотно. Она цеплялась когтями, пыталась держаться клыками, вгрызаясь в плоть, но отступала, покорная воле моего Господина. Я шумно выдохнула и прижалась лбом к плечу Вайториса. Кости вставляли на место, срастались, исчезали трещины, полученные от удара. Не думала, что в этом месте всё может быть настолько реальным.

– Реальность – это то, во что ты веришь, Игнис. – Он обнял меня за плечи, и я ощутила легкий поцелуй в макушку.

Вскинула голову и встретила с Вечным взглядом.

– Почему у меня никогда не было друзей? – вопрос стал неожиданным даже для меня самой. Никогда не страдала из-за того, что у меня был лишь мой Хозяин, но почему-то сейчас меня это взволновало.

– Зачем тебе друзья? – Господин сдул прядку волос с моего лба. – У тебя есть я, этого достаточно.

– А питомца? Почему у меня никогда не было питомца?

– Ты не можешь делить себя между мной и кем-то еще. Питомец – это привязанность. Вся твоя привязанность принадлежит мне одному.

Я опустила голову, закусил губу, пытаюсь удержать рвущиеся с языка слова, но все-таки решилась и выпалила:

– Зачем тебе другие любовницы? Почему ты делишь себя между всеми нами? Разве я так плоха на ложе, что ты ищешь утешения в чужих объятьях?

Вайторис вдруг улыбнулся и мягко сжал пальцами мой подбородок.

– Плоха? – переспросил он. – Ты лучшая во всем, мое пламя. Ты первая среди всех, кто мне служит. Разве я не доказал тебе этого? Кто, кроме тебя, вхож в мои покои? Кто делит со мной ложе еженощно? С того дня, как твое девство окрасило кровью простынь, ты уже не покидаешь моей постели. Ты – мой глас в человеческих землях. Ты – мой карающий клинок, ты – моя воля, мой гнев, моя пощада и возмездие. Ты стоишь над всеми. Первая и единственная. Разве же мало

тебе всего этого?

– Первая, но не единственная, – невесело усмехнувшись, я мотнула головой и освободилась от хватки Вайториса. После поднялась в полный рост, и теперь я смотрела сверху вниз. – Первая, но одна из многих. Подле тебя, но в твоей тени.

На дне бездны затеплился первый огонек. Пугающий знак, но я отмахнулась от него, неожиданно вспомнив, кем он был для меня когда-то. Моя первая любовь, робкая, но всепоглощающая. Я готова была на всё, чтобы заслужить его похвалу и улыбку, редко касавшуюся глаз. Пятьдесят лет щепанчье преданности и безнадежной любви.

Он всегда держал меня обособленно от всех. Покои рядом с его покоями, совместные трапезы, редкие прогулки, вечерние посиделки и долгие беседы, когда мой Господин открывал передо мной свой мир. Его ласкающие прикосновения, больше напоминавшие отцовские. Погладил по волосам, поддел пальцем кончик носа. Журил за ошибки, хвалил за победы, воспитывал, приручал, учил повиновению, жестко гася мои вспышки еще не угасших чувств и эмоций. И наказания тогда были мягкими. Лишил вечерней беседы, запретил покидать свою комнату, завтрак в одиночестве. Но этого хватало для того, чтобы я «виляла хвостом» при следующей встрече, стремясь загладить вину и вернуть себе его внимание.

А потом была *та* ночь, когда я впервые познала своего единственного мужчину – моего Господина. О-о, в ту ночь он

был нежен со мной. Никакой огненной страсти. Каждое касание, как ласковое дуновение летнего ветерка, каждый поцелуй, как вкуснейшая сладость. Неспешно, со вкусом и удовольствием он будил мою чувственность. Изводил ласками, заставлял парить над землей, стонать до изнеможения, бесконечно произнося его имя. И лишь насытившись моим наслаждением, он позволил мне ощутить на себе тяжесть его тела. А когда возбужденная плоть Вайториса уничтожила то, что еще оставалось у меня от прежней человеческой жизни, я окончательно растворилась в своем Хозяине.

Но прошло еще немного времени, и я увидела... Мой обожаемый Вайтор совокуплялся с какой-то рыжеволосой бабой на полу в тронном зале, куда я вбежала, чтобы рассказать о своем очередном успехе. Она стояла на четвереньках, подвывая от наслаждения, а Вечный ожесточенно вбивался в нее. Я потрясенно смотрела на груди рыжей, содрогавшиеся от каждого нового резкого толчка, и почему-то именно эти груди ярче всего запомнились мне после всех событий того дня. Даже приказ Господина, отданный ледяным тоном:

– Игнис, уйди, – так не потряс меня, как два подрагивающих мешочка плоти, увенчанные ровозыми ареолами.

Осознание, что я всего лишь одна из многих, стало самым сильным потрясением тех лет, и первым шагом к новой Игнис. Он лепил меня так, как считал нужным, и я, пережив и привыкнув, перестала обращать внимание на любовниц Вайториса. Мне стало на них попросту наплевать.

– Потому что ты другая. Ты не такая, как все, мое пламя. Я вскинула взгляд на Вайториса.

– Но зачем они тебе?

– А зачем тебе понадобился этот водник? Зачем были нужны другие твои игрушки? – с едва уловимой насмешкой спросил меня Вечный. – У каждого свои забавы и развлечения, так? Ты пьешь вкус чужих страданий, а я...

– А ты наслаждение, – осознала я.

Ну, конечно! Если он помог пробудиться скрытому в крови, а во мне его кровь, то...

– Я обладаю тем же, чем и ты, Игнис.

Странно, почему за несколько столетий я ни разу не думала об этом? Почему всегда воспринимала, как должное?

– Потому что тебе не нужно было думать об этом. Для тебя это и было должным. Твой привычный уклад, устоявшийся мир. Уютная скорлупа, из которой не приходилось высовывать нос. И за то, что этот мир дал трещину, я тоже накажу Аквея. Я признал его виновным и приговорил к смерти. Но теперь я не доверю этого никому. Скайрен Аквей мой личный должник.

– Скай...

– Скай?

Я поперхнулась, сообразив, что назвала Аквея по имени... не просто по имени!

– С-с-кай?!

Он в одно мгновение оказался рядом, и огонь взревел с

необузданной силой. Бездна в глазах Вечного окончательно заполнилась пламенем, черты лица стали жестче. На меня смотрел оскалившийся хищник, вселявший в душу животный ужас своей яростью. Великая Тьма! Таким взбешенным он не был даже после того, как застал меня едва ли не на воднике.

Я упала на колени, сорвала с плеч платье, оголяя спину, перекинула волосы вперед и накрыла голову руками, бесконечно повторяя:

– Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого...

– И пора об это вспомнить, – глухо произнес Вайторис.

Я ожидала боли, ожидала, что по моей спине пройдет огненная плеть, пропорет плоть до самой кости, и оставит ожоги, чтобы стать напоминанием моей вины, но... Ладони Господина легли мне на спину, и я поняла, что он стоит на коленях за моей спиной. Он подтолкнул меня, вынуждая опуститься на четвереньки. Я с готовностью уперлась ладонями в каменные плиты двора, закрыла глаза и облизала губы, ощущая предвкушение скорого проникновения. Вайторис одним рывком разорвал платье, и оно опала по обе стороны от меня, словно распластанные крылья.

Мужские ладони сжали мои ягодицы, почти причинив боль, затем нежно огладили, и правую ягодицу обожгла боль

от удара. Только вместо страха перед наказанием, я почувствовала острый прилив возбуждения. Охнула, подалась вперед, и тут же пальцы Вайториса впились мне в бедра, возвращая на прежнее место. Ладонь снова огладила ягодицу и скользнула ниже. И когда я протяжно застонала в преддверии подступающего наслаждения, удар по левой ягодице ослепил, заставил взвиться, но Вайторис вновь удержал и одним мощным толчком заполнил меня.

– Вайтор! – взвыла я, когда тело содрогнулось от острого удовольствия.

Он сжал в ладони мои волосы, намотал концы на кулак, вынудив прогнуться так глубоко, что мне казалось – позвоночник вот-вот сломается пополам, и продолжил вколачиваться в мое тело. Перед глазами вновь встало давно забытое видение рыжей и ее груди. Болезненность воспоминания уняло огонь в крови, и теперь я просто ждала, когда мой любовник придет к своему финалу.

– Ну уж нет, – рявкнул Вайторис. – Мы всегда это делали вместе.

Он покинул мое тело, перевернул на спину и окончательно отшвырнул тряпье, бывшее еще недавно платьем. Наши взгляды встретились, и я задохнулась, когда увидела, что пламя из глаз Вечного исчезло, и теперь его вновь сменила голодная бездна.

– Вайт...

Господин накрыл мои губы своими, не позволив догово-

ритель. Раздвинув мне ноги коленом, он придавил своим телом.

– Ты была с ним? – хрипло спросил Вайтор, оторвавшись от моих губ.

– Нет, – простонала я, закинув руки за голову.

Вечный приподнялся надо мной и отрывисто велел:

– Смотри на меня.

Я послушно распахнула глаза.

– Он привлекает тебя? – спросил он и снова толкнулся в меня.

– Никто... не сравнится... с мои...м... гос... госпо...дином, – задыхаясь, ответила я.

– Он привлекает тебя! – новый толчок.

– Нет никого лучше тебя, – тяжело сглотнув, произнесла я.

– Ты хочешь его? – толчок.

– Лишь господин делает меня счастливой, – простонала я, впившись ногтями в плечи Вайториса.

– Мечтаешь о нем? – толчок.

– Только... с Господином я познала... наслаждение...

– А он? Он ведь жаждет тебя?

– Мой господин – мой мир...

– Ты не посмеешь отдать ему свое тело!

– Мое тело... принадлежит моему... господину...

– Непустишь в душу!

– Моя душа принадлежит господину...

– Ты только для меня!

– Я... только.. для тебя...

– Только моя!

– Твоя-а-а! – срывающийся шепот перешел в крик, и я выгнулась всем телом, стораая в ослепляющем вполыхе.

– Да-а! – торжествующий мужской стон перекрыл рев пламени, обступившего нас со всех сторон. – Так было всегда, и так будет вечно...

Вайторис тяжело навис надо мной. После судорожно вздохнул и опустился рядом, прижал меня к своему боку и прикрыл глаза. Но уже через пару коротких мгновений велел:

– Покажи мне.

Я распахнула глаза, изумленно взглянула на него, но Вайтор повторил:

– Покажи, – он сильнее прижал меня к себе. – Не вздумай перейти. Просто покажи. В глаза...

Послушно посмотрела ему в глаза, стараясь вспомнить, что я успела рассмотреть, когда вышла на крепостную стену.

– Не мешай, – отмахнулся Господин. – Я сам всё увижу.

И я испугалась, что он увидит больше, чем мне хотелось бы. Я точно помнила, что успела увидеть горы, покрытые зеленью. И воздух был влажным. Спешно представила себе озеро...

– Водопад, – оборвал мои мысли Вайторис. – Там есть водопад. Найду. О том, что ты прячешь от меня, мы поговорим

при нашей встрече.

Он порывисто прижался к моим губам и... Я села на узкой кровати в своем очередном новом жилище и тупо уставилась на разорванное, немного обгорелое платье, валявшееся на полу. Тело отозвалось приятной истомой, и на губах осталась легкая боль от укуса Вайториса, как напоминание и обещание скорой встречи...

– Бесконечный Хаос, – пробормотала я и почесала в макушке, не отводя взгляда от платья, – это что-то новенькое.

«Реальность – то, во что ты веришь», – тут же прозвучал в голове голос Вайториса. А я поверила, еще как поверила! Затем мотнула головой и постаралась сосредоточиться на нашем разговоре, избегая воспоминаний о том, что произошло на каменных плитах замкового двора, среди беснующегося огня...

Но подумать я толком не успела, потому что услышала стремительный грохот шагов по металлической лестнице, ведущей в уединенный закуток, куда меня переселили сразу, как только я отошла от пробуждения дара чувственности. Дверь, запертая водником, распахнулась, и мой похититель и головная боль последних нескольких дней ворвался в более чем скромное жилище, свернув с петель деревянную створу.

– Что ты себе позволяешь?! – рявкнул Аквей, глядя на меня сверкающим негодованием взором.

– Что я себе позволяю? – опешила я. Да что там опешила! Я сидела с открытым ртом и взираала на полоумного водника

выращенными глазами.

Его дикий взгляд заметался по комнате, остановился на разорванном платье, и мне показалось, что из раздувающихся ноздрей Аквея сейчас повалит пар. Признаться... стало не по себе. Не так сильно, как недавно, когда я наблюдала ярость Вайториса, но Скай, если честно, впечатлил тоже.

– Кто. Здесь. Был? – ледяным тоном спросил он, нарочито разделяя слова.

– Э-э-э... – протянула я и... снова почесала в макушке. Оторопь моя возрастала до поистине гигантских размеров.

Водник поднял останки несчастного платья и запустил ими в меня, гаркнув:

– Отвечай!

– А-а-а... ох, – вздохнула я, так и не найдя, что ответить. А от следующей фразы хозяина замка я и вовсе готова была свалиться с кровати на пол:

– Кому ты позволила прийти сюда? Кто прикасался к тебе?

– Что?! – этот вопрос мы произнесли одновременно и с одинаковой интонацией.

Ярость водника вдруг сменилась изумлением, едва ли не большим, чем у меня. Мы какое-то время помолчали, буравя друг друга воинственными взглядами, а затем Скайрен также стремительно покинул мою комнату. Я похлопала ресницами, ущипнула себя и зашипела. Чувственность уравновесила нечувствительность к боли, как и должно быть, и те-

перь мое восприятие стало почти обычным, если не считать, что я вновь могла ощущать прикосновения и ласки намного острее и ярче.

Но и о визите водника я вновь не успела додумать, потому что опять раздались шаги, уже неспешные, даже чересчур медленные, и в перекосившуюся дверь протиснулся нарушитель моего спокойствия. Он прошел до низкого деревянного кресла и, усевшись в него, упер локти в разведенные колени и опустил подбородок на сжатые кулаки. На меня не смотрел, но я и так видела, что Скай растерян и мрачен. Похоже, собственное поведение поставило мужчину в тупик.

– Меня выматывает происходящее, – как-то устало заговорил он, потерев пальцами переносицу.

А я наконец обратила внимание на то, как водник выглядит. На нем были надеты штаны, и, кажется, надеты наспех, потому что поясной ремень, болтался не застегнутым. Рубаха на выпуск, голенище одного сапога приспущено. Перевернула взгляд выше и невольно хмыкнула. Волосы Аквея были взлохмачены, похоже, еще со сна. То есть он вскочил, наскоро оделся и кинулся сюда, чтобы... Чтобы закатить мне сцену ревности? Великая Тьма!

– Всё изменилось, – продолжал Скайрен. – Всё. И не только родовая сила. Мое восприятие... Мысли. Мои потребности. Тьма, я даже не уверен, что люблю Эйви так же сильно, как раньше. Она мне кажется иной, словно я смотрю на нее теперь совсем другими глазами.

– Разочарован?

Он повернул голову в мою сторону и неопределенно пожал плечами.

– Скорей, удивлен и раздосадован. Но понимаю, что это всё из-за того, что ты опоила меня. Эйволин милая чистая девушка. Наивная и...

– Безыскусная, пустая, глупая? – подсказала я, не став скрывать иронию.

– Что ты знаешь о ней, чтобы судить, Игнис? – раздраженно спросил Скай.

Теперь я пожалала плечами.

– Ничего не знаю. Но мне четыреста тридцать пять лет, и я хотя бы немного научилась разбираться в людях...

– Сколько? – потрясенно спросил Аквей.

– Вечно молода, Скай, – искренне рассмеялась я, глядя на округлившиеся глаза водника.

Он еще некоторое время смотрел на меня и вдруг рассмеялся в ответ, а я с удивлением слушала заразительный мужской смех, и на губах моих блуждала улыбка, очень надеюсь, что не слишком глупая. Тьма! Да что со мной происходит?!

– Так ты – древность, Игнис! – воскликнул Скай.

– Но-но! – я сбросила зарождающееся раздражение и погрозила ему пальцем. – Однажды я вернусь, и ты сильно пожалеешь о своих словах.

Водник оборвал смех и отвернулся. Я видела, как поджались его губы, но что-либо отвечать Аквей не спешил, и то-

гда спросить решила сама.

– Скай, – позвала я и замолчала, смакуя его имя на языке.

– Что? – бесцветно спросил водник, не оборачиваясь.

– Почему ты примчался? По всему видно, что ты вскочил с постели и, наскоро одевшись, побежал сюда. Что произошло?

– Хотел бы я и сам это знать, – усмехнулся мужчина и все-таки вновь посмотрел на меня. Затем с явной неохотой продолжил: – Не знаю, правда. Вдруг появилась уверенность, что ты с кем-то, ну, – он замялся, – ты понимаешь, что я хочу сказать. Теперь пытаюсь понять, почему меня это так... взбесило. Глупость какая-то. Мне нет никакого дела до того, с кем ты и... Стоять! – я подпрыгнула на кровати, поправила сползшее с плеч одеяло и вопросительно посмотрела на хозяина замка. – Но ведь платье и вправду разорвано. Где оно?

Тон водника стал сухим и колючим. Он вновь оглядел комнату и сузил глаза, когда добрался до моей кровати. Я опустила взгляд на бесформенную тряпку, лежавшую у меня в ногах, но прежде, чем успела взять ее в руки, рядом со мной уже стоял Аквей. Он подхватил остов платья, развернул и задумчиво повертел в руках.

– Разорвано. Нет надрезов, рвали сразу. Ткань плотная, добротная, так запросто не разорвешь, нужна немалая сила. Вряд ли кто-то из моего замка смог бы это сделать, – всё это водник говорил сам себе. Рассуждал, кажется, забыв о моем существовании. – Кое-где ткань подгорела... Тебе бы не хва-

тило силы, слишком слабая. Возможно, я бы смог порвать... наверное. Любопытно.

Он развернул к себе платье уцелевшей стороной, усмехнулся и... измученное платье окончательно разлетелось на две половины. Правда, вышло это у Скай не сразу, пришлось приложить некоторое усилие, но надрезов делать не потребовалось.

– Отлично, – с издевкой произнесла я, – теперь у меня есть целых два полплатья, обрастаю вещами. Еще немного, и ты выделишь мне целую гардеробную.

– Вполне возможно, если учесть, с какой скоростью мне приходится искать для тебя новую одежду, – усмехнулся Аквей. Но поджал губы, и взгляд его стал тяжелым. – Итак, нечеловеческая сила, огонь... Как?

– Что как? – не поняла я.

– Как это могло произойти? В замке *его* не было, точно знаю. Ты замок не покидала, с некоторых пор я могу точно понять, где ты и чем занимаешься, даже без Венна. Хорошее имя, кстати. – Он мотнул головой, возвращаясь к начатому разговору: – Как твой хозяин смог это сделать? – Скай вдруг встрепенулся, и взгляд его стал хищным. – Он идет за тобой? Понял, где искать?

Я задумалась, сказать ли воднику, что Вайторис может нагрянуть сюда уже через пару минут? И не сказала, решив пока помолчать. Но моего ответа Аквей особо и не ждал. Он сумел сделать верные выводы, этот маг вообще был мастер

делать верные выводы, только вот понять, что же все-таки происходит с ним и вокруг него, он сам не мог, а я помогать и подсказывать не собиралась. Не дай Хаос, это как-то станет известно моему Господину, и тогда мне точно придет окончательный конец, а так еще остается надежда потрепыхаться сотенку-другую лет. Древность... Негодяй и невежа!

– Это как тот сон, который мы видели вместе, да? – прервал мои мысли водник. Он ожесточенно потер лицо и, пнув несчастные полплатья, горячо воскликнул: – Как же я хочу во всём этом разобраться! Меня бесит непонимание происходящих перемен!

– А мне бы еще немного поспать, не возражаешь? – вот теперь я все-таки почувствовала раздражение.

– Не терпится снова оказаться в его объятьях? – ядовито спросил Аквей и, прорывав нечто невнятное, окончательно покинул мои комнаты.

Я упала обратно на подушку, закинула руки за голову, несколько мгновений смотрела в потолок и вдруг расхохоталась. Перед внутренним взором стоял взлохмаченный, кое-как одетый водник, сверкавший глазищами и оравший на меня. Раз за разом я прокручивала в голове момент, когда дверь выворачивает от сильного удара, и Скайрен Аквей, влетает в комнату, требует от меня ответа. Нелепо, невероятно, непостижимо! Но я поняла, что мне нравится то, что я увидела. И что бы ни велел мне Господин, но мысли упорно сворачивали не к нему, а к бывшему пленнику.

Смех веселый и искренний оборвался в одно мгновение. Я закрыла глаза и протяжно вздохнула. Великая Тьма! Кто тот насмешник, что решил поиздеваться над всеми нами и переплести наши судьбы в один жгут? Почему я оказалась тем стержнем, вокруг которого закручиваются события? Да и стержень ли я, или всего лишь песчинка, потерявшаяся в Изломе бесконечного Хаоса? По собственной ли глупости, продиктованной сиюминутным желанием ощутить вкус вождения своей игрушки, решила опоить пленника, или есть та высшая сила, которая решила, что мы слишком застоялись в привычном мирке и пора его изменить? Даже Вечный оказался втянут в водоворот перемен, началом которого стала первая капля моей крови, упавшая в кубок с недопитым вином. Что ожидает этот мир, кто теперь может предсказать? «И снова рой вопросов»...

Шорох у дверей привлек мое внимание. Искра сидела у порога и смотрела на меня своими глазками-бусинками. За ней возвышалась голова змея, глазевшего на меня с ожиданием. Усмехнувшись, я похлопала ладонью по кровати рядом с собой, и мое зверье рвануло, не дожидаясь повторного приглашения. Крыса запрыгнула на постель, но голова Венна бухнулась сверху, едва не придавив Искру. Она возмущенно пискнула, и я усадила крысу себе на живот. Змей мгновение смотрел на крысу, фыркнул и ткнулся мне в руку, требуя свою порцию ласки. Они всё еще воевали за мое внимание, и это вызвало улыбку, а следом очередной протяжный вздох.

«Ты позволила себе чувствовать», – Господин был недоволен мной. Как бы он не потребовал свернуть Искре шею, чтобы избавиться от ненужной привязанности. Не хочу терять эту маленькую поддержку среди тех, кто ненавидит меня. Поджала губы, осознавая, что меня кольнула мысль о всеобщей неприязни.

– Какая глупость! – воскликнула я, всполошив свою живность, млевшую под моими машинальными ласками.

Похоже, человечность и вправду играет со мной злую шутку. Я люблюсь глазами водника, спасаю крысу, утаиваю от Господина появление новой сущности этого мира – водяного змея. Скрываю изменения, которые происходят с Аквеем... Впрочем, это я делаю ради сохранения собственной жизни. Как только окрепну, я убью Ская Аквея, забуду об Искре, о Венне и о своей ненужной и опасной тяге к воднику. И очень надеюсь, что с его смертью притяжение исчезнет. Бесконечный Хаос! Зачем я вообще связалась с водником? Почему выбрала именно его? Только ли за этот насмешливый и высокомерный взгляд, которым он смотрел на меня в тот день, когда очередная попытка свергнуть Вечного закончилась ожидаемым провалом? Веки вновь сомкнулись, и воспоминания унесли меня в прошлое...

Я вошла в каменную сумрачную залу, освещенную лишь факелами, привлеченная густым запахом гнева, ненависти и страха. Он особенно хорошо ощущался терпкой ноткой. Стража молча распахнула передо мной тяжелые створы, не

посмеив перечить. Я шагнула в залу, и стук каблучков разлетелся гулом под высокими сводами, привлекая ко мне взгляды всех, кто находился внутри.

Вайторис, восседавший на своем троне, иронично вздернул бровь, наблюдая за тем, как я жадно втягиваю носом воздух, после сделал неопределенный жест, который я расценила, как приглашение, и прошла дальше. Неспешно, насыщаясь новыми нотками, расчертившими полотно эмоций свежими штрихами. Любопытство, опаска, пренебрежение, новая вспышка ненависти и неожиданный росчерк, едва уловимый, но приятный – любование. Уловив этот аромат, я подняла взгляд на Господина, он следил за мной, едва заметно улыбаясь. Так, наверное, следят за ребенком, готовым совершить шалость, о которой знают и молчаливо поощряют, ожидая ее.

Я склонила голову, отвечая Вайторису, и прошла к нескольким мужчинам, застывшим на коленопреклоненными изваяниями перед троном Вечного. За их спинами стояли стражи с занесенными мечами, готовые опустить клинки, как только суд Господина будет окончен. В чем обвиняют этих мужчин, я знала.

Про то, что нашлись новые смельчаки, решившие, что смогут сделать то, что никому не удалось до них, Вайторис мне говорил. Мы даже наблюдали пару раз через Грани за их сборами и походом. Сколько человек было в их рати? Тысячи три-пять? Сейчас вспомнить сложно, такое я никогда не

запоминала. Смотрела на то, как множество живых мертвецов идут слаженными рядами к своей смерти, и думала, чем развлечься сегодня.

Сражение произошло, где обычно – под стенами черного замка, Господин всегда позволял отчаянным головам приблизиться, а потом захлопывал ловушку, со вкусом изничтожая войско и оставляя для последней забавы вожаков. В этот раз их было пятеро. Я обошла их по кругу, отмечая, что присутствуют представители всех стихий. Их всегда было легко различить. Магия определенной стихии накладывает отпечаток на внешний облик.

Водники – светловолосые и синеглазые. Интенсивность цвета глаз указывала на уровень силы, волосы на конкретный источник, с которым работал маг. Чем светлей глаза, тем маг слабей. У водника, находившегося в зале, глаза оказались насыщенного синего цвета, у второго цвет глаз был светлей, больше уходя в голубой, но волосы белоснежные. Снег – источник, поняла я. Он работает со всем, где есть хоть капля воды. Значит, мог сотворить метель посреди жаркого лета, сковать льдом, закружить в снежном буране. Первый водник, скорей всего, использовал воду в чистом виде, но, судя по интенсивной синеве его глаз, мог из капли создать полноводный поток. Пусть временный, но мощный.

Следом за водниками стоял воздушник. У этих тоже были светлые волосы, но глаза всегда зеленые, также разных оттенков. Передо мной на коленях стоял мужчина средних

лет с глазами цвета летней листвы, темными и умными. Он глядел в ответ спокойно, но быстро отвел глаза и больше не смотрел. Я втянула носом воздух и уловила смятение. Усмехнулась и перешла к представителю земной магии.

Эти, пожалуй, самые яркие представители нашего мира, если не считать огневигов. Цвет волос земляных может быть черным, как ночь, а может граничить с рыжим. Это тоже определяет их источники и проявление силы. Цвет глаз, в основном, зеленый и карий, и как у всех остальных магов интенсивность цвета указывает уровень. Тот маг, на которого смотрела я, был темноволос, но не до черноты, имел темно-карие глаза и смотрел он ими равнодушно, но когда меня обманывало равнодушие? Я уловила толику затаенного страха, который маг умело скрывал. Впрочем, они все были испуганы в той или иной мере. Кто за жизнь, кто за близких, кто за свои земли. Но помимо страха в землевики полыхала ненависть. Ее он прятал хуже, и скрежет зубов я слышала. Шумно втянув носом запах эмоций этого мага, я перешла к огневику.

Ярко-рыжие волосы казались еще одним факелом, освещавшим залу. Живым факелом с медовыми глазами. Их лукавый прищур заставил изломить бровь в легком недоумении. Огневик осмотрел меня с ног до головы нарочито медленно, оценивающе, после усмехнулся и тут же получил рукоятку меча по затылку от стражника. Огневик упал вперед, едва не толкнув меня головой. Я равнодушно проследила за

алой струйкой, окрасившей волосы и стекшей из раны на затылке на шею мужчины, после на каменный пол. Поддержала подол, чтобы не испачкаться, и снова прошла вдоль мужчин.

Маг, чьей стихией была земля, так больше не поднял глаз и остался мне неинтересен. Беловолосый водник поджал губы. Он бросал на меня взгляды украдкой, и я снова остановилась перед ним. Подцепила пальцами подбородок, склонила голову к плечу и вгляделась в глаза. Что я там увидела? Презрение, но больше показное, потому что водник был испуган. И всё же он мотнул головой, освобождаясь от моей хватки, и сплюнул мне под ноги. Стражник, стоявший за ним, замахнулся, но я сделала жест и остановила воина. Накрыла голову мага ладонью и сжала пальцы, собрав белоснежные волосы в кулак, рывком оттянула голову назад и, снова заглянув в глаза, вытянула на поверхность самое сильное его чувство в это мгновение – страх. Усилила его, взрастив до размера ночного кошмара, и это чудовище, уродливое и прожорливое, накинулось на пленника, уничтожая ту искру надежды, что еще теплилась где-то на задворках сознания.

– Нет, – прохрипел водник, – нет... пожалуйста...

Из его глаз покатались слезы. Я поймала одну из них кончиком пальца, слизнула соленую каплю и тихо застонала под напором аромата страдания и ужаса, всё более завладевавшим сознанием молодого и сильного мужчины. Он отдавал мне всё до капли, щедро делился тем, что переживал в это

мгновение. Я не знаю, что он видел, но паника вдруг захлестнула водника. Отпустив его, я сделала шаг назад, с ленивым интересом наблюдая, как пленник повалился на пол, вцепился пальцами себе в волосы и заорал нечто бессвязное. Он голосил, я поглощала эмоции, лившиеся из водника полнымводным потоком.

– Тварь! – вдруг сорвался маг с темными волосам. Землевик попытался вскочить на ноги, но удар стражника по затылку оглушил мужчину, и он застонал, схватившись за голову. – Бездушная тварь, – разобрала я и слизала с губ привкус чистой ненависти.

– Ей всё равно, что ты скажешь о ней, Лайс, – услышала я и повернула голову к синеглазому воднику, смотревшему на своего товарища. На скулах его двигались желваки, но взгляд бездонных глаз, когда он вскинул голову, оказался равнодушным. Он всего мгновение смотрел на меня, кривя губы в усмешке, затем отвернулся и выплюнул: – И все-таки всего лишь псина у ног своего хозяина. Породистая сука и не больше.

Я оставила беловолосого водника плавать в его безумии, уже пожравшем разум, и неспешно подошла к оставшемуся воднику.

– Добей, – велел Вайторис, и надрывный крик беловолосого водника смолк, когда воин Господина одним ударом меча отделил голову от тела.

– Чтоб ты сдох, Темный! – снова заорал землевик. – Чтоб

ты сдох и твоя сука вместе с тобой! Твари без души и сердца! Чтоб вас пожрал Хаос! Ненави...

Крик захлебнулся в кровавом бульканье, когда другой воин перерезал глотку магу, повинаясь жесту Господина. Но я смотрела только на водника, больше ни на что не обращая внимания. Он ответил гордым, даже высокомерным взглядом. Не отвернулся, не опустил глаз и не поморщился, когда я потянулась к его затаенным чувствам, пробуя их на вкус. Я рассматривала пленника, он меня. Зачем-то отметила, что мужчина красив, кажется, даже мгновение любовалась правильностью его черт, дышавших внутренней силой и достоинством.

Он лишь покривился, когда я склонилась к нему, чуть отпрянул и усмехнулся:

– Кусай, шавка.

Но я не спешила. Продолжала рассматривать пленника, вдыхая полной грудью целую смесь эмоций, обуревавших его. Молчание затягивалось.

– Чем ответишь, Игнис? – полюбопытствовал Господин.

Я выпрямилась и обернулась к нему. Вайторис вопросительно поднял бровь.

– Отдай его мне, – попросила я.

– Хочешь растянуть удовольствие?

– Да, мой господин, – я склонила голову, ожидая решения Вечного.

Вайторис хмыкнул и махнул рукой:

– Он твой, мое пламя. Забавляйся.

– Благодарю, господин. – После вновь обернулась к пленнику и успела увидеть, как его глаза полыхнули жгучей ненавистью, но уже через мгновение синеву сковал лед равнодушия. Ложь, которая не могла меня обмануть. Я сжала подбородок водника двумя пальцами и, склонившись к его лицу, шепнула: – До скорой встречи. – Затем велела воинам: – Уведите.

– Будь ты проклята, – ответил пленник и позволил страже увести себя, не предпринимая глупых и бесплодных попыток вырваться...

Крысиный писк вернул меня назад в маленькую комнату. Венн развернулся в сторону двери, Искра спрыгнула с моего живота и застыла столбиком на краю кровати, я тоже посмотрела на дверь и удивленно приподняла бровь, обнаружив пожилую женщину в фиолетовом платье. Платье было другим, но цвет тот же, и массивные перстень сидел на том же пальце, что и вчера. Тетя Аквея смотрела на меня через перекошенную дверь.

Она не спешила войти, не вздрогнула, когда я повернула к ней голову. Стояла и смотрела, не моргая и, кажется, не дыша. Змей подполз ближе и замер, наблюдая за неожиданной гостьей. Искра повернулась ко мне, но я не обратила на нее внимания, и крыса опять уставилась на водницу. Женщина протянула в мою сторону руку ладонью вверх, словно хотела позвать за собой, или просила помощи. Вдруг урони-

ла ее, бессильно свесила голову на грудь и, покачнувшись, едва внятно произнесла:

– Ошибка, всё ошибка. Она погубит, всех погубит.

– Что ты там говоришь? – спросила я.

– Слишком много тьмы, – продолжала женщина, не слушая меня. – Лучше бы мне не дожить до этого дня, лучше бы умереть...

– Это легко устроить, – усмехнулась я. – Что тебе нужно, старуха?

Глаза водницы сверкнули фиолетовым всполохом, и она растянула губы в ухмылке:

– Я младенец рядом с тобой, отродье.

Затем развернулась и побрела прочь, продолжая бормотать себе под нос:

– Ошибка... Я ошиблась... Мой бедный мальчик...

Я послушала, как ее каблуки стучат по металлическим ступеням, потеряла подбородок и посмотрела на Искру:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Крыса пискнула и метнулась ко мне, прижалась к боку и затихла.

– Вот и я не понимаю. Безумная карга, – и снова улеглась, но ни подумать, ни уснуть не получилось.

Вскоре появилась прислуга. На меня никто не смотрел, не шептался. Люди быстро и четко выполняли свои обязанности под бдительным надзором моих стражей. Искра вновь стояла столбиком на краю кровати, Венн свернулся клубком

перед моим ложем, я лежала, закинув руки за голову, и ждала, когда слуги уберутся прочь. Их мельтешение мне мешало. Служанки наполнили лохань водой, принесли несколько платьев, поставили на стол завтрак, забрали останки вчерашнего платья, слуги поправили дверь и исчезли, так и не произнеся ни звука.

– Ну вот и новый день, – сказала я, как только за прислугой закрылась дверь. – Осталось ждать на шесть даров меньше.

Хотя о чем это я? Если Вайторис уже понял, где меня искать, возможно, завтрашний день не наступит не только для Аквея и его людей, но и для меня, потому что Господин узнает обо всём, что я сотворила, и порвет меня, как бедное платье. «Не для того я столетия создавал тебя по своему образу и подобию...». А для чего создавал? Может, я зря опасуюсь, и мне ничего не угрожает, кроме очередного наказания? Не проверишь, не узнаешь, так? А проверять желания нет. Вот нет его, этого желания, и всё тут. Тьма! Я и сама не знаю, как лучше поступить.

Вздохнула и выбралась наконец из-под одеяла, в который раз с тоской вспоминая времена, когда за меня всё решал Вайтор. Он точно знал, как нужно поступить, что мне нужно сделать, когда говорить и что. Мы жили одним умом, его умом, а теперь я должна научиться принимать решения, которые так или иначе отразятся на моем будущем... если оно для меня предусмотрено, конечно.

– Хм...

Я обернулась к змею и задумчиво посмотрела на него. Любопытно, что сделал бы со мной водник, если бы ему все-таки удалось одолеть Вайториса? Почему-то об этом я ни разу не задумалась за дни своего пленения. А это отнюдь не мелочи. Оставлять меня в живых незачем, и значит, мой путь лежит в ледяные просторы Хаоса вслед за Господином.

Что сделает со мной Хозяин, когда поймет, что я усложнила ему жизнь, и реальность изменилась, породив новые Отражения? Накажет или убьет? Что мешает Вечному создать новую Игнис и подождать еще несколько столетий? Что для него эти четыреста лет? Одно мгновение, песчинка в океане его бесконечной жизни. Даже я не заметила, как пролетели годы, пока покорно служила своему создателю. Вроде только вчера смотрела с восторгом на красноволосого мужчину, произносящего: «Имя твое – Игнис», – а вот я уже и «древность».

– Хоть бы пока не нашел, – проворчала я, вытираясь мягким полотном, как только закончила омовение.

Да уж. Лучше мне явиться к нему с головой Аквея в руках в доказательство моей преданности.

– Хм-м... – протянула я снова, завязывая пояс на платье.

Не стоит ли пока встать на сторону водника и помочь ему уйти от Вайториса? Бой он проиграет, тут сомнений нет. Во что бы сейчас ни превращался Скай, но он по-прежнему дитя перед Вечным. Сколько людей под началом Аквея? На

черный замок он шел с объединенным войском, где соединились все стихии, но и этого не хватило, чтобы одолеть рать Господина. Одни браннеры – огненные твари Вайториса превратят замок водника в пыль вместе со всеми его обитателями. Вайтору останется только взять меня за шкуру и потрясти, чтобы потом превратить в прах, не дожидаясь тридцатого дня. Но если Господин узнает, что я помогаю Скайрену, мне точно не жить...

– Что делать-то? – спросила я у Искры, запрыгнувшей на край стола в ожидании, когда я поделюсь с ней завтраком. Венн сглотнул и посмотрел на дверь. Я милостиво махнула рукой: – Ползи, завтракай.

Змей дополз до двери, свернулся клубком, но так и не покинул меня, только принюхивался, ожидая, когда хозяин вспомнит, что его создание питается не воздухом. Впрочем, долго ждать не пришлось. Кормушку для змея принесли, когда мы с Искрой только закончили завтракать и сытые и благодушные, усевшись на подоконнике, любовались видами в узкое окошко.

– Венн, – донеслось из-за двери, а затем дробный топот подсказал, что прислуга сбежала, как только поставила кормушку.

Змей шлепнул хвостом по полу и уполз в покосившуюся дверь набивать свою утробу. Мы с Искрой переглянулись и вернулись к просмотру внутреннего двора. Я проследила за прачкой, тащившей корзину с бельем, и мысли мои верну-

лись к ближайшему будущему.

Рискнуть или покорно ждать развития событий? Что я выигрываю, помогая Скаю? Несколько дней спокойной жизни точно. По крайней мере, пока ни проснутся дары, дающие мне силу, пока ни проснется огонь, и я снова ни начну слышать зов Граней. Тогда достаточно дождаться, когда вернется дар имени моего Господина, и он заберет меня.

Что ожидать от Вайториса? Если заберет меня сегодня, то вспомнит мою беготню от него во сне. Прибавим к этому то, что я пыталась исказить свои воспоминания, умолчала о змее, то есть о следствии изменения Реальности, о причине изменения Реальности тем более, да вдобавок ко всему моя связь с водником и чудом до сих пор не случившаяся близость, если не считать первого сна... Великая Тьма! А ведь Господин всё это вытрясет из меня, и какими способами, я не берусь предугадать... Мне точно конец.

Нет-нет, не могу я пока вернуться. Пусть перебесится, пусть направит весь свой гнев на Аквея, он и так уже считает его Злом Изначальным. Лучше я стану в его глазах жертвой, но не главной виновницей происходящего. Нужно всего лишь выказывать тоску и стремление вернуться. И мысли свои заполнить образом Господина. Нельзя больше допускать прежних ошибок. Сегодня его ярость принесла мне боль и удовольствие, завтра может остаться только боль, а от его боли меня не спасет ни один дар. Да, нужно тянуть время. Но чтобы его тянуть, нужно чтобы водник не попался слиш-

ком рано. И открытые подсказки приведут к закономерному финалу. Петля замкнется, и я вновь буду виновата. Нужно избежать этого. Значит, моя помощь не должна быть нарочитой. А как заставить кого-то делать то, что ты хочешь?

Я ухмыльнулась и зажмурилась от удовольствия – нужно всего лишь быть Игнис Сиел, темной без стыда и совести. Ну, этого у меня давно уже нет, несколько столетий так уж точно. Эту шелуху Господин сорвал с меня в первую очередь. Помню, когда мы уже стали близки, и я поняла, что утети на ложе – это единственное, что Вайторис готов дать мне, заменив наслаждением мечты о любви, он прислал мне наряд и велел явиться к нему в этом в тронную залу, где собрались его приближенные.

Я взглянула на переплетение из тончайших золотых нитей, невесомых, как паутинка. Ни обуви, ни нижнего белья, только подобие одежды, не скрывавшее моей наготы. К платью прилагалось только одно украшение – диадема, и она подразумевала высокую прическу, так что надежда на то, что волосы скроют меня, рухнула в то же мгновение, как я взяла в руки диадему. И пока я колебалась и раздумывала, как могу обойти приказ, мне передали, что Господин ожидает меня немедленно, и любая задержка и попытка не исполнить *просьбу* повлечет за собой наказание. Стоит ли говорить, что к выходу я готова была очень скоро?

В тот момент, когда я вышла из покоев Повелителя, мне казалось, что ниже пасть уже невозможно. Золотые плетения

колыхались при ходьбе, открывая мое тело с разных сторон. Тогда я думала, что никогда не смогу забыть, как на меня пялились все, кто попадался на пути, и то молчание, воцарившееся в тронной зале, когда я вошла в распахнувшиеся двери. На меня смотрели все, кто изумленно, кто украдкой, чтобы не разгневаться Господина, а сам Вайторис восседал на своем исполинском троне и довольно улыбался, глядя, как я шествую к нему, не сводя с него взгляда. И когда опустилась перед троном на колени, он лишь мазнул по мне взглядом, велел подняться с колен и оказать честь гостям его замка, лично наполнив их кубки вином.

Тот вечер я выдержала, но после умоляла больше не заставлять меня показываться на людях в таком виде. На следующий прием я пришла лишь в одном ожерелье. И так продолжалось до тех пор, пока я, услышав очередной подобный приказ, ни начала пожимать плечами и входила в залу так, словно на мне был надет лучший из нарядов.

– Твое тело совершенно, Игнис. И показывая другим то, что принадлежит мне, ты не падаешь в пропасть, ты возносишься на вершину самой высокой из гор, окружающих нас. Тебе не нужны ухищрения, чтобы подчеркнуть красоту, ты – сама красота.

И я начала гордиться своим телом и лицом, получая удовольствие от мужских взглядов, полных вожделения и женских, наполненных ядом зависти и неприязни. А еще от того, что меня не могли коснуться ни чужое желание, ни зависть.

И единственный раз, когда один из приглашенных в замок мужчин, опьяненный вином и моей наготой, забыл осторожность и попытался овладеть мною в темном углу пиршественной залы, закончился тем, что после того, как бедолага притронулся ко мне, он прожил всего пару мгновений. Ровно столько потребовалось Вайторису, чтобы оказаться рядом и собственноручно свернуть шею наглецу. После этого я ощущала жар от похотливых взглядов, но никогда от чужой страсти. Господин преподавал мне много уроков, и пришло время вспомнить некоторые из них, ну, или воспользоваться их плодами.

Прихватив Искру, я соскочила с подоконника, усадила крысу на плечо и направилась к выходу. Венн оторвался от кормушки, когда я вышла из комнаты.

– Поел? – спросила я.

Змей застучал хвостом, занервничал, но я лишь махнула рукой:

– Я тебя не заставляю идти с нами.

Венн проворчал что-то и снова уткнулся в кормушку, но уже на втором пролете железной лестницы он догнал нас с Искрой и деловито пополз рядом, наверное, ободренный тем, что за нашу вчерашнюю вылазку ему не влетело. Аквею хватило забот и без своего создания. То мой приступ похотливости, то цветок, то невеста. Он и сопровождал-то меня в новое обиталище, не проронив ни слова. Так что мы с моей маленькой ратью могли позволить себе повторную наглость.

Прислушалась к себе и улыбнулась, обнаружив местонахождение Скайрена. Сегодня я никуда не спешила, чувствуя, что водник сам придет ко мне. Я шла по галереям и коридорам замка, с интересом рассматривая гобелены, картины, статуи, расставленные в нишах. Наблюдала за людьми, попадавшимися мне навстречу. Люди тоже наблюдали за мной, но без праздного любопытства, как я. Они спешно убегали с дороги моего маленького отряда, ныряли в боковые коридоры, прятались за двери, жались к стенам и бросали на меня злые взгляды. А я улыбалась. Вот просто улыбалась и чувствовала себя хозяйкой замка, потому что никто не смел преградить дорогу, когда рядом полз Венн, зорко следивший, чтобы никто не посмел приблизиться к узнице. Это было даже забавно – пленница разогнала хозяев.

Свой поход я приостановила возле портрета молодого мужчины, показавшегося мне смутно знакомым. Белоснежные волосы, голубые глаза... Я прищурилась, склонила голову к плечу и потерла подбородок, пытаясь понять, кого он мне напоминает...

– Эйвилон Аллиерт, – раздался за моей спиной незнакомый голос. – Друг Скайрена и брат его невесты Эйволин. Он погиб в стенах Черного замка.

Я обернулась и посмотрела на мужчину-мага. Он мне тоже показался смутно знакомым, но понять, откуда я его знаю, не смогла.

– Имел честь вчера целовать вас, магиана Сиел, – хмыкнул

водник. Страха в его глазах я не увидела, скорей, интерес.

Я развернулась к мужчине всем корпусом и сделала к нему шаг, остановилась почти вплотную и посмотрела снизу вверх.

– Стало быть, господин водный маг, целовать меня для вас честь? – полюбопытствовала я. – И почему же вы всё ещё живы?

– Мне стоило умереть от счастья? – широко улыбнулся водник.

– Скорей, от стыда, а вы сияете, подобно начищенному золотому. Уж тому ли господину вы служите?

– Если бы я служил вашему господину, то вряд ли мне выпало счастье ощутить силу страсти самой Игнис Сиел, – не смутился мужчина. – Похоже, я все-таки на верной стороне.

Я сделала шаг назад и вновь склонила голову к плечу, прошла по воднику изучающим взглядом, после выпрямилась и спросила, указав себе за спину:

– А вы дружили с Эйвилоном Аллиертом?

– Мы были дружны, – более осторожно ответил маг.

– Но для вас честь целовать меня?

– Целовать само воплощение Зла? О да, – он сократил разделяющее нас расстояние. – Вы знали, что даже ваши враги мечтают о вас, Игнис? Породил ли вас Хаос, или вдохнула жизнь Тьма, но сотворил они вас на диво совершенной. Лицом, – он коснулся моей скулы костяшкой согнутого пальца, – и телом.

Мужская ладонь легла мне на талию. Водник склонился ниже, намереваясь повторить вчерашний опыт и... Змеиный хвост захлестнул его шею. Рывок, и маг отлетел от меня, ударился спиной о противоположную стену, а я встретила взглядом с потемневшим взором глаз-озер.

– За какой Тьмой? – ледяным тоном спросил меня Скай.

– Что именно? – уточнила я.

– За какой Тьмой ты творишь? – внес ясность Аквей и, обернувшись к моему незадачливому поклоннику, бросил: – Поговорим позже. Исчезни.

Тот спорить не стал. А кто бы стал, если над тобой нависает разверстая пасть гигантского змея, между ног сидит крыса, успевшая спрыгнуть с моего плеча, когда появился хозяин замка, и сам Скайрен смотрит слишком пристально, чтобы обманываться его видимым спокойствием? Водник, чьего имени я так и не узнала, поднялся с пола и исчез так быстро, насколько ему позволила боль в теле от удара о стену. Но, уже почти свернув за угол, он обернулся и произнес одними губами, пользуясь тем, что Аквей снова смотрит на меня: «До встречи».

Я усмехнулась, и мой похититель обдал очередной порцией холода:

– Тебя что-то веселит в произошедшем, Игнис?

– Только твое своевременное появление, – ответила я. – Боюсь, если бы я выцарапала глаза наглецу, меня бы твои люди сожгли вместе с замком. Кто же поверит, что воплощен-

ное Зло всего лишь защищалось от похотливого мерзавца, решившего, что женщину можно лапать против ее желания?

– Что-то я не заметил, чтобы ты была против, – ядовито ответил водник.

– Ты просто не досмотрел, – хмыкнула я. – Правда, Скай, на твоих людей я не покушаюсь. Мне хочется жить, а господин, знаешь ли, никогда не страдал от приступов жалости и прощения.

Взгляд водника, чуть смягчившийся, вновь стал колючим. Он посмотрел на портрет Эйвилона Аллиерта.

– А ты, Игнис? Что ты знаешь о жалости? – спросил он, глядя на беловолосого водника.

– Я давно забыла, что это, Скай, – ответила я, тоже глядя на изображение мертвеца. – Господин вытравил из меня все чувства, и жалость была одной из первых.

– Но крысу ты пожалела, – Аквей развернулся ко мне. – Почему ты ее спасла?

Я пожала плечами. У меня и вправду не было ответа.

– Это вышло как-то само собой, – сказала я. – Может, потому что Венн тогда был мне врагом, и Искра оказалась в ловушке, как и я.

– Искра... – Скайрен усмехнулся. – Забавно.

– Что – забавно?

– Всё, – ответил он и отошел от портрета. – Забавно, странно и отвратительно в равных долях. Передо мной стоит чудовище, выжигавшее целые деревни лишь за то, что они

не смогли заплатить своему господину требуемую дань из-за неурожая. Бездушная сука, убившая на моих глазах лучшего друга. Тварь, которая издевалась надо мной больше года, а я вижу красивейшую из женщин, которая спасает крысу, дает зверям имена, и они идут за ней, словно на привязи, готовые оберегать и защищать от любого, кто причинит ей зло. И эта женщина одинокая, слабая, хрупкая, но продолжает держать спину ровно, несмотря на то, что на ее плечи давит всеобщая ненависть. Я видел обе эти стороны одной сущности, но никак не могу совместить их. Жгуче ненавижу первую и не могу заставить себя злиться на вторую. Какая ты настоящая, Игнис Сиел? Что было до того, как Темный накинул на тебя удавку своей власти?

Я молчала. Смотрела на него и молчала, не зная ответов на вопросы. Какая я настоящая, кто бы сказал мне это... Я помню себя с момента, когда Господин дал мне имя, и очень смутно то, что было до возрождающего пламени. Раньше еще мелькали в памяти какие-то обрывки, теперь сплошной туман. Кем я была рождена? Простой смертной, магом? Кто были мои родители? Где я жила? Даже свой возраст до возрождения, я помню примерно. Пятнадцать или шестнадцать лет, но может было и меньше, а может больше.

– Ты не знаешь, – понял пронизательный Аквей. – Он забрал у тебя даже память. Но что дал взамен?

– Себя, – ответила я и вновь перевела взгляд на портрет Эйвилона Аллиерта, вспоминая о том, что привело меня сю-

да. – Господин подарил мне бессмертие, вечную юность и красоту. Наделил силой, равной которой нет, и только Он превосходит меня...

– И где твоя сила, Игнис? – с нескрываемой иронией спросил водник. – Он забрал ее за единственный проступок, несмотря на четыреста лет собачьей преданности.

– Я нарушила главное правило, сила возмездия закономерна, – я пожала плечами. – Мое тело принадлежит Господину...

– То есть ты осознаешь, что понесла наказание заслуженно, – Скай встал у меня за спиной.

Не трогал, но я слишком остро ощутила его близость. Во рту вмиг пересохло, и я облизала губы, сжала кулаки, изо всех сил противясь тому, что пробуждалось в крови в это мгновение, однако бездарно проиграла этот бой и, порывисто обернувшись, тут же попала в ловушку глаз-озер. Водник кривовато усмехнулся и сделал еще один шаг, оттеснив меня к стене. Его ладони уперлись в стену по обе стороны от моей головы, и легкая хрипотца, пробившаяся в его голосе, взволновала настолько, что я едва сдержала стон предвкушения.

– Что ты сейчас осознаешь, Игнис? Ты всё еще помнишь о своем господине?

– А ты, Скай? Что осознаешь ты? – голос упал до предательского полупшепота. – Ты еще помнишь о своей невесте, когда стоишь так близко ко мне?

Взгляд Аквея блуждал по моему лицу, наконец остано-

вился на губах, и он шумно втянул носом воздух:

– Я мало о чем помню, когда ты рядом. Меня тянет к тебе, Игнис, но это всего лишь морок, навеянный отравой, которой ты опоила меня. Однажды я найду противоядие, и всё станет, как прежде.

– Всё может закончиться раньше, чем ты думаешь, – я заставила себя не думать о том, что от поцелуев водника у меня исчезает из груди весь воздух, и слабеют ноги. Разум, плавился от его близости, но я все-таки сумела думать о том, для чего искала Скайрена Аквея. – Господин избавит нас обоих от этого проклятого притяжения, как только войдет в замок и сотрет его с лица земли вместе со всеми обитателями. И с тобой, Скай.

Водник оттолкнулся от стены, выпрямился и отвернулся от меня. Я видела, как он тряхнул головой, приводя мысли в порядок. Еще бесконечно долгое мгновение боролась с желанием прижаться к его спине и ощутить тепло живого сильного тела, но снова сжала кулаки и, наконец стряхнула хмель желания.

– Не станет тебя, исчезнет и наваждение, – уже более твердо продолжила я. – Я буду смотреть на то, как ты умираешь, и чувствовать, как ослабевает зов крови.

Мужчина стремительно обернулся. Глаза осветились бликом света, рука взметнулась вверх, и пальцы сжались на моем горле. Я вновь была припечатана к стене. Воздух со свистом прорывался сквозь стиснутые зубы, но в глаза своего

похитителя я смотрела, не моргая, выдержав тяжелый пристальный взгляд:

– Значит, ты тоже считаешь, что смерть одного из нас станет избавлением для другого? Так есть ли смысл ждать появления Темного? Он уже знает, где ты, и придет, несмотря на то, жива ты или нет. – Я дернула руками, в желании вцепиться в сдавливающие горло пальцы, но вновь бессильно уронила их, замороженная силой, шедшей в это мгновение от Аквея. Она подавляла, подчиняла и... восхищала, несмотря на то, что я понимала – еще мгновение и всё... – Так может, стоит прямо сейчас разорвать этот круг безысходности и вдохнуть полной грудью? Что скажешь, Игнис?

– Убей, – просипела я, и Скай немного ослабил хватку, – но это не спасет ни тебя, ни твоих людей. Он превратит эти земли в выжженную пустыню. Ты лишь добавишь огню ярости, но сам сгоришь в его сердцевине, наслаждаясь кратким мигом свободы от нашей связи. Но сначала ты увидишь, как умрут все, кто тебе дорог. Господин будет наказывать тебя постепенно. Сначала он уничтожит тех, кто служил тебе. Потом твоих друзей и родных. Затем ты будешь смотреть на то, как он выпивает Эйволин, и, поверь, она будет орать под ним от наслаждения, в миг забыв обо всех твоих ласках. Она добровольно отдаст ему свою жизнь и умрет с его именем на устах, даже не вспомнив о тебе. И лишь после твоего окончательного краха, он займется тобой, продлевая твою агонию столько, сколько посчитает нужным. И тебе нечего бу-

дет противопоставить ему, ведь всё, что тебе дала моя кровь, умрет вместе со мной. Но даже если ты оставишь мне жизнь, всё случится именно так, как я сказала. Ты слишком слаб и никогда не сможешь одолеть в бою Вечного и созданную им рать.

– Поглядим, – отрывисто бросил Скай. Он чуть сильнее сжал пальцы и отшвырнул меня в сторону.

Я упала на пол, с жадностью глотнула воздух, и Венн с Искрой бросились ко мне, прижались, то ли жалея, то ли защищая. Змей обвил кольцами, скрывая от взгляда своего хозяина, но я выбралась из прохладного кокона и, отдышавшись, заговорила снова.

– Я столько раз слышала самоуверенные заявления тех, кто считался сильнейшими магами этого мира. И столько же раз я видела их бесславный конец. Отважные, благородные и отчаянные они гибли, избавляясь от иллюзий с последним вздохом. Ты думаешь, ты исключение, Скай? Ты такой же, как те дураки, которые возомнили себя равными Вечному, чья сила скапливалась бесконечно долго. Они были сильнейшими, но где они сейчас, где их слава? Кто помнит о них? Остался лишь он, и останется впредь...

– Даже камень можно расколоть ударом кулака, если знать, куда ударить, – глухо произнес водник, не сводя с меня пристального взгляда. – Нужно лишь найти слабое место. И слабое место Вечного ты, Игнис.

– Но он не умрет, если умру я. Он создаст себе новую Иг-

нис, выпестует ее, и она займет мое место, вновь скрепляя броню Господина.

Скай тряхнул головой. Его глаза лихорадочно блеснули, и водник, взъерошив себе волосы, взволнованно заходил от стены к стене, о чем-то задумавшись. Наконец остановился и снова взглянул на меня.

– Я пойму, – произнес он. – Я найду верный путь, но нужно еще время. Мы покидаем замок.

– Как? – с фальшивым изумлением воскликнула я. – А как же великая битва и слава в веках?

– За мной, – скомандовал водник, пропустив мою колкость мимо ушей.

Он сделал несколько шагов, но остановился и снова обернулся ко мне, сузил глаза, но покачал головой, усмехнулся и продолжил путь, точно зная, что я иду следом. Что бы Скай ни собирался мне сказать, он это так и не произнес. Я следовала за ним, пряча довольную ухмылку. Скайрен Аквей обладал разумом и умел делать верные выводы, и это меня устраивало сейчас больше, чем когда-либо. Прости меня, Вайторис, но я вырвала из твоих зубов эту добычу. Тебе придется вгрызться в нее позже. На мгновение приостановилась. Я осмелилась пойти против воли Господина... Бесконечный Хаос! А неповиновение, оказывается, тоже может быть приятным. Утереть нос Вечному? Почему бы и нет?

– Игнис! – рявкнул Скай, не оборачиваясь.

– Я следую за тобой, милый, – хмыкнула я и догнала его,

ощущая сладкую судорогу от мысли: «Ой, что будет». Но чтобы ни случилось после, сейчас мое настроение было прекрасным, как никогда.

Это было похоже на стремительное бегство, впрочем, без излишней паники, словно обитатели замка Аквей уже не один раз покидали свое жилище в спешном порядке. Скарба взяли мало, только необходимое. Никакого обоза, способного задержать в пути. Всё, что могло пригодиться, приторочили к седлам лошадей. Тяжелых карет не было, как и груженных телег. Я даже не поняла, в какой момент замок опустел. Просто только что деловито гудел, как улей, полный пчел, и вдруг застыл необитаемой громадой.

Первыми исчезли слуги. И я так и не поняла, куда они ушли. То ли через подземные ходы, то ли через какую-то тропу в горах. И сколько не прислушивалась к разговорам Ская и его воинов, так и не уловила. Слышала о том, что все обитатели замка покинули его, и следы надежно скрыты, и всё. Затем пропала стража и женщины из магов. Я не видела прощания с Эйволин, только слышала, как она всхлипывала за дверью кабинета, в котором я ждала, когда меня заберут, да что-то тихо ворковал водник, успокаивая свою невесту. Я в это мгновение скрипела зубами и рвала по странице какую-то книгу, попавшуюся под руку. Книга была, конечно, ни при чем, но злость я больше никак не могла излить. Или книга, или шейка водницы. Пришлось выбрать книгу, чтобы не ссориться раньше времени с Аквеем, хотя душа просила

шейку Эйволин.

И когда замок стих, дверь кабинета открылась, и на пороге появился Скайрен в дорожном облачении. Он поманил меня, и я направилась к нему, воплощая собой само послушание. Но выйти из кабинета не удалось, водник перекрыл проход своей широкоплечей фигурой. Я вопросительно посмотрела на него, ожидая узнать, чего он хочет.

Аквей взял в руку Искру, сидевшую на моем плече, посадил к себе и распахнул ткань, висевшую на его второй руке. Это оказался плащ, нежно-голубой, из дорогой ткани, который изумительно подошел бы к глазам Эйволин. Похоже, с хозяйкой плаща я не ошиблась и дернулась, когда Скай накинул его мне на плечи, невольно покривившись. Но водник не обратил на мою гримасу никакого внимания. Он скрепил плащ у меня на груди фигурной застежкой с голубым камнем, накинул на голову капюшон и вернул крысу мне на плечо.

– Идем, – коротко велел водник.

Венн, которого кормили перед дорогой, приветливо забил по полу хвостом, увидев меня.

– Зачем капюшон? – спросила я, но больше для того, чтобы не идти за своим похитителем молча.

– Во-первых, у водников не бывает черных волос и не стоит привлекать внимания, а во-вторых, укажи мне того, кто не мечтает свернуть тебе шею, – чуть насмешливо ответил Скай.

– Одного точно знаю, – хмыкнув, ответила я, и водник, обернувшись, иронично изломил бровь:

– Темный не в счет, – сказал он.

– Я не о нем, – сказала я, испытывая какое-то мстительное предвкушение. – Я о том наглеце, который считает за честь целовать меня. Ну, тот, которого вы со змеем отогнали от меня сегодня.

Глаза водника в одно мгновение потемнели, однако эмоции он спрятал, хоть я и заметила, что до равнодушия ему далеко, и это порадовало, потому что в ушах всё еще стоял его лепет с Эйволин. И вместо утреннего грома, грохотавшего в моем временном жилище, я услышала слова, сочащиеся ядом издевки:

– Не верь мужчине, превозносящему тебя, когда его мысли начинаются и заканчиваются подолом твоего платья. Когда он задерет этот подол и избавиться от своего желания, разочарование может быть слишком горьким.

– А кто тебе сказал, что, задрав мой подол, он забудет о том, что под ним спрятано, – полюбопытствовала я.

– У тебя там что-то необычное? – изломил брови Аквей. Он, вдруг ухватив за руку, притянул меня к себе, развернул и рывком прижал к груди одной рукой. Второй отвел в сторону полу плаща, задрала подол платья, и горячая ладонь скользнула по обнаженному бедру, перебралась на его внутреннюю сторону и протиснулась между ног, заставив меня охнуть и плотней прижаться к воднику.

– Ты солгала, Игнис, – хрипловатым полупшепотом сказал мне на ухо водник, – там ты такая же, как все. – Он снова развернул меня, закинул ногу себе на бедро, но мысли сопротивляться даже не возникло. Я вцепилась пальцами ему в плечи, комкая ткань дорожного плаща, закусил губу и откинула голову назад. Тихий стон слетел с приоткрывшихся губ, и ответом ему стал судорожный мужской вздох. Я следила за водником из-под ресниц. Он невнятно выругался сквозь зубы, затем отступил, отпуская меня, и натянул на руку перчатку. После спросил, откашлявшись: – Кроме скверного характера и страсти к мерзким забавам в тебе есть хоть что-то неприятное?

– Я – совершенство, – без ложной скромности ответила я, пытаюсь унять бешеное сердцебиение и подавить желание накинуться на Аквея, сорвать с него плащ, стянуть штаны и...

Я тряхнула головой, отгоняя очередное волнуемое видение.

– Хвала Создателям, – несколько нервно усмехнулся Скай, – ты подвержена самолюбованию. Еще один порок.

– Странно было бы мне не иметь пороков, – ответила я, вновь накинув на голову капюшон. – Идем или ждем моего господина?

– Я ему и так гостеприимно оставлю целый замок, – хмыкнул водник. – Одного доброго дела за день вполне достаточно. Так что встречать Вечного никто не обязан. – И закончил

уже без всякой веселья: — Уходим.

Он бодро зашагал впереди, а я завистливо вздохнула. Мои ноги всё еще подрагивали. А затем мысли испуганно метнулись к Вайторису и дарам, и возбуждение сошло на нет, на теле выступил холодный пот, когда мне подумалось: «А произошедшего хватит для утраты одного из даров?» Что если сегодняшний цветок не расцветет? Или увянет один из уже проявившихся? Чем мне не жаль пожертвовать? Каждый жаль! Даже зоркостью, без которой я могла бы, конечно, обойтись, но не хочется терять даже толики своих сил, когда их и так нет.

В панике задумалась, куда меня ведет водник, и поняла — во двор. Так, этот дар со мной. Про чувственность говорить не стоит, она со мной... ох. Закусила губу и поспешила за Скаем, рассматривая его спину. Белый волос я заметила издалека, но в этом не было ничего особенного. Плащ Аквея был темно-синего цвета, и белоснежная волосинка выделялась на его фоне. Однако заметив волос, я уже не могла думать ни о чем ином. Тихое раздражение переросло в злость, и я догнала водника, ухватила след Эйволин и с яростью порвала его, сдула с пальцев и только после этого выдохнула с облегчением.

— Да чтоб тебя, — выругалась я под изумленно-насмешливым взглядом Скайрена.

— Что это было? — спросил он.

— На тебе была грязь, — отмахнулась я. — Не терплю грязь.

– Ты еще и чистюля?

– Ужасная, – кивнула я и первой сбежала вниз по лестнице.

– Насчет – ужасная, не могу не согласиться, – догнал меня смешок водника.

Я демонстративно провела пальцами по перилам и скривилась:

– Как ты не выгнал слуг? Кругом сплошная грязь.

– Еще и лгунья, – удовлетворенно кивнул Скай, успевший догнать меня.

Я пренебрежительно передернула плечами и вышла в открытые двери вслед за Венном, обогнавшим нас с водником. Солнечный свет ударил по глазам, на мгновение ослепив меня. Я прикрыла глаза рукой, втянула носом свежий влажный воздух и улыбнулась. Кажется, я соскучилась по чистому воздуху, солнцу и ветру, ласкавшему разгоряченную кожу шаловливыми прикосновениями. Странно, но почему-то в черном замке я никогда не думала о том, что есть жизнь за стенами чертогов Господина. Впрочем, и место, где стоит замок, редко бывает освещено солнцем. В основном, когда одна из Граней отражает солнечный цвет. В царстве Вайториса царит сумрак и холод. Часто идет дождь, и совсем не поют птицы. Птицы? Какая глупость!

Отдернув руку от лица, окинула взглядом небольшой отряд. Воины уже сидели в седлах, и лишь две лошади еще стояли без всадников. На меня смотрели все. Лица были угрю-

мыми, кажется, мне тут были не рады. Удивительно, правда? Но вот мой взгляд зацепился за немного шальную улыбку, и я узнала своего поклонника. Я хмыкнула и направилась к одной из свободных лошадей. Любитель поцелуев прыгнул на землю и опустился на одно колено перед лошадыю, предлагая мне свою помощь.

Хотела обойти лошадь с другой стороны и забраться в седло самостоятельно, но обернулась к Скаю, оценила скучающее выражение на его лице, и забираться в седло самостоятельно передумала. Я кивнула услужливому воднику, наступила на его колено, и почувствовала, как пальцы мужчины сжались на моей щиколотке, осторожно погладили ногу, и я встретила с лукавым взглядом неугомонного мага.

– Лейда Сиел, вы пытаетесь оседлать моего жеребца, – ровно произнес Скай, останавливая меня в тот момент, когда я уже оттолкнулась, перехватил за плечи, не дав свалиться, и развернул ко второму коню.

Он был выше и мощней того, на кого я едва не села. Признаться, была уверена, что это скакун водника. Похоже, так думали все, потому что я уловила удивление во взглядах воинов. Я усмехнулась, сообразив, что коня я выбрала верно, а вот способ забраться в седло – нет.

– А вы, леор Аквей, еще и лжец, – заметила я, возвращая ему не только его шпильку, но и обращение, положенное ему по праву рождения.

Деловитая физиономия Ская не дрогнула, оставшись та-

кой же невозмутимой. Он бросил взгляд на любителя поцелуев и велел:

– Вернись в седло, Войтер. И не стоит проявлять столько прыти. Поспешные прыжки могут привести к перелому, и, не дай Создатели, шеи.

– Я всего лишь хотел помочь, – возмутился водник.

– Лейда Сиел – дама достаточно взрослая и опытная, чтобы справиться с конем, – ответил Аквей, запрыгнул в седло и посмотрел на меня сверху. – Нам долго вас ждать, Игнис?

– О нет, леор Аквей. Можете не ждать вовсе, – любезно ответила я. – Впрочем, если вам угодно позабавиться за мой счет, то можете остаться. Я хотя бы почувствую себя, как дома. Даже могу представить на вашем месте моего господина. Он тоже любит наблюдать за чужой неловкостью.

Скай поджал губы, но спрыгнул на землю. Правда, в отличие от Войтера на колено не опускался, просто посадил, когда я оттолкнулась от земли, сцедив сквозь зубы:

– Пожри тебя Тьма, Игнис.

– И чем я успела вызвать неудовольствие? – не скрывая иронии, полюбопытствовала я.

– Всего лишь тем, что мы вынуждены терять время впустую, – опять солгал водник и вернулся в седло моего коня, оставив меня красоваться на своем мощном звере.

– Ну, разумеется, время, – покладисто согласилась я. Меня удостоили взгляда исподлобья, и отряд наконец тронулся с места.

И, словно издевательство, я почувствовала знакомый зуд на левом плече. Очень вовремя! Кажется, для меня наступил черед нового испытания – на выносливость. И я надеялась, что через час не стану похожа на шелудивую псину, которую зажрали блохи. Ох, бесконечный Хаос, дай мне сил...

Глава 5. День седьмой

Как давно я не спала под открытым небом? Лет четыреста тридцать пять точно. Не знаю, лежала ли вообще когда-нибудь под звездным небом, глядя на красоту бриллиантовой россыпи над головой. Не помню, засыпала ли у костра, в котором так уютно потрескивал хворост. Под треск поленьев в камине много раз, а вот в горах, завернувшись в плащ и подглядывая за тем единственным, на кого не могла не смотреть, ни разу. И под крик ночной птицы я тоже не засыпала. Но, странное дело, мне понравилось вот так лежать возле небольшого костерка и украдкой следить за синеглазым водником, ловя его ответные взгляды, брошенные украдкой.

Великая Тьма, в кого я превращаюсь? Что за жижа в голове? Сердито фыркнув, я отвернулась на другой бок и уставилась на чернеющие стволы деревьев. Ко мне вернулась возможность видеть в темноте так же ясно, как при свете дня, и я этим беззастенчиво пользовалась, теперь разглядывая кабана, затаившегося за дальними кустами. Мой шестой дар распустился в то мгновение, когда меня окружали люди. И чтобы спрятать зуд, мне пришлось разыграть целое представление с обмороком и падением с лошади. Зато то, что я после этого начала постоянно тереть плечо, уже не выглядело ни смешным, ни забавным.

А произошло это так. Когда зуд стало невозможно не за-

мечать, я приостановила коня, пожертвованного мне Аквеем, пересадила искру на холку, и, успев сгруппироваться, съехала с седла на землю. Съехала красиво, лично я считаю именно так. И когда я растянулась на изумрудной траве, один из негодяев, ехавших в отряде произнес с затаенной надеждой:

– Сдохла что ли гадина?

– Своим ядом отравилась, – подхватил второй.

– Такие быстро недохнут, – мрачно возвестил третий, а четвертый предложил:

– Может ее палкой потыкать?

Эти четверо живо напомнили тех служанок, что приходили в мое первое узилище – купальню. Мне даже стала любопытна степень родства обитателей замка, но, конечно, я всё ещё лежала в своем красивом обмороке, и вместо меня ответил Скай. Кратко и весомо он произнес только одно слово:

– Молчать! – и этого хватило, чтобы отряд затих.

Он сам подошел ко мне, склонился и... потыкал, правда, пальцем. Потыкал подлю и глумливо, под ребра, и как я не взвизгнула до сих пор не пойму, потому что впервые в жизни мне стало щекотно. Водник присел на корточки и негромко позвал:

– Игни-ис, долго будешь плащ пачкать?

Но и на это я не поддавалась, хотя тут же захотелось располосовать плащ Эйволин на лоскуты. Полежала еще немного для порядка, и затем с тихим стоном открыла глаза, расте-

рянно посмотрела на Аквея и пожаловалась:

– Голова закружилась, – сразу скривилась и, впившись пальцами в плечо, с наслаждением его потеряла. – Кажется, ударила плечо.

– Дай посмотрю, – Скай потянулся ко мне, но я, отведя его руку в сторону, гордо сообщила:

– Выживу.

– Очень жаль, – буркнул тот воин, который уповал на мою мгновенную кончину.

Такая несусветная глупость, но мне вдруг захотелось показать ему язык и гаденько похихикать. Разумеется, ничего подобного я делать не стала. Поднялась с помощью Ская, и леор Лицемер с видом легкой обреченности, «сделал мне одолжение»:

– Садись на моего жеребца. Твой великоват и слишком норовист. Этот спокойней.

В это мгновение я поняла, что Аквей умеет пользоваться ситуацией. Мы с понимаем посмотрели друг на друга и обменялись конями. Он вернулся на громадную зверину, я на конягу поменьше. Водник тронул поводья, и отряд последовал за ним. Скай довольно похлопывал своего жеребца по шее, я с таким же довольным видом почесывала «ушибленное» плечо. Искра оставленная мною во время падения на холке коня, была торжественно возвращена мне. Венн, удостоверившись, что все живы, унесся вперед, а когда вернулся, по счастливой морде было видно – кого-то сожрал. Оста-

валось надеяться, что этот кто-то был не особо против стать кормом для нашего малыша. Впрочем, людей, судя по всему, на этой дороге не было.

После того, как мы покинули замок Аквея, дорога вывела нас к водопаду, который Вайторис обнаружил в моих воспоминаниях. Скай первым подъехал к берегу озера, в которое падал водопад, поднял руку, и вода, забурлив, поднялась и распалась на две стороны, открыв нам проход прямо к водопаду, вдруг прекратившему свое течение. Он навис над головой жутковатой искрящейся на солнце глыбой, готовой обрушиться сверху и придавить своей мощью. Однако мы свободно прошли по образовавшемуся проходу и лошади шагнули под округлый свод пещеры.

И тут же движение воды возобновилось. Водопад, гулко ударившись о дно озера, обдал роем брызг тех, кто не успел отойти подальше. С шумом сошлись воды озера, а вскоре все прочие звуки затихли. И под сводами пещеры, освещенной мхом-светилкой, который рос в темных и влажных местах, был слышен только плеск подземной речушки под копытами лошадей.

А вскоре мы свернули в ответвление, где мох устилал и каменный пол, и он скрыл лошадиный цокот. Оценив все эти ухищрения, я подумала, что браннеры никогда не почуют след. Вода и мох скрыли нас от взоров и носов тварей Вайториса. Меня подмывало спросить, когда Скай успел продумать все эти предосторожности, потому что отход прислуги

и хозяев из замка был явно хорошо подготовлен.

За всё время, пока мы пробирались подземными галереями, в отряде царило молчание. И даже когда мы вышли на берег небольшой речушки и перешли ее вброд, никто так и не произнес ни слова. Скай, ехавший первым, казалось, совсем забыл о своем сопровождении. Не нарушал тишины любитель поцелуев, он так ни разу и не решился заговорить со мной. То ли предостережение Аквея о переломах произвело на него впечатление, то ли не хотел злить товарищей своим расположением ко мне. В любом случае, я без его намеков и подмигиваний не скучала.

В отличие от мужчин я наслаждалась прогулкой. И солнечными лучами, и запахом цветов, наполнившим воздух, и ветром, и шелестом листвы на деревьях, и даже смешными коленцами Венна, резвившегося на воле, как малое дитя. Впрочем, кем еще была эта случайно созданная водяная сущность? Для него это мир был в новинку.

Но самое любопытное, что и для меня каждый лошадиный шаг оказался открытием. И совсем забывшись, я скинула с головы капюшон, мешавший мне смотреть по сторонам, задрала лицо к небу и зажмурилась, мечтательно улыбаясь, когда яркие лучи ослепили даже сквозь сомкнутые веки. С ума сойти! Почему я раньше не замечала, что простая зелень может быть такой красивой? Почему видела совершенство лишь в лепестках пламени, когда каждая травинка, каждый цветок, каждый корявый ствол идеален по своей сути?

Я подняла ладонь, и бабочка, опустившись на нее, пощекотав мне пальцы лапками. Несколько мгновений я рассматривала легкокрылое создание, после шепнула:

– Лети, – и она, вспорхнув, умчалась от меня.

И пока бабочка летела, я с улыбкой провожала ее взглядом, удивляясь тому, как прекрасен этот незамысловатый полет. А когда она скрылась из вида, я тряхнула головой, накинула обратно капюшон и затихла, подавленная осознанием происходящего. За какой Тьмой, как говорит мой водник, со мной творится всё это? Идет всего лишь седьмой день без Господина, а я начинаю сходить с ума и любоваться на полет бабочки. Неужели это связь с Аквеем лишает меня разума?

Вскинула на него взгляд, и Скай обернулся, будто ощутив, что я думаю о нем. Он ответил полувопросительным-полудумчивым взглядом, затем отвернулся и больше не вспоминал обо мне до самой темноты, встретившей нас на маленькой лесной поляне. Это был первый привал с того момента, когда мы выехали из ворот замка.

– Спешиться, – приказал Аквей.

В этот раз Войтер мне не помогал. Я сама слезла с коня, забрала с холки Искру и с удовольствием потянулась. Цветок в этот раз долго не мучил меня, он распустился, когда еще не начало темнеть, и то, что скоро наступает ночь, я поняла из негромких разговоров, потому что темноты я не заметила. Впрочем, когда этот дар появился у меня в первый раз, я тоже потерялась, но быстро научилась различать разницу

между тем, как я вижу днем, а как ночью. Сейчас мне лишь оставалось вспомнить об этом.

Искра прыгнула с моего плеча и исчезла в траве. Я ей не мешала, крыса тоже устала от долгого перехода. Зато Венн теперь крутился рядом, не позволяя никому приближаться ко мне. Правда, приближаться как раз никто не спешил. Даже Скай, хоть и поглядывал, но не подходил. Только когда было готово простое грубое варево, он принес мне миску с похлебкой, ложку и присел рядом, внимательно вглядываясь в лицо.

– Устала? – спросил водник.

Я пожала плечами и подняла глаза к небу, уже заполненному звездами.

– Ты раньше это видел? – я указала взглядом вверх.

– Сто тысяч раз, – усмехнулся Скай.

– А я ни разу, – ответила я и взялась за ложку.

Аквей еще некоторое время рассматривал меня и хотел уже отойти, больше ничего не сказав, но я остановила его.

– Скай.

– Что? – он снова присел рядом.

– Господин снова будет звать меня, – сказала я. – Если он захочет, я покажу, где мы прошли.

– Показывай, – пожал плечами водник и отошел от меня.

Я нахмурилась, пытаюсь понять безразличие Скай, но вскоре махнула рукой. Если Вайторис все-таки нагрянет, меня может и не тронуть, а Аквей со своими людьми пусть раз-

бираются сами. Впрочем, я еще надеялась, что смогу сбить Господина со следа, выдав ему ложные воспоминания за настоящие. Удастся же мне не показывать ему то, что происходит между мной и водником. И значит, нужно всего лишь заранее продумать свои воспоминания, и пусть Вайтор любителю на них. «Реальность – это то, во что ты веришь, Игнис». Вот именно, мой господин.

Больше я на мужчин внимания не обращала, занятая созданием в своей голове ложной реальности. А когда Скай указал мне на лежанку у костра, опустилась на нее без разговоров, собираясь сладко уснуть, но еще долго лежала, прислушиваясь и подглядывая из-под ресниц, и думала об очаровании ночи.

И когда сон принял меня в свои объятья, налив веки тяжестью, я снова вспомнила прошедший день. Но не тот, который я прожила, разглядывая красоту летнего дня, а тот, где мне связали руки, накинули на голову мешок и, перекинув через седло, везли в неизвестном направлении. Я слышала звук воды, слышала щебет птиц, но из запахов чувствовала лишь один – запах пыли от грязного мешка. Вот такая я бедная и несчастная, пожалей меня, Вайтор. Ах да, ты же не знаешь жалости, тогда просто не наказывай, а лучше возьми снова, и я посмотрю на то, каким равнодушным умеет быть Скай Аквей...

– Тьма, – выдохнув, я распахнула глаза.

И только собралась отругать себя за лишнюю последнюю

мысль, как забыла обо всем, о чем вообще думала, потому что я стояла на берегу бурной широкой реки. Ни моста, ни переправы, только пороги и оглушающий рокот воды. И всё бы ничего, что только во сне не привидится, но на другой стороне реки стоял черный замок, объятый огнем, и перейти к нему не было никакой возможности.

– Игнис... – долетел до меня едва слышный шелест голоса Господина. – Игнис...

– Вайторис, – прошептала я и увидела его перед воротами замка.

Он смотрел на меня, и взгляд его прожигал раскаленным прутом. Господин ждал, и я послушно шагнула к реке, думая о мешке на голове, о пении птиц и голосах воинов, обсуждающих, удавила ли меня веревка, перетянувшая мешок на горле, или нет. А еще думала о том, как тоскую по своему Господину, и как хочу к нему перебраться, но река такая широкая и быстрая, и вода в ней такая ледяная, что я вряд ли доберусь даже до середины.

– Игнис! – громовой раскат голоса Вайториса перекрыл рокот воды на перекатах.

Вскинула голову и с мольбой посмотрела на него, простерла руки, показывая, что я хочу к нему, но... Слишком широкая река, слишком стремительная. Я не смогу ее перейти. И как только зайду в нее, меня подхватит течением. Унесет далеко-далеко, где не будет ни моего дорого Господина, лучшего из живущих, ни самой жизни, потому что я захлебнусь

и умру. Я ведь такая слабая и смертная.

– Вайторис, – с мукой в голосе повторила я, прижала ладони к груди и в бессилии свесила голову на грудь, печалась о том, что сегодня Господин не подарит мне своих ласк. Ведь только они имеют для меня смысл. Только он способен доставить мне радость наслаждения.

Снова подняла голову, чтобы посмотреть на Вайтора. Он уже стоял на самой кромке воды, и волны, словно взбесившиеся псы, бросались на него и в одно мгновение намочили его одежду, лицо и волосы. И всё равно он был прекрасен, мой Господин, и я с гордостью любовалась тем, как он без страха делает шаг в пучину. Но течение так стремительно, что способно подхватить даже Вечного и унести, так и не дав мне прижаться к его груди. О, мой Господин, мой Повелитель и Создатель. Я преклоняюсь перед твоей силой и боготворю твой образ. Я не устану благодарить тебя за то, что ты обратил на меня свой взор.

Но только река бежит так быстро, что он не сможет устоять и упадет под натиском ледяных волн. И даже если сможет плыть, его всё равно снесет течением.

– Игнис, не смей! – закричал Вайторис, когда волны все-таки подхватили, закружили и понесли по течению. – Прекрати!

– Господин! – надрывно заорала я и бросилась по берегу следом.

Но река так быстра, что мне не догнать его. Мой Господин

исчезнет из виду раньше, чем я добегу до того утеса.

— Господин!!!

Красноволосая голова показалась среди яростного течения, освещенная бушующим огнем со стен горящего замка, и исчезла еще до того, как я добежала до утеса, нависавшего над рекой. Я остановилась и горестно вздохнула. Сегодня я так и не смогу обнять своего Хозяина и не скажу ему, как сильно тоскую без него...

И всё исчезло. Река, черный замок и грохот перекатов. Теперь я стояла на вершине невысокой горы и смотрела на каменный дом в два этажа. Он не был ни беден, ни богат, но чем-то знаком мне. Этот дом не защищали высокие стены, не стояли стражи. Рядом не было других домов, словно обитатели не приметного домика хотели уединения. Вокруг царило умиротворение и тишина, нарушаемая лишь перезвонном ручейка, спрятавшегося где-то недалеко в траве.

Я неспешно спустилась с горы, осторожно приблизилась к дому и остановилась, отчего-то не решаясь заглянуть в единственное освещенное окно. Однако любопытство переселило, и я все-таки сделала несколько шагов, что отделяли меня от маленького окошка, где плясали отсветы огня. Судорожно вздохнув, я приложила ладони к стеклу и заглянула внутрь.

Это была гостиная, где в камине играли безобидные лепестки пламени. Возле камина, спиной ко мне, стоял мужчина. Он был не особо высок, но статен. Черные волосы мужчины были заплетены в длинную косу, достигавшую его пояса.

ницы. Никакой вычурности в одежде, бедности, впрочем, тоже не ощущалось. И вдруг, словно ощутив, что на него смотрят, мужчина порывисто обернулся, и я встретила взглядом с темно-зелеными глазами. У мужчины были правильные приятные черты. Прямой нос, четко очерченные не полные губы, упрямый подбородок с ямочкой. Он склонил голову к плечу, рассматривая меня, и жест этот мне показался слишком знакомым, чтобы не обратить на него внимания. Губы мужчины дрогнули, и на них заиграла приветливая улыбка. Он поманил меня, приглашая зайти в дом, но я шагнула от окна, вдруг ощутив приступ настоящего ужаса, развернулась и бросилась прочь, туда, где звенел невидимый ручей.

Трава цеплялась за мои щиколотки, словно пыталась удержать. Из земли вырвался корень дерева, стоявшего неподалеку. Зазмеившись по траве, он бросился мне в ноги, но я перепрыгнула его, спеша сбежать подальше от одинокого дома. Отмахнулась от стайки мотыльков, преградивших мне путь, и остановилась, вслушиваясь в водный перезвон, как в свое спасение.

Ручеек обнаружился всего в двух шагах от меня. Я в последний раз обернулась и вновь встретила взглядом с черноволосым мужчиной. Он стоял на склоне, скрестив руки на груди, и укоризненно качал головой.

– Я тебя не знаю! – истерично заорала я и перешагнула ручеек...

Изумленно огляделась, не обнаружив ни холма, ни мужчины, ни домика. Теперь я стояла на каменной площадке, нависшей над пропастью. Где-то гремел невидимый водопад, но я всё равно слышала, когда кто-то за спиной произнес:

– Я буду стремительней ветра.

Резко обернулась, но никого не увидела. Я была совершенно одна, и лишь далекий огонек костерка манил меня приблизиться. И я точно знала, что в этом огне нет угрозы. Всего лишь маленькое пламя, разожженное для того, чтобы согреться. Еще раз оглядевшись, я охнула – вокруг меня был лес, и только плеск неспешного течения узкой реки, слышался где-то совсем рядом.

Я уверенно направилась к огню, и когда подошла, то увидела спящих воинов Скайрена Аквея, но самого его у костра не было. Пустовала и моя лежанка. Я зевнула и уселась на нее, радуясь тому, что я наконец усну. Улеглась, завернувшись в голубой плащ Эйволин, еще раз зевнула и провалилась в сон, в этот раз без всяких сновидений. Так что, когда меня потрясли за плечо, я проснулась бодрой и отдохнувшей.

Чего нельзя было сказать о Скае, присевшим рядом со мной на корточки. Глаза его были красными, лицо уставшим, и весь он выглядел каким-то взъерошенным и вымотанным. Он посмотрел на меня хмурым взглядом и кивнул в сторону от лагеря:

– Надо поговорить, – сказал водник.

– Почему не здесь? – мне было всё равно, где разговаривать, но не хотелось идти следом в покорном молчании.

– Потому что там, – весомо ответил Аквей.

Я пожала плечами, поднялась со своего жесткого ложа и потянулась. Плащ скользнул по телу вниз, Скай протяжно вздохнул, проследив за мной, и тоже поднялся на ноги.

– Идем, – велел водник.

– Как скажешь, милый, – хмыкнула я.

– Прекрати, – отрывисто произнес Аквей. – Моего имени для обращения вполне достаточно.

– Фу, какой злюка, – насупилась я. – Не буду с тобой разговаривать.

Водник был совсем не в духе, поэтому сжал мое запястье и рывком дернул на себя, поймал, развернул в сторону ближайших деревьев и несильно подтолкнул в их сторону.

– А еще светлый, – я покачала головой, но спорить и дразнить и без того злого мужчину больше не стала.

Вскоре Скай обогнал меня и направился туда, где я ночью видела кабана. За кабаньими кустами обнаружилось поваленное дерево, туда-то меня и усадил водник. Взьерошил еще больше свои волосы, став похожим на сердитого сорванца, одарил меня пристальным взглядом синих глазищ и спросил:

– И что это было?

Почесав пальцем кончик своего носа, я недоуменно пожала плечами.

– Иногда твои вопросы ставят в тупик, – доверительно сообщила я. – Если ты добавишь в свой вопрос еще хотя бы пару слов, возможно, я и смогу ответить.

– Что произошло ночью... в этом проклятом сне с рыжим и его замком, – сразил меня пояснением Скай, неуважительно понизив Вечного до рыжего. – Я хочу понять, Игнис. Пока я лишь знаю, что смог преградить тебе дорогу, последовав за тобой.

– Еще немного пояснений, – попросила я, опешив еще больше от того, что говорил водник. Прощел за мной? Преградил путь? Как?!

– Что там пояснять, когда ты и так всё знаешь? – раздраженно ответил Аквей и, упав рядом со мной на поваленный ствол, ожесточенно потер лицо. – Он шагнул в воду, и я понял, что не смогу удержать его. А потом... Тьма, потом я просто ощутил силу, словно кто-то вливал ее в меня. Правда, дальше стало хуже, но некоторое время мы были с ним равны. Это ведь ты мне помогла, больше там никого не было. Только я никак не могу разобраться во всем этом мороке.

– Да как бы я посмела идти против Господина, – ответила я, нервно покусывая кончик ногтя на большом пальце.

– И все-таки, – пронизательный взгляд поймал меня в ловушку, не давая увильнуть.

Кривовато усмехнувшись, я поднялась на ноги, не удержалась и пригладила взъерошенные светлые волосы, расчесав их пятерней. Водник смотрел на меня снизу вверх, ожи-

дая ответа, а мне до зубного скрежета хотелось прижать его голову к своей груди и постоять так немного, ни о чем не разговаривая. И словно в ответ на мои мысли, Скай сжал мою талию и притянул ближе. Он сам уткнулся лбом мне в грудь и негромко напомнил:

– Так что ты сделала, Игнис?

– Ничего, – улыбнулась я. – Реальность, Скай – это то, во что ты веришь. Я просто верила тому, что видела, вот и всё.

Он вскинул на меня голову и прищурился:

– То есть...

– То и есть, леор Аквей, – ответила я, высвобождаясь из объятий, потому что за спиной уже слышались чьи-то шаги. – Я просто очень доверчивая. Но, – я склонилась к его лицу и быстро шепнула, – не вздумайте поверить в то, что этот закон одинаков для всех реальностей. В мире предначертанного силой веры и мысли изменить ничего нельзя. По крайней мере, я бы пытаться не стала.

Водник вдруг сжал мое лицо ладонями, провел большим пальцем по губам, задержал на них взгляд и произнес севшим голосом:

– Убери свое наваждение.

Я сжала пальцами мужские запястья и, отведя его руки в стороны, невесело усмехнулась:

– Если бы я знала как, то уже освободилась бы от тебя, Скайрен Аквей.

– Нужно найти способ, – уже более твердо ответил вод-

ник. – Это невыносимо.

– Правда? – я понизила голос, потому что еще невидимый нарушитель нашего уединения остановился за кустами. – Невыносимо прекрасно?

– Скорей, просто бесит, – ответил Аквей и повысил голос, не сводя с меня взгляда: – Войт, выходи, я тебя слышал.

Ах вот кто у нас такой любопытный... Обернувшись, я с интересом взглянула на второго водника, раздвинувшего руками кусты. Он мазнул по мне взглядом и больше не замечал, я не возражала. Отошла в сторону и отвернулась, прислушиваясь к разговору двух мужчин.

– Завтрак готов, Скай, – оповестил Аквея Войтер.

– Мы сейчас подойдем, – ответил мой водник.

– Скай, – Войт понизил голос, – ты слишком долго находишь с ней наедине. Люди волнуются.

От смешка мне удержаться не удалось, но влезть в разговор не успела. За меня ответил Скайрен, да еще как ответил... Он не произнес ни слова, даже пальцем не шевельнул, но с травы вдруг взмыли капли росы и замерли в воздухе, словно застывший дождь. Лучи утреннего солнца, пробившиеся сквозь листву, отразились яркими бликами, ослепив, а еще через мгновение воздух заполнился ослепительными росчерками, когда капли сорвались с места и бросились ко мне, подобно рою взбесившихся светлячков. А когда они вновь застыли в воздухе, я оказалась накрыта прозрачным кубом, не имевшим ни одной бреши. Однако он состоял

из воды, и я, ухмыльнувшись, протянула руку, собираясь показать всю ненадежность такой темницы, но рука ударилась в ледяную твердь, так и не сумев пройти сквозь стену куба. Постучала двумя ладонями, поджала губы и с силой стукнула в стенку локтем. Тут же взвыла и затрясла рукой, возмущенно глядя на синеглазого водника.

Скай ответил невозмутимым взглядом, и куб пошел трещинами, развалился на части, но вода вновь поднялась с травы. Потекла вертикально вверх, собираясь в две фигуры, и когда они обрели плотность, за моей спиной стояли два прозрачных стража. От них шел неприятный холод, я передернула плечами и собралась отойти, но в предплечья мне вцепились холодные пальцы.

– Акве-эй, – ядовитой гадюкой зашипела я, глядя на водника уже со злостью.

Скай не обратил на меня внимания. Он повернул голову к моему притихшему поклоннику.

– Ты удовлетворен, Войт? Можешь передать остальным, что я в полной безопасности.

– Д-да, – запнувшись, кивнул второй водник. – А-а...

Он так и не договорил, что хотел и, скрывшись за кустами, направился к отряду. Аквей проводил его взглядом и с неожиданной яростью ударил ладонью по поваленному стволу, с которого так и не поднялся. Мои стражи разлетелись брызгами воды, а мне достался сердитый взгляд синих глаз.

– Что? – я всё еще была возмущена и даже обижена.

– Видишь, до чего ты довела? – менторским тоном спросил Аквей.

– Я?!

– Они переживают за меня, за мужчину, оставшегося наедине с женщиной, – всё тем же тоном продолжал отчитывать меня Аквей. – Думаешь, они сомневаются в моей силе? Никому в голову не придет назвать меня беззащитным, дураков и самоубийц нет. Но, зная с кем я, мужчины-воины начинают переходить грань и унижают меня своей заботой. Тьма! Игнис, разве женщина должна внушать ужас? Разве должна она быть бездушным чудовищем, чьим именем пугают детей?

Я с минуту изумленно взидала на наглеца, вздумавшего меня учить, открыла рот, чтобы ответить, но водник взметнул вверх ладонь, останавливая меня жестом. Поднялся с бревна, подошел вплотную, подцепил пальцем подбородок и заглянул в глаза:

– Как он сделал из тебя зверя, Игнис? – негромко спросил Скай. – Как ты попала к нему? Почему он выбрал тебя? Что было до Вечного? Кто ты такая, Игнис Сиел? И таково ли твое настоящее имя?

И мне вдруг стало страшно от его вопросов. Чего боюсь, не понимала, но паника, зародившаяся комом в груди, все росла и ширилась, превращаясь в ледяную пустоту, заполнившую меня целиком. Несмотря на теплое утро, похолодели пальцы на руках. Стало зябко и неудобно... и жутко. Жут-

ко думать о том, что на эти вопросы водника могут быть ответы.

– Ну, хоть что-нибудь ты помнишь?

– Зачем? – сипло спросила я. Голос сорвался, и я откашлялась. – Зачем тебе знать всё это? Зачем МНЕ искать ответы?

– Хотя бы для того, чтобы звезды перестали быть для тебя в диковинку, – сухо ответил Скай и отошел от меня. – Или для того, чтобы не радоваться, как дитя, глядя на летящую букашку. Кто ты, Игнис?

– Я... – мне пришлось вновь откашляться. – Я – верная слуга моего Господина. Служба ему – великая честь. Это мое единственное призвание и назначение.

– Тьма, Игнис, ты хоть слышишь себя? Ты понимаешь, что повторяешь зазубренный урок? Ты похожа на прилежного ученика, но не на того, кто верит в то, что говорит.

Я развернулась и стремительно зашагала назад к отряду. И плевать, как будут глядеть на меня воины. Плевать на то, что скажут. Не хочу я слушать проклятого водника. Не хочу и не буду! Зачем мне память о жизни, в которой не было Вайториса? Лишь он один имеет значение. И я вернусь к нему, как только почувствую, что моей жизни ничего не угрожает. Вернусь и буду вновь преданной слугой и верной наложницей.

– Игнис!

– Отстань, – не оборачиваясь, сердито отмахнулась я.

– Ты бежишь не от меня! – снова крикнул Аквей. – Ты бежишь от себя, но от себя убежать невозможно, и однажды ты сама себе задашь все эти вопросы. Игнис!

– Гори в огне, Аквей, – буркнула я и остановилась, как вкопанная, неожиданно обнаружив, что по щекам бегут слезы. Я зло стерла их, с недоумением рассмотрела мокрые пальцы и сжала кулаки. Бесконечный Хаос, верни мне разум, о большем не прошу. Встретившись взглядом с Войтом, напряженно следившим за мной, я передернула плечами, вновь беря себя в руки. – Тьфу, на вас на всех.

Вздернув подбородок, я прошла к своему жеребцу. За спиной зашуршало, до слуха донесся крысиный писк. Склонившись, я подняла Искру и погладила по голове Венна, уже тершегося о мое бедро носом. На Аквея, успевшего вернуться к отряду, я не смотрела, потому что продолжала злиться на него. Ни за что больше не буду с ним разговаривать. Особенно наедине. Выслушивать и дальше глупости, которые говорит водник, я не собиралась. Приняв решение хранить молчание, я немного успокоилась, а когда отряд тронулся в путь, пришло чувство покоя и прежняя уверенность в себе.

Закончив завтрак, отряд сразу тронулся в путь. Мы двигались к какой-то цели, но о ней не знала только я. Впрочем, именно меня она и не интересовала. Я всего лишь тратила время до своего возвращения в Черный замок. И куда бы Аквей не вел своих людей, я там надолго не задержусь. Я

даже не хотела спрашивать, куда мы направляемся, да и вряд ли Скай просветил бы меня, теперь зная, что я не смогу это скрыть от Вайториса.

Вайторис... Прикрыла глаза и вызвала в памяти образ своего Господина. Мне хотелось ощутить всю силу тоски по нему, хотелось почувствовать боль разлуки, возможно, желание при воспоминании о ласках. Еще хотелось ощутить, как меня терзает раскаяние за то, что мой взгляд помимо воли упирается в спину Аквея, по-прежнему ехавшего впереди отряда, и за то, что ночью, выстроив цепь событий, отправила Вайтора искупаться в полноводной реке. Мне хотелось почувствовать себя прежней: цельной, равнодушной ко всему, кроме моего Господина. Но с ужасом поняла, что... не тоскую! И раскаяния нет, и даже в замок я не хочу возвращаться... пока не хочу. Не хочу снова стать пленницей среди стен из черного камня. Не хочу видеть в окне сумрак, который не в силах прорезать солнечный луч. Хочу полной грудью вдыхать чистый воздух, наполненный светом и жизнью. Хочу смотреть, как мимо пролетает птица, хочу ощущать кожей дуновение ветра и слышать шорох травы под лапами зверя, спешившего обойти человеческий отряд стороной.

Вновь воскресила в памяти лицо Вайториса, каждую его черточку. Глаза, нос, скулы, губы, подбородок. Я столько разглядывала его, что могла бы нарисовать по памяти, если бы захотела, но рисунок не смог бы передать ни силу, исхо-

дящую от него, ни величие Вечного. Ты прекрасней всех в этом мире, мой Господин. Нет равного тебе в могуществе и власти. Ты – хранитель Граний, и только твоя воля имеет значение. Только ты царишь в моей душе, только ты...

«Сними свое наваждение». Я распахнула глаза и встрети-лась взглядом с синими глазами, в которых сверкнул солнеч-ный блик. Аквей развернул коня мне навстречу и теперь вос-седал на нем, удерживая за повод моего жеребца. Вязкая ти-шина разлилась вокруг, поглотив все звуки. Ничего не оста-лось, кроме меня, водника и переплетенья наших взглядов. Что за проклятая магия таится в его взгляде? Отчего грудь сдавливают в тиски, и каждый новый вдох становится пыт-кой?

– Дыши, Игнис, – шепнул Скай, и воздух послушно хлы-нул в горло.

– Что... тебе нужно, Аквей? – с трудом выговорила я, пы-таясь усмирить бешеный бег сердца.

– Поговорить, – ответил он, продолжая смотреть на меня.

– Я не хочу разговаривать с тобой?

– Почему? Я заставляю тебя думать?

Я отвернулась, разрывая зрительную связь. Аквей неопре-деленно хмыкнул, тряхнул головой и, наконец отпустил по-водья моего коня.

– Игнис Сиел – одна из самых жутких легенд нашего мира всего лишь маленькая трусишка. – Не без ехидства отметил Скай, развернул своего жеребца и, пришпорив его, умчался

от меня.

Я некоторое время смотрела ему вслед, борясь с желанием догнать наглеца и высказать ему, что думаю о его подначке. Высказать со всем высокомерием и насмешкой, на которые способна. Все-таки не выдержала. Пришпорила коня и помчалась вдогонку слушая за спиной дробный перестук копыт лошадей всего отряда.

– Скай! – крикнула я, в одно мгновение забыв о недавно принятом решении не разговаривать с нарушителем моего покоя. – Скайрен Аквей, немедленно остановись и повтори, что ты сейчас сказал! Скай, Тьма тебя дери!

– Что? – он натянул поводья.

Позади заржала чья-то лошадь, кто-то крепко выругался. Кажется, люди водника приходят всё в большее недоумение от поведения своего господина. Только самому господину, похоже, было на все плевать. И на недоумение, и на хмурые взгляды, которые теперь достались и ему. Он восседал на своем громадном зверюге, поглядывая на меня с ленивым любопытством... высокомерно и насмешливо. Тьма...

– Лейда Сиел решила нарушить обет молчания? – иронично вздернул бровь водник.

– Чтоб тебя пожрал Хаос, Скайрен Аквей, – ответила я, останавливаясь рядом.

Он выжидающе смотрел на меня, а я пыталась понять, зачем вообще бросилась вдогонку, и что именно я собиралась высказать ему? Еще семь дней назад я бы просто послала

вслед воднику огонь и смотрела, как он гибнет. Пила бы его боль и ужас, постанывая от удовольствия, но ведь у меня нет сейчас ни огня, ни возможности чувствовать чужие эмоции. Значит, нужно сказать что-то такое, что могло бы заменить огонь и просто получить удовольствие от смятения на лице Аквея, но пока смятение, должно быть, читалось на моем лице, потому что я молчала, лишь сверлила мужчину взглядом исподлобья.

– Это всё, что ты хотела мне сказать? – полюбопытствовал водник.

– Нет, – мотнула я головой и выпалила: – Я не трус! И если осмелишься еще раз оскорбить меня, сильно пожалеешь.

– И что же ты можешь мне сделать, Игнис? Быть может, оглушишь визгом или выцарапаешь глаза?

Мне показалось, что меня сначала макнули в ледяную воду, затем обдали кипятком. Жар разлился по телу, опалил щеки, и желание броситься на Аквея с кулаками я удержала лишь усилием воли. Кое-как справившись с ненужными эмоциями, я заставила себя вздернуть подбородок и холодно ответить:

– Значит, такова великая мораль добра – ударить безногого калеку по оставшимся культям? И чем твой Свет отличается от моей Тьмы, Скайрен Аквей? Хотя знаю, я бы не стала терзать, убила бы сразу. Но ты можешь продолжать глумиться, наверное, это и называется милосердием.

Хотела развернуть коня и вернуться на свое место, но

Скай перехватил поводья, и теперь иронию в его глазах сменила злость. Он подался ко мне и произнес тихо, но в этом негромком звуке его голоса зазвенел металл:

– Ты хочешь рассказать мне о милосердии? Проводишь параллели? Тогда ответь мне, умница Игнис, почему ты просто не всадила нож в сердце Эйвилу? Зачем ты заставила его корчиться на полу, орать и рыдать, словно малое дитя? Зачем держала меня в темнице и терзала столько времени? Почему не приказала стражнику снести мне голову, как бедняге Лайсу? – Я открыла рот, но не нашла, что ответить. Сказать с усмешкой: «Я же темная»? Так не я ли сама только что утверждала, что убью сразу? – Разве я лишил тебя силы, чтобы сейчас ты злилась на меня? Не твой ли обожаемый господин превратил тебя в беззащитного младенца? И за что? Постой! Я вспомнил – за твою собственную затею. То есть ты обиделась на меня за то, что решила опоить своей кровью, едва не отдалась мне, нарушив запреты Вечного, а после получила заслуженную кару, а я случайно напомнил тебе о твоей неосмотрительной выходке? Ах, мерзавец, да как я смел?

– Случайно? – взвилась я. – Ты ударил намеренно...

– Не суди по себе, – оборвал меня Скай. – У меня не было намерения обидеть тебя. Наш утренний разговор расстроил тебя, и твой несчастный вид...

– Несчастный вид?! С чего ты решил, что у меня несчастный вид?

– Да ты бы видела себя, – немного повысил голос водник. – В глазах тоска, потерянная...

– Да ты ополоумел, светлый? – издевательски рассмеялась я. – С чего бы мне быть потерянной? Я твердо знаю, кто я и что мне нужно от жизни...

– И поэтому со слезами сбежала, как только я задал неудобные вопросы...

– Ты говорил чушь! С чего бы мне рыдать? Если только от жалости к тебе...

– Разумеется, чушь, – теперь издевательски хохотнул Аквей. – А глаза у тебя слезились от ветра...

– Да что тебе дались мои слезы?! Какое тебе вообще до меня дело?

– Да не было никакого, пока ты не вздумала опоить меня!

– Господин...

– Что?! – мы со Скаем одновременно обернулись к подехавшему воину.

– Вы слишком громко кричите друг на друга, – мужчина поежился, но все-таки решил продолжить: – Мы уже въехали на земли тригов. Не сочтите за дерзость, леор Аквей, но нам бы шуметь поменьше.

– Тьма, – выругался сквозь зубы Скай. – Я услышал тебя, Раф.

Я нахмурилась, вспоминая, кто такие триги. О том, что мы с водником орали друг на друга на глазах его отряда, я постаралась не думать, уж больно это напоминало семейный

скандал, жуть какая. Мотнув головой, я вернулась к таинственным тригам.

– Полулюди, полужвери, – словно услышав мои мысли, произнес Аквей. – С них ничего не возьмешь, так что вряд ли ими интересовался твой рыжий. У них и разум-то как у младенцев. Живут по звериным законам. Есть вожак – сильнейшая особь в племени, все самки принадлежат ему. Так что если на нас нападут, ты уже заведомо его женщина.

– Дикость какая, – я передернула плечами.

– Ну, конечно, – усмехнулся Скайрен. – Ты это им и объяснишь, если нас уже ожидает засада. Твои вопли разве глухой не слышал.

– А ты у нас тихий ручеек, – язвительно ответила я, – и не драл тут глотку, словно раненный в зад медведь.

– Отлично, мы переходим на новую ступень взаимоотношений, – с пафосом воскликнул водник, воздев руки к небу, и закончил тише и ворчливо: – Этого еще не хватало.

– Вот и помолчи, – фыркнув, я накинула на голову капюшон и показала, что разговор окончен.

Отряд возобновил путь. Теперь я оказалась в его центре. На меня старались не смотреть, и это мне тоже было понятно. Оружия мне никто давать не собирался, и не потому, что я женщина, а как раз потому, что обращаться с оружием я умела. Не доверяли мне водники, и, в общем-то, я их за это не осуждала. Знай я, что Вайторис встретит меня с расprostертыми объятьями, и имей возможность добраться до него,

глотки бы перерезала всем, кто пытался меня задержать, без сожаления и жалости. Но пока над моей головой висело новое наказание, которое, возможно, не переживу, я по-прежнему собиралась оставаться хорошей девочкой. А хороших девочек принято защищать, вот и пусть защищают. И пускай воины воротили от меня носы, но приказ господина нарушать не осмеливались. Меня это вполне устраивало.

Скайрен вывел своих людей к широкому лугу, остановился на его кромке, поднял вверх руку и замер, явно прощупывая пространство. После свернул налево и направил коня к рощице, росшей на берегу широкого оврага. Здесь он снова остановился, мотнул головой и показал, что мы возвращаемся.

– Пожри их Тьма, – выругался рядом Войт.

Я повернула к нему голову, и мой поклонник, бросив на товарищей быстрый взгляд, все-таки пояснил:

– И на лугу засада, и в овраге. Но на поле особей меньше, раз Скай ведет нас обратно.

– Триги обладают магией? – спросила я.

– Нет. Они не чувствуют токов магии, – ответил Войтер.

– Тогда в чем дело? С силой Ская, плюс вы, положить зверье недолго.

– Чего еще ожидать от убийцы, – проворчал один из воинов, ни к кому не обращаясь.

Я сделала вид, что не слышу, но взгляд от Войта не отвела, ожидая пояснений. Он коротко вздохнул, однако ответил:

– Триги – существа не магические, применять против них магию – преступление. Это как обидеть младенца. Если нам доводится с ними встретиться, мы сражаемся оружием. Если эти существа были сотворены Создателями, значит, мы не имеем права уничтожить племя под корень. Мы ведь не убийцы, Игнис.

– Зачем тратить столько слов на ту, кто привык отнимать жизнь даже у тех, кто не может себя защитить? – произнес еще один воин.

Мне стоило промолчать, но слова мужчины вдруг царапнули, и я ответила, не оборачиваясь к нему:

– Я исполняю волю моего Господина. Я его разящий клинок...

– Ну да, – усмехнулся третий воин, – о чем думает дубина, когда ее опускают на чью-то голову?

– А ни о чем, – хмыкнул четвертый, – нет у дубины разума. Хозяин махнул, дубина ударила.

– Верно, – я поправила капюшон, неосознанно натягивая его глубже, – дубина не думает, но раскроить череп может, лишь когда ее направляет верная рука. Мой господин велик и могущественен. Он не ошибается, нанося удар, и если я вершу его суд, значит, он справедлив. Это истинно.

– Стало быть, лейда Сиел, – вклинился еще один воин, пожалуй, самый зрелый из всех, – вы всего лишь слепое орудие? Вам всё равно, кого и за что вы разите? Темный спустил тетиву, и вы помчались, чтобы нанести удар.

– Сука, она сука и есть. Натравили, побежала, – не скрывая презрения и злости, подал голос тот, кто заговорил первым.

– Прекратите. – Голос Ская прозвучал негромко, но его слышали все.

– Верные суки бесценны, – я обвела воинов надменным взглядом.

– Игнис! – Аквей обернулся ко мне. Я фыркнула, но замолчала. – Кто еще вздумает сейчас подать голос, будет молчать до конца перехода. Касается всех. – Водник раздраженно тряхнул головой и закончил: – Если триги нападут, не думайте, что я не узнаю, кто ударил ножом пленницу, так что смысла валить на шальной удар смерть Игнис нет. Карать буду без жалости. Осознали? Теперь всем внимание, засада слева. Скорей всего, нас пропустят, но встретят позже. Не расслабляться.

Воины молча кивнули, похоже, ни у кого не возникло сомнения в словах Аквея. Я молчала тоже, и не только потому, что не хотела проверять, насколько Скай готов исполнить угрозу, но и потому что наедине с собой мне не нужно было претворяться. В глубинах капюшона вся надменность слетела, как осенняя листва. Я закрыла глаза и судорожно вздохнула, призывая себе на помощь извечное равнодушие.

Бесконечный Хаос, почему меня задели слова, которые я до этого слышала бесконечное количество раз и смеялась над ними? Что нового сказали воины? Ничего! В чем винят

меня? Над чем насмеются? Над тем, что я была предана моему Господину и исполняла его приказы, не ведая жалости? Так разве же не о таких слугах мечтают правители всего мира? Разве же не ищут себе верных псов, не награждают их за преданность? Всё, что совершила, я совершила во славу Вайториса и во имя его. На моих плечах не лежит тяжесть вины за то, что я делала. Я знаю, что права во всем. Права! Тогда почему мне так тошно, словно в мою душу выплеснули ведро помоев?

Не думать! Не смей думать, Игнис. Вайтор велел перевозить его, а ты никогда не перечила своему Господину. Нет повода изменять себе и вступать в бессмысленный спор с людьми, не способными понять ни его величия, ни твоей преданности ему. Есть твой Господин и ты, все остальные лишь краткий миг на пути вашей Вечности. Так всегда говорил мне Вайторис, и я безоглядно верила ему. Да, именно так.

Выдохнув с облегчением, я расправила плечи и погладила Искру кончиком пальца. Крыса пискнула и спрыгнула на холку коня. Встала столбиком, усики ее зашевелились, хвост дернулся. Крыса почувствовала опасность и теперь напряженно следила за лугом. Венн полз рядом с конем Ская. Я видела, что змей косится влево, иногда дергается в сторону, но негромкое от хозяина:

– Не смей, – и Венн вновь смотрит только вперед.

И вновь непонятное мне благородство. Если враг опасен

и известно, что нападения не избежать, почему не предупредить удар и не уничтожить угрозу? Я прикрыла глаза и ощутила пять особей, залегших в густой высокой траве в пятнадцати шагах от нас. Совсем близко и так мало... Один направленный удар и этот терпкий аромат чужой боли, умноженный пятикратно...

– Великая Тьма, – простонала я, вспоминая вкус, покусывающий язык.

Откинув назад голову, невольно сбросила капюшон. Прикрыла глаза и облизала губы. Невероятное наслаждение. Пожалуй, по этому дару я соскучилась больше всего. Сколько остроты могут дарить чужие переживания, когда лишен своих собственных. Я тряхнула головой и распахнула глаза. На меня смотрели. Кажется, все воины, ехавшие рядом, сейчас следили за мной. Войтер гулко сглотнул и спешно отвернулся, как только я взглянула в его сторону. Кто-то шумно перевел дыхание, и мужчины вновь закрылись в броне хмурого безразличия.

– Не расслабляться, – донесся до меня напряженный хрипловатый голос Аквея. – Мы въезжаем в лес.

Я накинула капюшон на голову, прячась от водников. Их слова всё еще не отпускали меня и нечто жуткое, вязкое, ледяное, словно дыхание смерти, на мгновение коснулось разума осознанием ответа на брошенные обвинения, но я испуганно охнула и отогнала от себя то, что на короткое мгновение вселило ужас. И я вновь твердила свое заклинание:

всё, что есть в моей жизни, даровано моим Господином. Нет никого более великого, чем он. Моя душа – отражение его души, моя жизнь – продолжение его жизни. Мой огонь лишь искра от его пламени, и я преклоняю колени перед мощью безудержной стихии, которой повелевает мой Хозяин. Лишь его слова – истина, лишь его мысли – верный путь. Каждый удар моего сердца – это его имя. Вайторис...

– Следите за пленницей, – слова Ская вернули меня на лесную тропу, по которой ехал отряд.

Я отвела в сторону край капюшона и огляделась. Неприятное местечко. Вокруг тропы кусты и деревья, спрятаться есть где, но мое внутреннее чувство не уловило ничьего присутствия. Пожав плечами, я коротко вздохнула и собралась уже вернуться к своим мыслям, когда мой взгляд зацепился за странное дерево. Таких я еще не видела. Толстое, явно старое, с низкой плоской и широкой кроной, словно огромный зонтик. С его ветвей, словно тонкие змейки, свешивались отростки нежно-зеленого цвета. Кое-где виднелись небольшие цветы белого цвета, чья хрупкая красота очаровала меня, и я не сводила взгляда с дерева, пока подъезжала к нему.

Из-за ширины тропы мы теперь ехали друг за другом, и никто не мешал мне любоваться хрупким очарованием на фоне древнего гиганта. Воины, кажется, совсем не обращали внимания на дерево. Они объезжали его, ни на мгновение не остановив взгляда на этом простеньком, но чуде. Я повертела головой, раздумывая, спросить, что это за дерево

или нет. Но на меня никто не смотрел и разговаривать явно не собирался, а Скай был где-то впереди, и кричать ему не имело смысла.

Приблизившись к дереву, я протянула руку и мягко коснулась побега.

– Лейда Сиел... – услышала я, но голос, позвавший меня, оборвался, так и не договорив, словно воина кто-то одернул.

Я пробежалась кончиками пальцев по нежной зелени, хотела понюхать цветок, но он рос выше. Мне пришлось встать на стременах и ухватиться двумя руками за побег. Дернула его, пытаюсь оторвать...

– Игнис! – крик Скай прилетел издалека и слился с моим изумленным возгласом, когда побег вдруг оплел мне запястья.

Кто-то бросился в мою сторону, и пальцы, затянутые в перчатку, мазнули лишь по лодыжкам, когда меня выдернуло из седла, в одно мгновение закинуло наверх, и я успела увидеть, что в кроне зияет огромная дыра, незаметная с земли. Ствол скрипнул, и подо мной распахнулся черный зев. Попыталась ухватиться за ветви, но они оказались скользкими, и я, оглушительно взвизгнув, полетела в прохладную черноту, пахнувшую прелью...

Полет был недолгим. Я бы даже сказала, очень коротким. Меня сжало внутри ствола уже через пару мгновений, сдавило со всех сторон, и я сипло выдохнула, закончив верещать. Стенки ствола оказались склизкими, и теперь к древесному

запаху примешалось тошнотворное зловоние. И судя по кро-
мешной тьме, зев над моей головой сомкнулся. Я поежилась,
и меня втянуло глубже. На что это было похоже? На гигант-
скую глотку, вот на что. Кажется, меня сожрало дерево, не
до конца, конечно, но, судя по догадке, в ближайшее время
меня собирались переварить.

Сказать, что я была против участи отбивной с кровью, ни-
чего не сказать. Стиснув зубы и стараясь не дышать, я закры-
ла глаза, чтобы успокоиться и прочистить мысли от подсту-
пающей паники. «Лейда Сиел...», – всплыло в памяти. Хоть
одна собака оказалась с зачатками совести! Значит, решили
скормить меня дереву? Знали и молчали, да? Надеюсь, Ак-
вей им вырвет их поганые сердца, если меня все-таки пере-
варят в деревянном вонючем чреве.

От злости я зарычала, попыталась освободить руку, чтобы
погрозить в пустоту кулаком, но добилось лишь того, чтобы
меня всосало еще дальше.

– Ах ты ж, прожорливая тварь, – прошипела я, дурея от
зловония и злости.

Сожрать меня! Меня! Подавишься, гадина. Я кривовато
ухмыльнулась и «выпустила когти». Царапнула в первый раз
не сильно, для пробы. Снова попыталась вытащить руки,
чтобы полосовать ногтями древесную глотку, но сразу же от-
казалась от своей идеи, потому что с каждым движением ме-
ня проталкивало всё глубже. Оказаться в желудке монстра
с цветочками слишком быстро мне как-то не хотелось. Воз-

можно, мне следовало сначала задохнуться, а после уже меня переварят, однако проверять свое предположение я не стала. Хотя бы потому, что воздуха уже не хватало, а если учесть вонь, то дышать мне оставалось совсем недолго. Да и сжимали тиски так, что полноценного вдоха сделать не получалось. Учитывая, что бороться мне осталось немного, и свободы для движений нет, я больше не стала царапать слизь, я в нее вцепилась.

Между пальцев мерзко хлюпнуло, но я лишь стиснула челюсти. Нутро дерева сжалось сильнее, едва не раздавив меня. Затем мелко задрожало, и... разжалось. Я стремительно заскользила вниз. Взвизгнув, расставила в стороны руки и ноги, пытаясь сдержать падение. Дерево ответило новым спазмом, опять сжав меня с такой силой, что я услышала хруст своих костей. Сознание помутилось, дышать стало окончательно нечем, и я вяло выругалась, понимая, что это конец. А затем дерево содрогнулось, еще раз, еще и...

С оглушительным треском ствол выше меня треснул, и в мое узилище хлынули яркий дневной свет и свежий воздух. Сквозь плену, застилавшую глаза, я увидела, как ко мне свесился человеческий силуэт, сильные руки схватили меня за шкурку и, дернув наверх, вырвали из слабеющей хватки дерева-людоеда.

Издав сиплый квакающий звук, когда застежка плаща впилась мне в горло, я вылетела из древесного нутра и, повалившись на пыльную дорогу, жадно вдохнула.

– Ничего ее не берет, – хмыкнул кто-то.

– С вами разговор еще не закончен, – услышала я голос Скай и открыла глаза. Он склонился надо мной, взъерошенный и заметно встревоженный. Заметив, что я смотрю на него, водник едва заметно улыбнулся. – Живая?

– Думал, что от меня так легко избавиться? – хрипло спросила я и села.

Аквей внимательно рассмотрел меня.

– Выглядишь кошмарно, – сообщил Скай и передернул плечами. – Просто жуть. Бр-р.

Я свела зрачки к переносице, рассматривая слипшуюся от слези прядь, затем скосила глаза на плечо. Вот теперь я бы с радостью вернула плащ его хозяйке, даже лично натянула бы на нее. При мысли о том, как скривилось бы хорошенькое личико Эйволин, я растянула губы в ухмылке. Хмыканье над моей головой заставило поднять взгляд на Аквея. Он изо всех сил пытался подавить рвущийся наружу смех. Я сузила глаза и прошипела ядовитой змеей, закипая в одно мгновение:

– Вес-село, С-скай?

– Игнис, – он вскинул руки в защитном жесте, но теперь его смех прорвался наружу, и водник отшатнулся, хохоча уже во всё горло. Он попытался взять себя в руки, однако сумел выдать лишь: – Ты... ты забавная... Тьма-а-а...

И Аквей привалился к дереву по другую сторону тропы, продолжая хохотать. В этот раз меня не заморозил его смех,

о не-ет. Он взбесил меня! Вскочив на ноги, я сжала кулаки и обвела весь отряд свирепым взглядом. Сдула с глаза сопливую сосульку волос, но она тут же вернулась на прежнее место. Подула снова, вновь сведя зрачки к переносице, и мужской гогот заполнил пространство. Кто-то хохотал открыто, кто-то отворачивался, как Войтер, но по трясущимся плечам было ясно, что скрыть пытаются смех.

– Думали скормить меня этому живоглоту? – с гневом спросила я. – Настоящие мужчины! Дайте мне клинок, и посмотрим, как станет весело!

К сожалению, я выглядела слишком жалко, чтобы во мне сейчас увидели угрозу. И мой вопль вызвал лишь очередной взрыв смеха. Я зарычала, топнула ногой и стремительно направилась прочь, на ходу оттолкнув морду Венна и не слушая писк Искры за спиной.

– Игнис! – крикнул мне вслед Скай.

– Гори в огне, Аквей! – рявкнула я, продираясь сквозь кусты.

– Да постой ты! – я услышала звук погони, но проклятый водник всё еще посмеивался, потому призыв я пропустила мимо ушей. – Игнис, остановись!

– Видеть тебя не хочу! – выплонула я, сворачивая в очередные заросли.

– А я, между прочим, спас тебя, – весело воскликнул Аквей. – Игнис, хотя бы скажи спасибо.

– Чтоб ты провалился.

– Ты мила, как всегда, – хмыкнул водник, почти догнав меня. – Да стой же ты, глупая! Ты хотя бы знаешь, куда ты идешь?

– Про дерево я тоже ничего не знала, но это не помешало твоим воинам наслаждаться зрелищем, надеясь, что я сдохну в зловонном нутре, – я все-таки остановилась и обернулась к нему.

– Ты упрекаешь их? – Скай остановился и теперь смотрел на меня серьезно. – В том сражении у Черного замка погибли их братья, отцы, сыновья. Ненависть к рыжему велика. И к тебе тоже, вряд ли ты не знала об этом. Ты приказала уничтожить всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет в поселении Рафа. Он выжил лишь потому, что отбыл ко мне в замок. А когда вернулся, застал воюющих женщин и разоренные жилища. Игнис, они даже не знали о готовящемся походе! Так почему они должны жалеть тебя, когда ты не жалела их? Ты всё еще жива только потому, что я приказал тебя не трогать. Или же ты думаешь, что твоя красота способна заставить забыть о злодеяниях?

Вновь развернувшись, я развела руками заросли и шагнула в прохладную тень леса. Водник последовал за мной. Ни воинов, ни Венна с нами не было.

– Игнис.

– Я хочу смыть с себя эту дрянь, – буркнула я.

– Тебе стоит попросить, и я дам тебе воду, хватит бегать, здесь небезопасно, – тон Аквея стал мягким.

Только меня эта мягкость не пронила. Я резко развернулась к нему, почти ткнувшись носом в грудь, вскинула голову и зло посмотрела в глаза.

– Хочешь, чтобы я просила? – понизив голос, спросила я. – Хочешь, чтобы умоляла? Думаешь, поставить на колени, водник?

Аквей возвел глаза к небу, протяжно вздохнул и от души припечатал:

– Дура.

Пощечина вышла мгновенной и звонкой. Я распрямилась, расправила плечи и насмешливо посмотрела на след от своей ладони на щеке водника.

– И всё равно дура, – повторил он. – На колени тебя давно поставили, только что-то это тебя не бесит. Где твоя гордость, когда бьешься лбом об пол, восхваляя рыжего?

– Прекрати называть его рыжим! – с яростью воскликнула я. – Ты не стоишь его мизинца.

– Да и плевать! – разозлился в ответ водник. – Это ты перед кровожадной тварью спину гнешь, меня смогли согнуть лишь силой.

– И ты решил согнуть меня?

– Я сказал, что тебе достаточно попросить, чтобы получить воду, только и всего. Это моя стихия, и с некоторых пор мне не нужен источник силы, чтобы управлять ею. Скажи, и я тебе прямо здесь открою ключ.

– Ничего мне от тебя не нужно, – я отвернулась. Внутри

всё еще кипело, и это лишало возможности услышать разум.

– Такое ощущение, что тебе не четыреста лет, а четырнадцать, – проворчал за моей спиной Аквей. – Вода есть через сто шагов, я ее чувствую. Но будет глупостью еще больше отдалиться от отряда.

– Вот и не отдаляйся, – отмахнулась я. – В какой стороне? Я обернулась к Скаю. Он буравил меня взглядом, на скулах двигались желваки, не напугал. Аквей втянул воздух сквозь стиснутые зубы, а затем выплюнул одно единственное слово:

– Бесишь, – и меня окатило водой, ударившей из-под земли.

Упрямо сделала шаг в сторону, и тут же новый фонтан обдал меня водяной струей. Еще шаг, и еще один фонтан. Еще шаг, еще фонтан. Я разъяренно взвизгнула, сорвала с плеч грязный мокрый плащ и швырнула им в водника.

– Прекрати!

– Ты уже чистая? – невозмутимо спросил Аквей.

– Чтоб тебя пожрал Хаос, водник!

Меня окружил поток воды со всех сторон, и он тоже щедро излился мне на голову.

– Ненавижу! – выкрикнула я, в остервенении топая ногами. Когда я так бесилась в последний раз? Никогда!

Поток воды вдруг резко прекратился. Я некоторое время фыркала, отплевываясь от воды, и всё ждала, что Аквей снова будет издеваться. Но ничего подобного не последовало. Я

протерла ладонями лицо и...

– Великая Тьма, – выдохнула я.

Скай лежал на земле с пробитой головой. А на меня смотрели то ли морды, то ли лица жутковатых двуногих тварей, поросших шерстью. Они подступили ближе, принялись, и один из тригов коротко рявкнул. Я открыла рот, чтобы завопить, но на мою голову опустилась дубина, и свет перед глазами померк...

Глава 6. День восьмой

– Скай, чтоб ты сгорел, за какой Тьмой у меня так болит голова?

Голос прозвучал отвратительным скрипом, царапнув слух мне самой, сухая глотка отозвалась неприятной болью. Я еле разлепила веки и уставилась в низкий темный потолок. Обоняние уловило не слишком приятную смесь запахов: звериного логова и аромата трав. Попыталась встать, но виски взорвались новым витком боли, и я со стоном закрыла лицо руками.

– Проклятый водник, – проворчала я и застыла, когда перед глазами встала картина, в которой мой похититель лежал на земле с окровавленной головой. – Бесконечный Хаос, – выдохнула я, порывисто села и зажмурилась, потому что пространство перед глазами поплыло, и это вызвало тошнотворный спазм.

Затем осторожно раздвинула пальцы и взглянула на то, что окружало меня. Земляные стены, маленькое круглое окошко, затянутое чем-то мутным. Судя по всему, на улице уже было темно. И только благодаря вновь обостренному зрению, я смогла рассмотреть грубо сколоченный стол, а на нем глиняную миску с каким-то варевом, в котором плавали травы и большие куски мяса на косточке. Рядом стоял маленький кувшин с водой. Ее я выпила залпом, когда доковы-

ляла до стола и рассмотрела всё, что стояло на нем.

После обернулась и некоторое время разглядывала низкое ложе, жесткое и неудобное. Тело затекло от долгого лежания на нем. На ложе были рассыпаны цветы, уже пожухлые. Подойдя ближе, я криво ухмыльнулась. Никакой романтики, всего лишь сонник. Аромат этих цветов способен свалить даже медведя, а мне насыпали немало, удерживая в бессознательном состоянии. И только благодаря тому, что цветы увяли, дурман спал... Стоп!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.